

Олег Ёлшин

Anthropos phago

Олег Игоревич Ёлшин

Anthropos phago

Текст предоставлен правообладателем

Anthropos phago:

ISBN 978-1-329133-82-2

Аннотация

Мир скатывается в пропасть. По центральным площадям Европы шагают Гей-парады, бесчинствующие ультрас устраивают погромы, раздетые девицы танцуют в соборах и церквях. Митинги и демонстрации, революции всех мастей и цветов, войны, перевороты и передел земель, кризисы, эпидемии и катастрофы. Что это – случайность или роковая закономерность, чудовищная цепь событий, спланированная и претворенная в жизнь. Что происходит? Когда это началось? Как?

Молодой начинающий журналист вынужден отвечать на эти вопросы. Поневоле он становится соучастником и свидетелем, а есть свидетели, с которыми не церемонятся. Его жизнь стирают в одночасье, он теряет семью, работу, теряет все, что у него есть. И теперь выход только один – он должен рассказать правду...

Содержание

Часть 1

5

Часть 2

183

Олег Ёлшин

Anthropos phago

*Культура – это лишь тоненькая яблочная
кожура над раскаленным хаосом.*

Фридрих Ницше

Часть 1

1

Старик сидел на скамеечке в парке и лениво нежился в лучах полуденного солнца, которое щедро палило, согревая его дряблое лицо и, покрытые тонкими черными жилами, морщинистые руки. Была ранняя осень. Первая желтая листва уже начала появляться на редких деревьях, которые загодя готовились сбросить это шелестящее покрывало, отдавая дань наступающей зиме и смене времени года. Скоро польют дожди, потом, если до этих мест ненадолго доберется стужа, редкие снежинки закружатся веселым хороводом, укрывая все белым мягким покрывалом, но пока было очень тепло, старик, словно ловил каждое мгновение уходящего лета. Он сидел и о чем-то думал, глядя по сторонам. Вокруг сновали люди, не обращая на него внимания, но ему было все равно. Взгляд его был отрешенным, потухшим. Казалось, вжавшись в скамейку, он останется здесь навсегда и будет трепетно ловить свежий воздух, пока не превратится в статую, большую и величественную, невозмутимо взирающую по сторонам. Ее будет обдувать ветрами, поливать холодным дождем, леденить равнодушным морозом и она замрет наве-

ки бескровным изваянием. Но все это произойдет потом...

К скамейке тем временем подошла небольшая компания, состоящая из двоих детей, мужчины лет тридцати и молодой симпатичной женщины. Дети в нетерпении тянули взрослых за собой. Все происходило в парке аттракционов, и сидеть на скамеечке очевидно они не собирались. Их требовательные восклицания то и дело оглашали спокойный уголок парка. А вдалеке кружились карусели, с сумасшедшей скоростью друг за другом мчались вагонетки волшебной железной дороги. Преодолевая неровности пути, они то взмывали к небесам, то неслись, покачиваясь из стороны в сторону, делали головокружительные виражи, и люди, опьяненные восторгом, наконец возвращались на землю. А тут какая-то скамейка в парке и прилипший к ней старикан. Нет! Только не это! Нет!

Наконец уставшие родители сумели заставить непокорных отпрысков съесть по огромному бургеру, и мама, переведя дух и взяв их за руки, повела за собой, а отец, оставшись охранять детские рюкзаки, развалился на скамейке. Наконец он мог отдохнуть от безумного дня. Достав газету и, жуя бутерброд, какое-то время он молча читал. На старика он внимания не обращал. Да и зачем ему нужен был какой-то старик? Наконец, почувствовав на себе чей-то взгляд, с удивлением обернулся. Пожилой господин смотрел на него со всем вниманием и чего-то хотел.

– Замечательно! – вдруг воскликнул он.

– Простите?

– Замечательная осень, не правда ли? – произнес тот и окинул взглядом парк. Очевидно ему хотелось поговорить.

– М-да! – неопределенно протянул мужчина и снова уткнулся в газету. Говорить о погоде ему не хотелось.

– У вас славные дети. Сколько им? – вновь услышал он.

– Дочери шесть, а сыну девять.

– Замечательные дети! Спешу поздравить – у вас чудесна семья.

– Спасибо, – и уже внимательнее посмотрел на собеседника.

– О чем пишут в сегодняшней прессе?

– Так, – уклончиво ответил он, – разное.

Хотел было продолжить чтение, но старик задал еще один вопрос:

– Светские сплетни, всякие мерзости?

– Простите? – не понял он.

– Мерзости, мерзости, – зло повторил старик и уставился куда-то вдаль.

– Почему же... Новости дня, так сказать, аналитика, биржевые сводки, погода.

– Я и говорю, мерзости. Все, кроме погоды – дьявольский вздор.

– Вы не любите читать газеты?

– А вы?

– По роду деятельности я журналист и, отчасти, это явля-

ется моей работой, – гордо ответил тот.

– Журналист! – брезгливо повторил старик и вдруг громко воскликнул:

– Читайте!

– Что? – удивился мужчина.

– Все подряд. Заголовки, сводки, первые строки репортажей. Любую мерзость! Читайте же!

– М-да?

– Да! Да!

– Извольте... Неделя началась с прорыва осады горы Синдхар...

– Где это?

– Афганистан! – снисходительно произнес журналист.

– Дальше.

– Американскому заложнику в Ираке отрезал голову британский рэпер.

– Замечательно! Еще!

– Снова сирена в Эшколе. Три ракеты разорвались на открытой местности, одна на территории поселка... Это Израиль, – пояснил он и продолжил. – С момента начала конфликта погибли около 2 тысяч человек.

– Прекрасно! Давайте дальше!

– Лихорадка Эбола унесла уже девять тысяч жизней.

– Дальше!

– В Амстердаме состоялся Гей-парад...

– Отлично!

– Артобстрел донбасского городка Зугрэс армией террористов навсегда изменил жизнь 15-летней девочки. На её глазах ужасной смертью погибли несколько человек. Она попала под обстрел на людном речном пляже и стала свидетелем гибели детей и взрослых. Одному ребенку оторвало голову.

– Какая прелесть. Зугрес? Где это?

– Где-то на Украине, – равнодушно ответил мужчина.

– Вам это интересно?

– Конечно, это ужасно! Но не стоит так беспокоиться и придавать этому столько значения, все происходит далеко отсюда. Терроризм – это всегда ужасно, – и улыбнулся.

– Далеко отсюда, – пробормотал старик. – Оторвали голову где-то далеко отсюда... А всего пару месяцев назад на том пляже люди и представить себе не могли, что такое война. Но прошло совсем немного времени и вот – оторвали голову.

– Читать дальше?

– А хотите я вам прочитаю новость, которую очень скоро напечатают в этой газетенке?

– Попробуйте! – засмеялся мужчина.

– Старик взял из его рук газету, уставился в нее, словно читал текст, и начал шевелить губами:

– В парижском парке развлечений во время бомбежки армией боевиков были убиты дети. Двое из них были совсем маленькими. Девочка лет шести и мальчик девяти. Совсем еще юные создания. Мина разорвалась неподалеку и они по-

гибли от одного осколка, который поразил их крошечные тела...

– Прекратите! – в ужасе воскликнул мужчина, вырывая у старика газету. – Так не шутят!

– А я не шучу! – спокойно произнес старик. – Кто вам сказал, что я шучу?

– Но это бред!

– Заметьте, еще пару месяцев назад люди, купаясь с той реке, даже представить не могли подобного. Тем детям на пляже тоже совсем недавно казалась такая новость бредом.

– Это произошло в далекой стране, в тысячах километрах отсюда, в какой-то глуши, на краю света! Но здесь Париж, сердце Европы! Париж – вы понимаете? Такое здесь невозможно! Такое неуместно. Вы сошли с ума!?

– От немыслимого до обыденного и привычного, вызывающего зевоту, совсем недалеко. От невозможного до возможного – лишь несколько шагов, – проскрипел старик.

– Что вы такое говорите?

– Скоро вы все увидите собственными глазами, – он встал, собираясь уйти, потом тихо пробормотал, – таков их план, – и в отчаянии добавил, – это я оторвал голову тому несчастному ребенку.

– Кто вы? – прошептал мужчина, прижимая к себе детские рюкзаки.

– А вы не знаете? – и вдруг повернулся. Он смотрел на него колючим взглядом и зло улыбался.

– Я... Мне... Кажется, я где-то вас видел.

– Конечно, видели. Еще бы... Кто же меня не видел?...

– Но было это... так давно. Этого не может быть! Тому, кого вы мне напоминаете, сейчас должно быть...

– Сто?!.. Иногда я думаю, что мне уже лет двести. А может быть триста...

– Это вы?

– Центр Европы – говорите? Скоро! Очень скоро! Поверьте на слово...

– Простите! – услышал старик. Он успел отойти на значительное расстояние, потом обернулся, увидев перед собой мужчину, того журналиста, отца замечательного семейства, который стоял перед ним, сжимая в руках два детских рюкзака. Газета нелепо торчала у него из кармана пиджака. Лицо было перепачкано майонезом от отвратительного бургера, которым он с удовольствием недавно давился. Его дети сейчас катались на карусели, не думая ни о чем, а он, позабыв о них, зачем-то бросился вдогонку за этим безумцем, и теперь в нетерпении стоял, переминаясь с ноги на ногу и, молча, с восторгом глядел, не в силах скрыть возбуждения.

– Слушаю вас? – спросил старик.

– Я... Мне... Ради бога, только не уходите. У меня к вам небольшая просьба. Могу ли я...

– Нет!

– Конечно, я слышал! Я знаю, что вы не даете интервью...

– Никогда и никому. За всю свою жизнь я ни разу не дал интервью, – сухо ответил тот.

– Но... Не пора ли изменить правило и приоткрыть завесу? – нагло спросил журналист, и по этой фразе можно было понять, что он профессионал, знает свое дело хорошо и готов на все.

– Вы готовы на все? – вдруг спросил старик.

– Простите? – удивился тот. – Ах, конечно! Редакция моей газеты непременно вас отблагодарит! Это входит в наши правила! За интервью с такой личностью они заплатят сумасшедший гонорар, не сомневайтесь!

Старик улыбнулся и снисходительно произнес:

– Вам это дорого обойдется.

– Наша редакция...

– Дело не в редакции, – спокойно перебил тот, потом прищурился и уже внимательно посмотрел на него своим холодным взглядом. А журналист с трепетом ждал. Он знал, что это интервью может перевернуть всю его жизнь, карьеру, сделать знаменитым, вознести к небесам. Такой шанс бывает лишь один раз в жизни, да и то не у каждого репортера, а тут такая удача. Старик тем временем молча на него смотрел, о чем-то думая. По его взгляду невозможно было понять – о чем. Он застыл, как изваяние, ничто на его лице не шевельнулось, а журналист не мог вымолвить ни слова – сейчас решалась его судьба. Пауза затянулась. Потом старик перевел взгляд в сторону парка, откуда раздавался неудержимый

детский гомон и музыка, снова взглянул на него, вдруг произнес:

– Даже не думайте. Не стоит играть в эти игры, юноша.

– Но...

– НЕТ! Ступайте к детям и жене, у вас замечательная семья. И не дай вам бог.

Сказав это, повернулся и его высокая фигура начала медленно исчезать вдалеке, а молодой мужчина продолжал обескуражено стоять, с сожалением глядя ему вслед.

2

– Ты не представляешь, кого я только что встретил!

Они уже сидели в машине, возвращаясь домой. Дети прикорнули на заднем сидении, и теперь он спешил поделиться с женой невероятной новостью.

– В парке развлечений? Кого? Спящую красавицу или Снегурочку? – и она устало засмеялась.

– Жоан, не ту и не другую. Ты не поверишь – Рональда Дойла! – и он гордо на нее посмотрел. – Я почти взял у него интервью!

– Кто это, Франк? – равнодушно спросила она.

– А ты не помнишь?

– Нет, – неуверенно протянула она.

– Ты не помнишь человека по имени Рональд Дойл? Великий американский писатель! Он написал...

– Да! – вскрикнул она, – помню... Написал книжонку с идиотским названием – “Когда ты свободен”... Ты сошел с ума!? – вдруг прошептала она. – Эта книга была написана лет эдак... сто назад, ... а может и тысячу! Этот Дойл разменял уже не один век!

– Поражаюсь твоей эрудиции, Жоан! Он написал ее... году эдак в... 60-том.

– Какого столетия?! – засмеялась она. – Ты взял интервью у покойного классика? – и она снова залилась задорным смехом.

– Прошлого! Я точно тебе говорю. Я закончил журфак – не спорь со мной...

– Не может быть. Люди столько не живут. Ты в каком аттракционе милый побывал, пока мы катались? В зале с видениями?

– Глупая женщина! Ну, ничего не понимает! – возмутился он. – Этому Рональду сейчас должно быть...

– Сто лет! – уже хохотала она.

– Тьфу...

Вдруг с заднего сидения послышался разумный голос мальчика:

– Рональд Дойл. Автор бестселлера – “Когда ты свободен”, написанного в 1950 году. Это единственный роман писателя, прославившего его на весь мир. Родился он в 1927 году в городе...

– Откуда ты это знаешь? – недоуменно повернул голову

отец.

– Откуда? Оттуда! – гордо заявил сын, – а кто-то не хотел покупать мне планшетник.

– Понятно, – пробормотал отец, а мать вдруг спросила:

– А второй даты там нет?

– Какой – второй? – не понял сын.

– Ну, второй. Которая пишется через черточку.

– Нет, – проворчал мальчик. Никаких черточек тут нет.

Это же Википедия! Здесь все четко!

– Никаких черточек, – пробормотала Жоан.

– Значит сейчас ему... восемьдесят семь лет! – воскликнул Франк.

– Восемьдесят семь, – тихо повторила она, вдруг произнесла:

– А что значит – “почти”?

– Почти?

– Да! Ты сказал, что взял у него интервью “почти”. Это как?

Франк тяжело вздохнул, потом признался:

– Никак...

– То есть?

– Никак и все... Это совершенно безумный человек. Интервью он не дает и говорить с ним бесполезно.

– Как? Ты журналист от бога! Ты работаешь в уважаемой газете и не смог взять интервью! Но почему? Это же был наш шанс!

– Знаю! – зло перебил ее муж, – и не кричи, самому тошно.

– Ты профи! Но почему?

– Потому! – попытался осадить он ее.

– Возвращайся! – выкрикнула она.

– Он ушел.

– Мы догоним его! Старик не мог уйти далеко.

– Нет! Да и говорить с ним бесполезно – он в маразме.

– Ты сам в маразме!

– Жоан! Мы здесь не одни! – сурово заявил отец семейства.

– Прости, дорогой, – прошептала она. – И все же...

Она на мгновение задумалась, потом спросила:

– Этот тот высокий старик, который сидел с тобой, когда мы несколько раз проходили мимо? Он еще читал газету.

– Да.

– Ты должен его найти!

– Где?

– Я видела его раньше! Я точно помню – в прошлые выходные, когда мы были в парке без тебя, он сидел на той же скамейке. И, по-моему, месяц назад видела его там же. Это его скамейка! Он приходит туда постоянно. Такое у стариков бывает. Ты должен его найти, у тебя все получится.

– Полный бред... Хотя, почему бы и нет? Попробую... Только он напомнил мне совершеннейшего идиота – нес полную чушь.

– Это не важно, – разумно сказала жена, а сын вдруг спросил:

– Папа, а почему он написал только одну книжку? Он же потом так долго жил?...

– Потому что идиот, – пробормотал отец, потом поправился, – я хотел сказать, что бывают книги, которых хватает на целую жизнь.

– Как это?

– Так бывает, малыш. Этот человек слишком рано выполнил свою миссию.

– А что такое миссия?...

Отец не успел ответить. Внезапно перед ними возник автомобиль. В этот момент они ехали в тоннеле, где перестраиваться было запрещено, но тот, словно нарочно вынырнул из соседнего ряда и резко притормозил. Столкновение казалось неизбежным. Франк, что было силы надавил на педаль тормоза, машина резко завизжала колесами, и тут они почувствовали удар. Кто-то не смог справиться с управлением, остановиться и врезался сзади. Их отбросило вперед, еще немного и автомобиль замер посреди тоннеля, а внезапное препятствие – тень, которая возникла на пути, так же неожиданно исчезла...

Какое-то время они приходили в себя.

– Все целы? – наконец вымолвил Франк.

– Да, – услышал он голоса детей.

– Он нарочно нас подрезал! – воскликнула Жоан.

– Молчи, – отозвался Франк.

– Папа, а в этом тоннеле погибла Диана? – вдруг спросил любопытный сын.

– Да, – пробормотал отец, – едва ли не в этом месте...

– Она тоже выполнила свою миссию? – спросил он, но отец ему не ответил...

3

Франк несколько дней подряд приходил в то место, где впервые повстречал Дойла. О странной истории, произошедшей с ним в тоннеле, он быстро забыл, доверив всем заниматься страховой компанией, и теперь добирался сюда на метро. В редакции он сказал, что готовит репортаж. Деталей объяснять не стал, а поскольку инициативы репортеров издательством, как правило, приветствовались, ему не стали задавать лишних вопросов. И вот, как на работу, он снова и снова приезжал сюда, бессмысленно ожидая часами, но старик все не появлялся. В его кармане помещалась небольшого размера книга под названием “Когда ты свободен”. Он без труда нашел ее у себя. Читал он ее давно, и теперь, просяживая в ожидании на скамейке, с любопытством перелистывал, недоумевая, почему она была так популярна в далекие пятидесятые. Читают ли такое сегодня? Может быть. В любом случае, чуть ли не в каждом доме она найдется на книжной полке. Снова раскрывал ее и снова ждал, оглядываясь по

сторонам, но Дойла все не было. Так прошло несколько дней.

Наверное, жена что-то перепутала!

Уже думал отказаться от этой затеи, но в субботу на всякий случай в последний раз решил вновь появиться здесь. Детей брать не стал – моросил дождь и народу в парке было немного.

И зачем столько времени потерял? – недоумевал он, поглядывая на часы и жалея, что забыл дома зонтик. Так просидел целый час, уже потеряв всякую надежду. Если писатель раньше и приходил сюда, в такую погоду он не появится точно. Собираясь уйти, вдруг заметил высокую фигуру. Это был Рональд Дойл! Старик медленно приближался, наконец подошел, присел на мокрую скамейку и замер. Франк какое-то время молчал, а сердце его учащенно билось.

– Замечательная осень, не правда ли? – наконец жизнерадостно воскликнул он.

– М-да? – удивленно протянул Дойл. Потом пробормотал:

– Отвратительная!

– У вас славная книга! – продолжил Франк. Дойл повернул голову и почему-то зло посмотрел.

– Снова вы? – жестко спросил он.

– После нашей встречи я несколько дней перечитывал этот шедевр и вот, только что закончив, снова встречаю вас! Это провидение, месье... Простите, мистер Рональд. Это судьба!

Франк вел себя нагло и вызывающе. Он должен был заво-

евать внимание старика.

– Юноша, вы мне надоели. Идите к черту! – ответил тот.

– У вас замечательная книга! Что бы вы сейчас не говорили, мое впечатление от нее не изменится, скорее усилится! Вы гений и можете позволить себе все!

Теперь Дойл внимательно на него смотрел о чем-то думая. Он не сводил с него глаз, но молчал. В этот момент Франк понял, что одержал маленькую победу. Еще немного и старик начнет отвечать на его вопросы. Собственно, он уже произнес несколько слов этого удивительного интервью. Сейчас он его разговорит, сделает на телефон несколько кадров, и неплохой гонорар будет в кармане. Можно будет слетать с семьей на острова, где еще тепло. А школа у сына? Школа подождет. Не так часто в последнее время удавалось вырваться из столицы. Оставалось только старика дожать...

– Это шедевр! На самом деле – это непостижимая вещь! Ваш роман написан полвека назад, но до сих пор оставляет неизгладимое впечатление.

– Вам действительно нравится мой роман? – вдруг услышал он и писатель взял из его рук книгу.

– О! Конечно, сер! Это, ... как вам сказать... (Старик был у него на крючке. Франк ликовал. Еще немного и он заглотит наживку целиком!)

– Это уникальная вещь! Это классика, проверенная столетием. Пройдет немного времени и мои дети, ... их поколение, а я в этом абсолютно уверен, с таким же восторгом бу-

дут ее читать! Это великий роман... Роман на все времена!

– Вы идиот? – вдруг тихо, сочувственно спросил старик.

– Простите? – такого он не ожидал.

– Не прощу! – уже громче добавил тот. – Вы хотите сделать и ваших детей идиотами? – с этими словами он бросил книгу в урну.

– Но...

– Юноша, предупреждаю в последний раз, не играйте со мной в эти игры. Не дай вам бог! И сделайте так, чтобы я больше вас не видел.

Он встал и медленной статной походкой начал удаляться, напоминая изваяние, огромную мраморную статую, которая немного покачиваясь, почему-то не падала, шла по парку, передвигая мраморные ноги. Но Франк кинулся вдогонку. Он не мог просто так отпустить Рональда Дойла. Он должен был его догнать. Слишком долго он ждал своего шанса и наконец дождался.

– Неплохое начало для интервью! – семенил он рядом. – Еще несколько слов для нашей газеты! Пожалуйста! Читатели ни в чем не виноваты! Они снова хотят видеть вас, они помнят о вас, любят! – и Франк начал фотографировать. Старик остановился.

– Вы помните того ребенка, которому оторвало голову? – вдруг спросил он.

– Да... да... помню...

– Хотите повторить его судьбу?

– Нет... То есть, да... Если за интервью с вами я потеряю голову, меня это устроит!

– Вы готовы на все?

– ДА!

Франк ликовал.

– А вы действительно идиот, – прошептал старик, – пожалейте хотя бы своих детей.

– И еще несколько слов нашей газете!

– За слова нужно отвечать, юноша. Мне вас очень жаль.

Прощайте!

Больше Франк его не останавливал. У него было несколько фотографий, была запись на диктофоне тех слов, которые писатель успел произнести, и каждое из них было на вес золота, а значит, у него было интервью с самим Рональдом Дойлом – гениальным писателем, полвека назад написавшим книгу “Когда ты свободен”.

4

Вернувшись домой, Франк почувствовал себя больным. Ломило спину, поднялась высокая температура. Жоан дома не было. На выходные она с детьми уехала к родителям в пригород Парижа и обещала вернуться через два дня. Он не стал говорить ей по телефону о своих злоключениях и выходные провалялся дома. Он не знал, какие нужно принимать таблетки, был в этом вопросе совершенно беспомощ-

ным, поэтому лечился горячим красным вином с выжатым лимоном. Но утром в понедельник сполз с кровати, наскоро одевшись и выпив кофе, неверной походкой отправился в редакцию. Все тело ломило, в голове стоял непрерывный шум, его болтало из стороны в сторону, но в сумке лежал материал, который он торопился отнести в газету, поэтому, собрав остатки сил, нес свою драгоценность, крепко сжимая в руках.

– Рональд Дойл? – с удивлением встретил его шеф. – Ты не ошибся? Этот человек ушел из жизни десять, ... может быть, тридцать лет назад! Черт его знает – когда! – он уже хохотал. – Говорят, с ним случилась какая-то неприятность – то ли пропал без вести, то ли покончил с собой. Короче, ушел твой незабвенный Рональд инкогнито, по-английски. Может, ты еще Элвиса Пресли разыщешь и возьмешь у него интервью?

До него едва доходили слова главного редактора. Он ничего не понимал, едва не падая с ног.

– А, что за фотографии? Франк, это непрофессионально – ужасная видимость. Если даже твой Рональд жив – мы не сможем подобное качество и эти факты предложить нашему читателю. Это китч! Дурной тон! Нас засмеют.

И тут начался кошмар.

– Кстати, Франк... Ты неплохой журналист, мы с тобой знакомы не один год, но... понимаешь. Наша газета провела сокращение. Короче... Ну, ты понимаешь. Издание принад-

лежит не мне. Я ничем не смог тебе помочь. Увы, ты в черном списке...

Он уже падал с ног, но сквозь туман слышал последние слова редактора:

– Дружище, ты непременно найдешь себе другое место... Ты профессионал – проблем у тебя не будет. Ступай, получи небольшой выходной транш – на пару месяцев хватит. Привет Жоан. Она у тебя прелесть! Привет малышам! Оревуар!

В полуобморочном состоянии он вышел из редакции и направился, куда глядят глаза. Потом зашел в аптеку и купил аспирин, в каком-то баре принял таблетку и другую, запив бокалом вина. И другим бокалом, и третьим, потом добавил виски и отправился домой. Вечерело, Жоан уже должна была вернуться. Он с трудом поднялся на третий этаж и позвонил в дверь, но в ответ тишина. Звонил снова и снова, но никто не отвечал. Попытался открыть замок ключом, но дверь была заперта изнутри на защелку. Он ничего не понимал! Может с Жоан что-нибудь случилось! А дети? Они тоже должны быть сейчас дома! Вдруг на полу заметил сумку, с которой обычно ездил в командировки. Та была полна, словно ее собрали в дальнюю дорогу. Он снова начал звонить и колотить, и стучать в злополучную дверь, которую почему-то никто не хотел открывать. Тогда он начал кричать.

Дверь внезапно открылась, откуда появилась рука Жоан, которая сжимала конверт. Он только успел взять его, как дверь вновь захлопнулась, а из конверта на пол посыпались

фотографии. Несмотря на ужасное состояние, на мгновение пришел в себя, сообразив, что это дешевая подделка. Он знал технологии, он работал в издательстве! Франк впервые видел женщину, с которой был изображен на фото. Это было ужасно. Такое было невозможно! Он не любил блондинок! Он никогда не лег бы в постель с такой! Зрелище было отвратительным. Его тело было собрано фотошопом из отдельных частей: руки, лицо принадлежали ему, остальное неизвестной особи мужского пола, которая занималась сексом со своей белокурой подружкой. Как Жоан поверила в такое!? Как она могла? Он снова начал колотить в дверь, потом услышал ее спокойный голос:

– Если ты не уйдешь, я позвоню в жандармерию.

– Звони!

– Хорошо, – снова очень спокойно ответила она.

Он ушел, не дождавшись ажанов, долго бродил по вечернему городу, потом по ночному. Наконец оказался в незнакомом отеле. В его чемодане предусмотрительно была положены документы и кредитная карта – Жоан позаботилась обо всем. Спать не хотелось. Немного придя в себя, он отправился в бар, потом в другой, в третий... Очнулся утром в номере, в смятой постели, где рядом лежала полуголая девица. Она была блондинкой и невероятно напоминала ту – с фотографий из злополучного конверта. В руках она держала, разглядывая, уже новые фотографии, а на них снова был он (уже настоящий он) и она. Опять белый туман и Франк

провалился в темноту...

Когда очнулся, посмотрел на часы – было шесть утра среды. Где провел полтора дня, он совершенно не помнил, только тупая боль в голове и непрерывный гул в ушах. Кредитная карта исчезла, девица тоже, остались только фотографии на подушке. Они были откровенными и, что самое ужасное, подлинными. Больше Жоан не обманывалась – теперь все становилось правдой. Посмотрел в окно. Там начинался новый день, который нужно было как-то прожить, а завтра еще один и еще. День был темным, даже черным, безрадостным, без признаков жизни, света и солнца. Без признаков тепла. Как он не любил просыпаться в темноте, но такой день для него наступил...

5

В номер постучали, потом зашла горничная.

– Простите, месье, у вас номер оплачен до 10 часов утра. Уже начало одиннадцатого. Мне нужно успеть убрать – скоро он будет сдан другому.

Франк хотел сказать, что будет продлевать бронирование, но вспомнил, что карточка исчезла, а в кармане осталось совсем немного денег, которых хватит лишь на пару чашек кофе и какую-то ерунду. Остальные деньги куда-то исчезли. Он замер, не зная, что ему делать.

– Вы хотите продлить номер?

– Нет... Нет, не хочу... Сейчас я уйду... Простите, а кто та женщина, которая была позавчера со мной в этом номере, – вдруг спросил он.

– Вы хотите узнать это у меня? – и девушка улыбнулась.

– Может вы ее видели в отеле раньше?

– Здесь бывает много таких женщин, месье.

– Да, вы правы. Простите.

– Ничего, я зайду позже. Спокойно собирайтесь – у меня еще есть немного времени, я подожду, – и она ушла.

Через полчаса он был в банке. Нужно было восстановить кредитную карту. Нужно было как-то восстановить свою жизнь, за что-то уцепиться, а без цента в кармане ничего в голову не приходило. Последнюю мелочь он оставил в бистро. Хватило лишь на круассан и чашечку кофе. Несколько Евро! Увы, Париж – город дорогой!

Его встретила знакомая операционистка:

– Месье Франк, не расстраивайтесь. Посидите несколько минут, я все сделаю. Это лишь маленький кусочек пластика, все будет хорошо, – приговаривала она, вводя в компьютер его данные. А он в нетерпении стоял рядом, соображая:

Нужно снять деньги, нужно вернуться в отель... или найти другой, оставить там сумку, принять душ, собраться с мыслями и решить, что делать дальше. Что дальше?... К Жоан! К детям! Он должен ей все объяснить...

– Сейчас я сменю пароль, ликвидирую старую карту и активирую новую. Еще пару минут, месье Франк. Сейчас я все

восстановлю!..

Потом нужно будет позвонить старому другу, который работает в другом издательстве. Как-то он звал его туда. Газетенка – не бог весть какая, но на первое время будет работа. Нужно себя поддерживать! Но главное – Жоан!..

– Все готово, мистер Франк. Распишитесь здесь... и здесь. Ваш паспорт?

С ужасом понял, что забыл его дома или потерял. Нащупал в кармане водительское удостоверение.

– Ничего страшного, можно и права, это пустая формальность! – улыбнулась девушка.

– Все? – нервно спросил он.

– Да! – приветливо отозвалась она. – Больше не теряйте, – и протянула ему новую карту.

– Я хочу снять некоторую сумму. Это можно сделать у вас или в банкомате? – в нетерпении спросил он.

– Можно и у меня. Сколько?

Он не успел ответить, как она произнесла:

– Семнадцать центов?

– Почему? – недоуменно воскликнул он. Сейчас ему было не до шуток.

– На вашем счете росно семнадцать центов.

– Как? – ничего не понимал он. – Там должно находиться больше десяти тысяч Евро!

– Не волнуйтесь, – засуетилась она, – какая-то ошибка, сейчас все выясним, – и скрылась в дверях. Очень скоро вер-

нулась. Она улыбалась, и у него отлегло от сердца.

– Все в порядке? – спросил он.

– Конечно! – отозвалась она. На вашем счете действительно находились 12452 Евро, но вчера вы перевели всю сумму на некий счет, оставив лишь 17 центов. Совершили удачную покупку? – порадовалась она.

– Куда? – уже кричал он, – куда я их перевел? У меня эти деньги украли!

– Сейчас уточню, – испуганно прошептала девушка и снова исчезла. Через некоторое время появилась вновь:

– Вот банковская выписка, – протянула она бумагу, – там все указано.

– Что это за счет? – пробормотал он. Она взяла из его рук выписку и прочитала:

– Перевод совершен на счет..., – вдруг покраснела, засмеялась, – ой, простите! На счет “Общества в поддержку гомосексуальных меньшинств”, – и уже серьезнее добавила, – вот в уголочке помечено. Вот здесь. Смотрите же. Все правильно? Мистер Франк, все верно? – и замолчала, с сожалением глядя на этого молодого красивого мужчину, потом снова приснула и отвернулась. В эту же минуту к ним подошла старшая по залу.

– Жанна, что ты себе позволяешь? Месье Франк, простите ее! Ох уж эти молодые сотрудницы – никакой толерантности, культуры, никакого такта! “Общество в поддержку гомосексуальных меньшинств” – уважаемая организация!

А люди, находящиеся в зале, уже с интересом на него смотрели.

– Месье Франк, наш почетный клиент! Работает в солидном издании! Ты ведешь себя, как извращенка! Простите ее! У вас еще есть какие-нибудь вопросы? Я могу вам помочь?! – без остановки тараторила она.

– Нет! – Франк выхватил карту и выбежал на улицу.

Кто-то стирает его жизнь! – стучало у него в висках.

6

Он не понимал, что с ним происходит. У него не было врагов, несколько лет он выполнял скромные обязанности журналиста в престижной газете, была прекрасная семья, квартирка, небольшой счет в банке и никаких проблем. Он никому не переходил дорогу, не уводил чужих жен, не занимался бизнесом, не лез на рожон, проводя рискованные расследования – только выполнял рядовые поручения редакции и не более того. Но то, что произошло за последние дни, не укладывалось в голове. Все это не могло быть случайностью, было кем-то тщательно спланировано, осуществлено и сделано чудовищно быстро, жестоко, а главное, профессионально. Но кому он был нужен?

Теперь Франк мучительно соображал. А еще ему казалось, что та встреча с престарелым писателем имела к этому отношение. Что за ерунда? Разве может интервью, тем более

несостоявшееся, быть тому причиной? Да и нет давно в живых того Дойла – ему же об этом говорили. Значит, он обидел какого-то важного господина? Допустим. А тот оказался большой птицей? Допустим. Большой и мстительной. Ну и что? Какая-то ерунда. Он ничего не сказал ему такого, что могло бы покоробить его самолюбие. Они просто говорили о книге, о литературе, о погоде, черт возьми! Правда, тот не скрывал – кто он такой. А если это был Дойл? Ну и что? Что он сделал ему плохого? Тогда, как все это можно объяснить? Если это был настоящий Дойл – разве может пожилой человек устроить подобное? Зачем? Ради чего?

Франк сходил с ума.

Дальше события развивались стремительно. Он позвонил старому приятелю, работавшему в издательстве. На его вопрос о работе получил ответ, что свободных вакансий нет, сейчас кризис и газета на пороге разорения. Потом, с ужасом глядя на телефон, батарея которого уже почти разрядилась, начал звонить всем подряд, пытаясь занять денег. На его просьбы получал простые ответы:

Увы!.. К сожалению... Я в отъезде... Получка через неделю... На прошлой неделе купил машину... Горит оплата кредита...

В ужасе понял, что в этом огромном городе у него не было друзей. У него не было совершенно никого, к кому бы он мог обратиться! Никого, кроме Жоан! Какой кошмар!

Он набрал ее номер.

– Больше сюда не звони, – услышал он ее спокойный голос, – и забери свои вещи.

Сказав это, она повесила трубку.

На юге в Провансе жила престарелая мама, но обращаться к ней с подобной просьбой было бы самоубийством. Та начала бы задавать множество вопросов, не понимая, почему ее сын, сотрудник уважаемого издательства, муж, отец двух детей, шатается по улицам, не зная, что ему делать и куда идти, что есть, где ночевать, как начинать завтрашний день...

НЕТ! Только не это!

Пока он рылся в записной книжке телефона, тот, издав прощальную трель, вежливо написал на экране – “До свиданья” и потух. Заряд батареи иссяк. С этой минуты он был отрезан от мира, предоставлен самому себе, выброшен в этот город, который с безразличием на него взирал. Франк был ему не интересен. Да и мало ли бродяг шатается по его улицам!

– Бродяг! – подумал он. – Вот он и стал бродягой! Обыкновенным клошаром! Как можно стереть жизнь человека всего за два дня в столице великой страны, в цивилизованном обществе! Как оказывается просто это сделать! За что цепляется наша жизнь? За пластиковую карту. За квадратные метры, которые принадлежат жене. За жену, которая увидев фальшивку, выбрасывает тебя на улицу. За работу, с которой в любой момент могут погнать! За детей! Да! Детей! Но, где эти маленькие существа, которые ничем помочь

не могут. За суды, которые потом будут отбирать их у тебя! Из-за чего? Из-за нелепой встречи на скамейке с каким-то психом, который умер то ли десять, то ли тридцать лет назад? Франк только сейчас понял, какая хрупкая вещь жизнь в этом странном, одиноком мире, где так мало ножек у стула, на котором сидишь! Его жизнь стерли, уничтожили всего за два дня! Куда идти? Что делать?...

Искать! Нужно найти того сумасшедшего и потребовать от него объяснений! Все, что с ним произошло, даже странная авария в тоннеле, (теперь он был в этом абсолютно уверен) имела отношение именно к той встрече. Сейчас он знал это точно. А еще Франка одолевал голод. Клошары! Интересно, как они живут, что едят, где спят? Как удастся им в этом огромном равнодушном городе сохранять жизнь, поддерживать ее?... Может быть, пойти к Жоан и попытаться все объяснить? В конце концов, взять у нее денег! НЕТ! Как она могла?! За десять лет их брака он ни разу ей не изменил. Даже смешно! И теперь такое! Это она заставила его найти проклятого Дойла! Это из-за нее он будет питаться обедками у ресторанов, будет, как бродяга, ночевать на скамейках в парках, таскаться по улицам холодного города.

Так размышлял он, бесцельно слоняясь по Парижу. Сена, Латинский квартал, где веселыми стайками мимо пробежали студенты Сорбонны, вот Великий Собор. Потом добрел до Лувра, где толпилось множество народу. Отсюда было недалеко до того парка развлечений. Он постоял среди людей,

озираясь по сторонам. Вот Наполеоновский дворик, в центре которого гордо стояла гигантская, для этого священного места, Стеклянная Пирамида. Снова улицы и площади, Триумфальная Арка и Елисейские поля. А он, словно турист, бродил по этим местам, не зная, где закончится его день.

Последнее, что запомнил – были удивительные деревья в парке, под которыми он устроил себе ночлег. Здесь находилась та самая скамейка, с которой все и началось. В тот день он сидел, ждал детей и жену, а сейчас все отдал бы за бургер, которым тогда давился, отдал бы все за то, чтобы пройти мимо этого человека. Он ненавидел его и Жоан ненавидел, и самого себя.

Я заболею и умру, и тогда Жоан узнает, как несправедлива ко мне была, – думал он. А еще, лежа на скамейке, положив под голову сумку и накрывшись свитером, который Жоан предусмотрительно положила, он смотрел на пожелтевшую листву, переливающуюся в свете прожекторов. Зрелище было удивительным, было очень красиво, эти благородные деревья, словно укрывали его от непогоды и холода, принимали этого потерявшегося человека в свою компанию, теперь он был членом их коллектива. Они покачивали на ветру развесистыми кронами, словно, успокаивая. А неподалеку стояли уставшие аттракционы. Они закончили свое длинное лето и терпеливо дожидались весны. Только карусель спокойно и горделиво вращалась. На ней мигали разноцветные лампочки, последние прохожие заглядывали в

это уединенное место Парижа, чтобы оседлать деревянную лошадку или ослика и сделать еще один круг. И еще один. А потом вернуться в свой теплый дом...

Франк сунул руку в сумку, достал какую-то тряпку, оказавшуюся полотенцем, обмотал замерзшую голову и снова устроился на скамейке, глядя в темное небо, на котором мерцали яркие звезды.

– Назло заболею и назло умру! – пробормотал он.

7

Подскочив на месте, он сначала не понял, где находится. Все тело ломило, его знобило, болела голова, спина онемела от жесткой скамейки, на которой он ночью лежал, в руках он держал свитер, которым укрывался, а с головы свисало полотенце. Рядом стоял какой-то старик и внимательно на него смотрел. Это был Дойл. Рональд Дойл! Человек, по вине которого он оказался в таком ужасном положении. Тот улыбался и какое-то время молчал. Потом произнес:

– Доброе утро. Замечательная осень, не правда ли?

– Чего вы от меня хотите? – пробормотал Франк, – что вы привязались ко мне? Кто вы такой, в конце концов?

Тот пропустил эти слова, оставив их без ответа, и почему-то спросил:

– С женой и детьми все в порядке?

– Да... А что? – в ужасе прошептал Франк.

– Что же случилось с вами?

– Со мной?... А вы не знаете?!.. Какое вам дело? – вдруг закричал он.

– Раз я спрашиваю, значит, мне есть дело. Отвечайте! – властно сказал тот и Франк почему-то заговорил:

– Меня... выгнали с работы...

– Так.

– Что так?

– Хорошо! Дальше!

– Дальше... Дальше меня выгнали из дома.

– Почему?

Франк молча вынул из сумки фотографии и протянул ему. Дойл взял их и долго внимательно изучал. Делал он это с каким-то удовольствием, о чем-то думая.

– Это ваша работа? – взорвался Франк.

– Ничего не меняется. Методы все те же, – бормотал он себе под нос, не обращая на Франка никакого внимания. – Только раньше фотографии были черно-белыми, а теперь цветные.

Очнувшись, снова посмотрел на Франка:

– Что еще?

– Еще?! Еще меня обокрали!

– Хорошо, – пробормотал Дойл.

– Что хорошего?

– Это все?

– Этого мало?

– Вас не сбила машина?...

– Да, мы попали в аварию, но это было после первой нашей встречи.

– Понятно. Больше неприятностей не было?

– Каких?!!!

– Вас не арестовали, не предъявили обвинения в изнасиловании несовершеннолетней, не подкинули оружие или наркотики, не посадили за угрозу терроризма, за попытку нападения на президента, не нашли в кармане капсулу с лихорадкой Эбола?

– Не нашли, – пробормотал Франк, потом прошептал, – кто вы такой?

– Вам, юноша повезло. Считайте, что вы отделались легким испугом.

– Чего вы от меня хотите? – снова в ужасе едва выговорил Франк.

– Вы знаете, кто я такой. И я ничего от вас не хочу, а вот вы пожелали взять у меня интервью.

Он повернулся и начал удаляться.

– Стойте! – закричал Франк. Дойл обернулся.

– Куда же вы?

– Ладно, идите за мной, – проворчал он и продолжил свой путь, а Франк, вскочив со скамейки и схватив сумку, побежал следом.

– И снимите с головы это дурацкое полотенце! – на ходу бросил Дойл, мельком на него посмотрев.

Какое-то время они шли молча по дорожке парка, потом старик, сделав шаг в сторону, ступил на траву.

– Вы куда?

– Здесь ближе, – буркнул тот и начал углубляться в парк. Так они какое-то время шагали по газону. Дойл снова повернул, потом еще, Франк не отставал, следуя за ним. Он не понимал, куда они направляются. Вдалеке показалась высокая стена, к которому примыкал парк, больше там ничего видно не было. Внезапно сквозь облака начало пробиваться солнце. Оно светило все ярче, уже слепило глаза, стало тепло, даже жарко. Франк расстегнул пиджак – он быстро согревался. Наконец ему стало тепло после той ужасной ночи. Дойл, повернув в последний раз, обошел пару деревьев и направился к дорожке, откуда они только что пришли.

– Старик заблудился, – подумал Франк, но ничего не сказал. Так они, преодолев какое-то расстояние, снова оказались у знакомой скамейки. Дойл сел и уставился вдаль. Потом кивнул:

– Располагайтесь, здесь нам никто не помешает, можно спокойно поговорить.

Франк смотрел на него выпученными глазами – у него не находилось слов. Старик долго молчал.

– Что же мне с вами делать? – наконец пробормотал он, переводя взгляд на Франка. Вдруг наклонился и начал что-то искать в траве.

– Будьте любезны, помогите мне, – беспомощно произнес он.

– Не понял?

– Я обронил запонку, поищите пожалуйста, она должна быть где-то здесь.

Он держал рукой манжет и смотрел в траву. Франк наклонился и тоже начал рассматривать поверхность зеленого газона, но ничего не находил.

– Смелее же, молодой человек! Или вам сто лет и вы тоже не можете согнуть спину? – уже громче произнес Дойл. Было заметно, как он волнуется.

– Сейчас, сейчас, – бормотал Франк, вставая на колени. Он водил руками по траве, но ничего не находил. – Может быть под скамейкой? – спросил он.

– Может быть, – уже громче отозвался Дойл. Франк присел еще ниже и начал искать, в темноте шаря руками, а старик нервно приговаривал:

– Ну, что там? Не молчите же?

– Я смотрю! – ответил Франк.

– Смотрите! Давайте! Смотрите! Золотая запонка! Попробуйте-ка с другой стороны. Давайте еще глубже, она должна быть здесь, я знаю это точно!!!

– Я ищу!

– Плохо ищите! Зайдите сзади! – продолжал давать советы Дойл, – проползите под всей скамейкой! Смелее!

– Ищу! Я ищу!

– Дальше! Еще дальше! А под тем кустиком, а под урной смотрели? А в урне? Перепашите на животе весь чертов газон! Весь парк! Давайте, юноша, не ленитесь. Еще дальше, еще!!!

Франк уже весь мокрый от утренней росы, продолжал ползать под дурацкой скамейкой, которая нависала над ним, и где он едва помещался, больно ударялся головой, но лихорадочно шарил руками, а старик все продолжал кричать, подбадривая его. Вдруг Франк услышал хриплый гогот и высунулся из-под скамейки. Дойл стоял и дико хохотал. В руке он держал запонку, которую надевал на законное место, потом снова закричал:

– Зачем выползли? Носом, лбом своим перепашите весь этот чертов газон! – и снова захохотал дьявольским смехом. Франк, выскочив из-под скамейки, уставился на старика.

– Вы что?... Вы... Как это?... Что это такое?

– Внимательно наблюдаю за тем, как долго можно ездить на вас верхом! – перестал смеяться Дойл и зло на него уставился, – я хочу знать, где предел человеческой тупости и убожеству, – и снова засмеялся.

Франк уже задыхался от ярости. Вдруг воскликнул:

– Я все понял! Вы сумасшедший! Как я раньше не сообразил. Вы ненормальный, богатый псих, который играет с людьми в свои идиотские игры! Теперь мне все понятно!.. Оставьте меня в покое! – дико закричал он. – Меня и мою семью! Вы слышите меня?! Я вам ничего не сделал! Я про-

сто сидел в парке и читал газету, это вы ко мне подошли! Будьте вы прокляты! Что вам от меня нужно? Забудьте обо мне! – потом закашлялся. Чувствовал он себя ужасно, едва не валился с ног. Вдруг услышал спокойный голос Дойла:

– Все сказали?... – потом зло прошипел:

– Да, кто вы такой, черт возьми, и что вы можете?

– Простите? – вспыхнул Франк.

– Не прощу! Вы ничтожный журналистишка, который ради копеечного гонорара решили преследовать меня. Что вы можете, что вы сделали в своей жизни? Вы рыхлое европейское существо, изнеженный, инфантильный, младенец!

Больше Франк молчать не мог.

– А вы зарвавшийся американец с тупым чувством юмора и солдафонскими манерами. Что сделали вы? Написали книжку? Книжонку? Наваляли шедевр и в кусты? Потом развалились от лени и апатии, зажрались, улеглись на диване и провели так полвека!?

– Та-а-ак!

– Да, ТАК! А книжонка ваша убогая пародия на классику, пародия на жизнь. Что вы смогли с ее помощью сказать, о чем новом вы сообщили миру!?

– Давайте еще!

– Еще? Вы самодовольное существо, которое взяло на себя право смотреть на людей свысока, вам повезло, вы попали в нужное время в нужном месте, вас подобрали...

– Отлично! – уже кричал Дойл, – давайте же! Еще! Давай-

те!!!

– Дам! И еще как дам! ...Подобрали на помойке и возвеличили. А потом забыли.

– Вот!

– Забыли навсегда. Не пройдет и десяти лет, как никто вашего имени не вспомнит, вы мраморная статуя, монумент, памятник, который снесут за ненадобностью...

А Дойл уже без удержу хохотал. Он не мог остановиться, едва не падая со скамейки, но продолжал выкрикивать нелепые слова.

– Давай, жалкий младенец, давай. Ай да молодчина! Браво! Бис! Покажи противному старику, наподдай ему!...

– Все! – остановился Франк. – Я сказал все! – он стоял, отряхиваясь от травы и утренней росы, и выглядел чрезвычайно грозным.

– Прощайте! Вы сумасшедший! Вы псих! И мне ничего от вас не нужно! Интервью!? Размечтались!

Он схватил сумку и бросился наутек. Через мгновение вернулся, заявив:

– Денег! Немедленно дайте мне денег,... пару сотен,... мне нужно на такси и еще... на еду, и... и на отель... Сейчас же дайте мне их! За моральный ущерб!

Дойл стоял и молчал. Он с удовольствием, прищуриив глаза, глядел на Франка, потом вынул из кармана купюры, с улыбкой протянул ему, тот, не глядя, сунул их за пазуху и повернулся, чтобы уйти. На ходу услышал:

– Вы знаете, юноша, где меня найти.

– Идите-ка вы..., – зло обернулся он. – И не вздумайте больше преследовать меня!!!

– А вы снимите с шеи это дурацкое полотенце! Нынче такое не носят, – и снова залился громким хохотом. Франк сорвал полотенце, которое так и осталось висеть у него на шее, несколько раз махнул им, как белым флагом, и в сердцах отшвырнул в сторону. Через мгновение он исчез. Старик мгновенно стал серьезен, какое-то время смотрел ему вслед, потом пробормотал:

– Забыли, говоришь? Да, забыли... Если бы это было так, все было бы намного проще. Все было бы по-другому...

Он поднял с газона полотенце, сел на скамейку и уставился вдаль, застыв, словно изваяние. И только в глазах его замерло мучительное, сосредоточенное размышление, он о чем-то лихорадочно думал. О чем? Прочитать его мысли в этом пустынном парке было некому...

8

– Да кто ты такой? – бормотал Франк, быстро удаляясь из парка, – Кто дал тебе право так вести себя с людьми! С незнакомыми людьми! С уважаемыми людьми! С профессионалом, журналистом, отцом двух детей и мужем одной жены... Тьфу!

Так он мчался по улицам, не глядя по сторонам и нико-

го не замечая. Потом начал внимательно рассматривать витрины магазинов. Невероятно хотелось есть, но сейчас ему нужен был тот единственный магазин, где найдется убогое произведение этого ненормального. Франк не помнил, где расположены книжные лавки в этом районе, поэтому лихорадочно искал. А отовсюду веяло ароматами быстро и ресторанчиков, закусочных и чайных, где дымился горячий кофе, лежали горячие круассаны, жарились яйца с беконом и прочая снедь. В кармане у него лежали деньги, старик второпях сунул ему целую пачку, их даже не нужно было пересчитывать, было понятно, что хватит и на плотный обед, и на номер в отеле, но сейчас... Сейчас ему нужна была бездарная книга бездарного писателя, по первым словам, строкам которой он поймет, с каким ничтожеством имел дело.

– Да, кто ты такой!?! – продолжал ворчать он. Наконец увидел знакомую надпись и бросился в открытую дверь.

– Дайте пожалуйста мне эту... как ее... Он волнения и возмущения он потерял дар речи, – книгу этого писателя... как его...

– Какого? – вежливо спросила продавщица. Она была удивлена раннему посетителю и его возбуждению, в таком настроении люди в ее магазин не заходили. А этот ворвался, словно здесь была аптека или винный магазин.

– Так! – собрался с мыслями он, – писателишку зовут...

– Простите? – не поняла она.

– Я хотел сказать, – поправился он, – писателя зовут Ро-

нальд Дойл, а книга называется... Впрочем, вы знаете это сами, книга у него одна.

Девушка задумалась, потом произнесла:

– Я не знаю такого писателя.

– Как? – возмутился он. – Посмотрите, он наверняка у вас есть. Этот... есть в каждом магазине.

– Нет, я знаю свой товар, но такого писателя... и даже писателишки у нас нет. Это совершенно точно... Какое-то новое имя?

– Девушка, вы уверены? – изумился он.

– Абсолютно!

– И вы никогда ничего не слышали о нем?

– Нет.

– Нет?!

– Нет, – удивленно повторила она.

– ЕСТЬ! – радостно воскликнул он, направляясь к выходу. – Ну и молодежь пошла, продавец книжного магазина и не знает Дойла! – подумал он.

Через километр нашел еще один магазин и зашел туда.

– Нет, такого нет.

– Точно?

– Точно!

– И ничего о нем не слышали?

– Ничего.

– Прекрасно! – ликовал он. Но вот еще один магазин и еще – уже четвертый, а книги Рональда Дойла не было ни-

где, и никто о нем ничего не слышал. Франк был счастлив, он много бы отдал за то, чтобы Дойл оказался в эту минуту рядом. Писателя уже забыли в этой цивилизованной стране, выкинули из памяти, из книжных магазинов за ненужностью!

– Да, кто ты такой! – довольно ворчал Франк. Но ему нужна была эта книга, он должен был посмотреть Дойлу в глаза, и теперь не знал, где ее найти. В конце концов, ему все надоело. Это был пятый магазин, куда он заскочил.

– Посмотрите, пожалуйста, в вашем компьютере, там наверняка ее найдете. Может быть, она лежит не на полках, а пылится в подсобке. Я уверен, эта книга должна быть в магазине.

– Нет, месье, такой книги у нас нет, – уже в третий раз повторила продавец.

– И такого писателя вы не знаете? – уже возмущался он.

– Нет.

– Стыдно, девушка. Это классик мировой литературы!

Девушка покраснела и робко произнесла:

– Вы уверены?

– Конечно. Зайдите в Интернет, наберите в поиске его имя и через секунду выпадет миллион ссылок.

– Простите, куда мне сходить?

– В Интернет!

– Что вы имеете в виду? – вдруг спросила она.

– Та-а-ак, понятно, – протянул Франк и покинул мага-

зин, – девушка была из глухой провинции! – понял он. Но сейчас отчаянно хотелось есть, и терять времени на какого-то Дойла у него больше не было ни желания, ни сил. Достаточно было того, что пять продавцов книжных магазинов о Рональде Дойле не знали ничего! Это была маленькая, но, все-таки, победа.

В первом попавшемся бистро Франк лихорадочно набросился на еду. Он не ел уже несколько дней, ужасно себя чувствовал, простуда еще давала о себе знать, безумно устал, и теперь сидел, с жадностью поедая свой завтрак. Маленькое глупое счастье! Как это замечательно просто быть голодным и удовлетворять свой аппетит. А думать больше не хотелось ни о чем. Хотя бы один час! Этот час он проведет спокойно и без нервотрепки. В эту минуту он, словно, возвращался к жизни. Неподалеку сидели люди, они разговаривали, читали газеты, пили кофе, и Франку стало спокойно и хорошо. Потом он пойдет к себе домой. Да – именно к себе и к жене! Объяснится с Жоан и закончит эту дурацкую историю. Забудет о ней навсегда...

Перед ним положили счет.

– Не уходите, я сразу же заплачу, – сказал он, вынимая деньги. Потом в ужасе смотрел на них, переводил взгляд на официантку и снова на деньги, которые дал ему Дойл. Перед ним лежала целая пачка... французских франков. Купюр, которые больше десяти лет не ходили в этой стране. Старик и тут его разыграл. Дойл над ним издевался! Франк

не знал, что ему делать.

– Простите, – прошептал он, – я перепутал. Это шутка, сейчас я вам все объясню.

– Что? – невозмутимо спросила девушка.

– Нет! Пожалуй, я не смогу вам объяснить, чем заплачу за свой завтрак, – устало сказал он, – можете звать жандарма, вышибалу или кто там у вас... Вот, возьмите в залог мой телефон.

– Месье шутник!? – улыбнулась девушка. – Мне не нужно столько чаевых.

С этими словами она вынула из пачки сотенную купюру, полезла в карман белого фартучка и насыпала на подносик сдачу. Это были сантимы, самые настоящие, давно забытые, сантимы, а не центы.

– А если месье нужно позвонить – вон телефонная будка.

Он ничего не понял, оставил мелочь на столе и быстро ретировался...

– В этом ресторане до сих пор принимают к оплате франки!.. В этом ресторане находится телефонная будка! Ретро-бистро! – думал он на ходу.

9

Наконец добрел до своего дома, который переливался в лучах яркого полуденного солнца. День выдался замечательный. Осень, словно забыв о своих правах, вновь уступила ме-

сто жаркому лету, и уже не верилось, что еще вчера моросил ледяной дождь, не верилось, что ночь он провел на жесткой скамейке. Кошмар оставался позади. Как просто сейчас подняться на третий этаж, позвонить в дверь, которую Жоан немедленно откроет. Она улыбнется, от нее будет пахнуть теплом и домом. Он обнимет ее и недоразумение закончится. Так думал он, поднимаясь по ступенькам. Конечно, предстоит борьба, придется объясняться, уговаривать, требовать и настаивать. И улыбаться она не будет, скорее всего, даже не откроет дверь, но так хотелось снова вернуться к ней, увидеть детей, оказаться дома.

Он позвонил. Через мгновение дверь открылась и на пороге появилась Жоан. Она стояла, такая родная, хорошая, такая близкая и улыбалась. Ему улыбалась!

– Здравствуй, милая! – шагнул он к ней и обнял за плечи.

– Что это? – вдруг высвободилась она из его рук, отпрянув.

– Перестань. Давай спокойно поговорим.

– О чем?

Жоан с изумлением на него смотрела, была подчеркнута вежлива и на мгновение он замолчал.

– А нужно ли о чем-то говорить? Помолчим! Забудем весь кошмар.

– Я не понимаю!?

– Жоан, неужели ты не видишь, что на этих фотографиях не я. Это жалкая подделка, – и он вынул из конверта снимки.

– Какая гадость!.. Мне совершенно все равно – вы это или не вы! – воскликнула она, мельком бросив взгляд на фотографии и нахмутив лоб.

– Ах, так! То есть ты готова узнавать меня на любой поддельной фотографии. Держи! – и он сунул ей в руку снимки. – Посмотри на мою спину. Вот на этой фотографии. Ты же знаешь, у меня там родинка, а здесь ее нет. Нет!

– Зачем мне это знать?

– Нет, ты посмотри и сравни! – и он начал стаскивать с себя пиджак.

– Прекратите! Мне все равно! Я вас не знаю! Я вижу вас в первый раз!

– Вот как? Теперь ты знать меня не хочешь?! Не хочешь ничего помнить! Прошлое не имеет для тебя значения. Даже родинка на моей спине!

– Прошлое!?

– Отлично! Прошлого для тебя больше нет... Так. Я хочу видеть детей. Я немедленно хочу их видеть. В конце концов, я имею на это право!

– Каких детей?

– Моих, Жоан. Моих! И твоих тоже!

– Здесь нет никаких детей!

– Все! Хватит! – с этими словами он попытался пройти в квартиру, но Жоан, встав на его пути, прошептала:

– Я сейчас вызову жандармов! Я закричу! Через секунду сюда сбежится весь дом!

Он отступил. Фотографии, которые она держала в руках, брезгливо протянула ему.

– Маньяк! Извращенец! – как-то мягко и без злобы прошептала Жоан.

– Отлично! Спасибо и на том! – уже хотел уйти, вдруг обернулся, успев перехватить дверь, которую Жоан собиралась закрыть.

– Хорошо! Пусть будет так! У меня к тебе есть одна просьба! Жоан, меня уволили с работы, я потерял кредитную карту!.. Дай мне займы немного денег. Я отдам. Абсурд, что прошу у тебя, но у меня в этом городе никого нет. Ты же не можешь просто так выкинуть меня на улицу! – и замолчал, уставившись в пол. В эту минуту ему почему-то было все равно, что она ответит. Знал одно – она не может не откликнуться на такую простую просьбу. Это было бы слишком.

– С этого бы и начинали! – спокойно произнесла она, прикрыла дверь, на мгновение исчезла, вновь ее открыла и протянула несколько банкнот.

– Спасибо! – только и успел произнести он, как дверь хлопнулась. Франк медленно начал спускаться по ступенькам. Потом взглянул на купюры, которые дала ему Жоан. Вдруг в ужасе замер. В руке он держал... самые настоящие французские франки.

И тут он дико закричал:

– Дьявол! Она с ним заодно! Они сговорились! Какой кошмар!

И снова улицы, проспекты, мосты через Сену, храмы и купола. Бесконечные километры тротуаров и дорог, которые он бесцельно преодолевал в поисках решения. Наконец перестал себя мучить и просто смотрел по сторонам, стараясь ни о чем не думать. Стало легче. Теплый ветер трепал на затылке волосы, солнце ласкало, согревая, а он глотал свежий воздух и дышал полной грудью. Воробьи купались в лужах, а, значит, будет тепло. Где-то в парке его ждет знакомая скамейка, неподалеку будет вращаться карусель, яркие лампочки будут переливаться всеми цветами радуги, а деревянные лошадки уносить по кругу в бесконечность праздных людей. Сейчас он чувствовал себя гражданином этого удивительного города, страны, планеты, которая стала для него большим домом. Он все смотрел, с удивлением озираясь, и не узнавал город. Тот выглядел совсем другим. По нему шли другие люди, улицы выглядели по-другому. Может быть, потому что раньше он все это не замечал, не видел, не хотел видеть, но теперь взгляд его сфокусировался и он, словно,знакомился с ним заново. Зачем-то повторил вчерашний маршрут. Вот Сорбонна, Собор Парижской богородицы, еще немного и до величественного Лувра рукой подать. Франк дошел до середины площади, остановившись в толпе зевак. В этом историческом месте он завершал свою экскурсию. Вдруг понял: – Что-то не так!.. Что?

И тут ему показалось, что он сходит с ума. Стеклопанной

Пирамиды, которая должна была стоять в этом месте, не было. Еще вчера она находилась здесь – он помнил это точно, иначе и быть не могло! Вот Наполеоновский дворик в центре которого она должна возвышаться... Но ее там нет!!! Снова Дойл!? И пирамида с ним договорилась? Она находилась здесь десятки лет, еще в восьмидесятые построили это чудовищное сооружение высотой с двухэтажный дом, а сегодня оно исчезло. Исчезло, чтобы его разыграть!? Проклятье!

10

Безвольно шатаясь из стороны в сторону, он все дальше уходил от Лувра, пока ноги сами не привели его в парк. Вот знакомая скамейка, а на ней знакомый силуэт. Франк медленно подошел к нему и замер. Долго стоял так, ничего не говоря. Дойл тоже молчал, глядя куда-то вдаль. Наконец старик произнес:

– Вы хотели взять у меня интервью?

– Ничего я не хотел! – пробурчал Франк.

И снова долгая пауза. Теперь Дойл испытующе на него смотрел.

– Поздно, юноша. Вы сами ввязались в эту игру, теперь вам играть до конца.

– Чего вы от меня хотите?

Дойл снова какое-то время молчал, с грустью глядя на Франка.

– А ведь я вас предупреждал.

– Что вам от меня нужно?

– Пойдемте.

– Я никуда не пойду.

– У вас есть выбор?... Впрочем, можете покончить с собой. Так будет вернее.

С этими словами Доил встал и медленно начал уходить. Вдруг остановился, обернулся. Франк сделал шаг, потом еще один и еще, но снова замер. Тогда старик продолжил уверенно шагать по парку, не оглядываясь, а Франк, уже не думая ни о чем, безвольно, словно на привязи, поплелся следом. Больше идти ему было некуда.

Выйдя из парка, старик поймал такси, и они долго ехали по городу. Наконец машина остановилась, и они вышли наружу. Это были окраины Парижа. Раньше Франк никогда на этой улице не бывал и теперь с удивлением озирался по сторонам. Вокруг находились старинные дома, на дороге почти не было видно машин, редкие прохожие неторопливо проходили мимо и исчезали. Здесь не было привычной толчеи и пробок, обочины не были заставлены автомобилями, а в воздухе замерло умиротворение и покой, словно они оказались в глухой провинции, а не в столице большого государства в самом центре Европы. Доил подошел к двери ветхого одноэтажного дома и открыл дверь. Франк молча шел за ним. Они проследовали по пустынному коридору, минова-

ли пару комнат, где находилась нехитрая обстановка и оказались в просторной зале. Дойл медленно сел за огромный стол и кивнул Франку, приглашая его занять место на диване напротив. Здесь был затхлый воздух, словно это было не жилье, а склеп, почти не было мебели, а вся стена за спиной писателя была увешена книжными полками. Эта комната напоминала бы старинную библиотеку, если бы не одно обстоятельство. Франк с удивлением заметил, что ни одной книги здесь не было. Посередине занимал место стол, за которым сидел Дойл, еще были пару стульев и все. Комната была огромных размеров, и казалась совершенно пустой.

Наверно старик недавно сюда переехал, – подумал Франк, оглядываясь. И еще заметил, что на одной из стен висело множество фотографий, на которых была изображена какая-то девочка. Вон уже взрослая девушка, а на некоторых снимках – пожилая дама. По-видимому, это был один и тот же человек, кто-то скрупулезно собрал фотографии разных времен, поместив их в рамки и развесив на этой стене. Их было много. Очень много. Целый коллаж из черно-белых и цветных фотографий в старинных рамках, который напоминал иконостас.

Дойл некоторое время молчал, глядя перед собой, уткнувшись в стол, потом поднял голову и вдруг спросил:

– Как вас зовут?

– Франк, – ответил тот.

– Не годится! – воскликнул старик.

– Почему? – удивился Франк.

– Так называют каждого второго в вашей замечательной стране. Теперь вы будете Луи. Благородно, красиво, лаконично. Старинное имя, почти забытое.

– Я не понимаю... Впрочем, не важно. Вы должны мне кое-что объяснить! Что все это значит? Что со мной происходит? Зачем вам это и чего вы от меня хотите, черт возьми?

Лицо Дойла передернуло, было видно, что Франк его раздражал.

– Думаю, вы уже поняли, что попали в историю.

– В какую?

– В нехорошую. И никто вас сюда не тянул. Бывают вещи, юноша, за которые приходится платить.

– Но, что я вам сделал?

– Ничего! Иногда не нужно что-либо делать, чтобы оказаться в дурацком положении. Просто вы оказались не в том месте, вот и все.

– Та-а-ак, давайте подробнее, Давайте-ка по существу.

– А по существу вы все поймете через некоторое время. Есть вещи, которые не так просто и скоро можно объяснить. Итак...

Он встал и прошелся по комнате, его шаги гулко отдавались от стен пустого помещения.

– Жить вы будете у меня. Там есть комната для прислуги, – и старик небрежно махнул рукой в сторону выхода.

– Но...

– Работать будете за этим столом.

– Работать? Что я буду делать?

– Писать. Вы будете писать свое дурацкое интервью.

– Зачем вам это? Вы знаете, что меня уволили и теперь вам не заплатит никто!

– Заплатит? К черту, Луи, ваше заплатит! Не в этом дело.

Платить вам буду я... небольшую стипендию.

Дойл, выдвинув ящик стола, достал оттуда пачку купюр и бросил ее на стол.

– Заберите, – воскликнул он, брезгливо глядя на деньги.

– Вы издеваетесь? – воскликнул Франк, – вы немного отстали, эти деньги не ходят во Франции уже более десяти лет.

– Уже ходят.

– А стеклянную пирамиду у входа в Лувр кто снес? Вы?

– Пирамиду? – удивился Дойл, – ах, пирамиду. Да и зачем она нужна? Снесли. Ко всем чертям!

– За эти несколько дней я что-то пропустил?

– Можно сказать и так. Уберите это, – повторил он.

Франк, ничего не понимая, сунул деньги в карман.

– А где будет напечатано это интервью?

– Теперь это ваши проблемы, Луи... Не знаю... Об этом позже. Намного позже.

– Но я не могу оставаться у вас. У меня жена, дети! Мне нужно искать работу, забирать из ремонта машину...

– Можете. Считайте это командировкой... на тот свет, – и старик громко захохотал, потом замер и зло уставился на

Франка.

– И последнее, малыш Луи! Запомни, у тебя больше нет машины, нет жены и детей, дома нет, ничего! Ты никто и ничто! И только от тебя будет зависеть, вернешься ты в свою жизнь или нет, сможешь ли ты это сделать, бездарность ты и тряпка или заслуживаешь чего-то в этой жизни... Все!

Долгая пауза зависла в спертom воздухе просторного помещения.

– Но...

– А если нет – закончим прямо сейчас, проваливай и чтобы я тебя больше не видел. Теперь все!

Дойл сел за стол и вновь уставился прямо перед собой, глядя на руки. Было видно, как он устал. Франк молчал, не зная, что ему делать. Он сходил с ума. Он не получил никаких объяснений, наоборот, все еще больше запутывалось. А эти жуткие слова о его семье! О Жоан! О детях!..

И вдруг ему стало страшно, мурашки побежали по спине, холодный пот выступил на лбу. Он сорвался с места и кинулся к выходу, но остановился...

– Я... Мне... Я должен подумать... Я вернусь, но не сейчас... Я скоро...

Он пробежал через все комнаты, выскочил на улицу, жадно глотнув свежий воздух, словно выбрался из преисподней, а перед глазами все стоял образ старика, который устало сидел за столом, за его спиной висели пустые полки, а на стене огромный коллаж отсвечивал фотографиями незнакомой

Он долго стоял на пустынной улице, по которой изредка проезжали автомобили. Наконец увидел такси и махнул рукой.

– Вы принимаете к оплате французские франки? – спросил он, чем вызвал неудержимый хохот таксиста.

– Только японские йены! – воскликнул тот.

– Извините, – озадаченно пробурчал Франк и отошел.

– Садитесь же! – крикнул таксист. – А какие франки еще я должен принимать? Была долгая вечеринка, дружище? Не вспомните, в какой стране проснулись? – и снова залился громким хохотом.

– То есть, эти деньги вы у меня возьмете? – повторил Франк, вынув из кармана купюры. Таксист перестал смеяться и серьезно ответил:

– Да, месье, конечно.

Пока Франк садился в машину, тот снова зашелся смехом.

– А месье, шутник! Вы не из Шапито?

– Нет, – проворчал Франк и назвал адрес. Спустя какое-то время спросил:

– Вы не знаете название улицы, где я к вам сел? Нужно бы запомнить... На всякий случай!

Теперь таксист смотрел на него с жалостью. Он записал на

бумаге улицу, номер дома и протянул ему. – Ах да, город написать забыл... Или запомните? Город этот называется Париж, – добавил он, и снова нервно хохотнул.

– Спасибо, – ответил Франк. Он и сам хотел задать этот вопрос, но пока не решался.

Жоан открыла дверь, удивленно на него посмотрев. На этот раз она не улыбалась.

– Вы хотите попросить денег еще? – спросила она.

– Нет-нет! Вот, хотел вернуть долг, – и он достал кошелек.

– Так быстро?... Украли? – почему-то спросила она и в глазах ее сверкнули задорные огоньки. Как давно он не видел этих глаз, как он соскучился по ним! Только теперь в этом взгляде было что-то новое, необычное, скрывалась какая-то загадка, тайна. Эта женщина, которую он знал больше десяти лет, сейчас выглядела по-другому. Ему даже показалось, что она стала немного моложе.

– Заработал, – пробормотал он. Теперь Франк внимательно на нее смотрел, не в силах отвести глаз, словно видел впервые. Жоан заметила этот взгляд и с беспокойством спросила:

– У вас все в порядке?

Он молчал. Так продолжалось достаточно долго. Наконец очнулся и пробормотал:

– Да... Да, все хорошо,... то есть, нет, – и снова замолчал. – Извините, – почему-то прошептал он, желая уйти, но

вновь заглянул в эти удивительные глаза и замер. Он не знал, что сказать, он очень волновался, и это волнение передалось ей.

– Прощайте, – наконец произнес Франк.

– Пойдите! – неожиданно воскликнула Жоан. – Я только что сварила кофе. Хотите?

– Да! Да, очень! – с радостью воскликнул он и осекся.

– Ну, заходите же! – засмеялась она, заметив его нерешительность.

Франк вошел в квартиру и в удивлении замер.

– Сюда... Проходите в гостиную, – услышал он и медленно, озираясь по сторонам, как в музее, пошел по коридору. Жоан тем временем исчезла и очень скоро появилась с двумя чашечками дымящегося кофе. Заметив, что он нелепо стоит посреди комнаты, предложила:

– Садитесь... Сюда.

Но Франк продолжал озираться, наконец, взгляд его сфокусировался, он увидел знакомую вещь.

– Настоящий буфет! Ему, наверное, лет сто?!

– Около того!

Это была единственная вещь, которая сохранилась в их гостиной от прежней обстановки. Все остальное он видел впервые. А этот старинный “гроб”, как его называла жена, был наследством ее деда. Жоан ненавидела этот буфет. Он был огромных размеров и не подходил к прочей мебели. Она часто задевала его, спотыкалась, чертыхалась. В последнее

время собиралась от него избавиться, но Франку почему-то было его жалко, и нередко этот старинный буфет становился предметом раздора.

– Не захотели избавиться? – спросил он.

– Разве можно? – воскликнула она. – Это память о бабушке.

– Бабушке, – прошептал Франк, впервые услышав, как она трогательно отзывается о нем.

– Вы забыли представиться. Как вас зовут? – спросила она.

– Луи... То есть, Франк! – поправился он.

– Так Луи или Франк? – засмеялась она. И снова эти огоньки в ее глазах...

– Франк. Конечно Франк!

– А откуда вы узнали мое имя? Вы следили за мной?

– Нет. Мне так показалось.

– И не ошиблись! Вы медиум?

– Нет... То есть, ... иногда я могу отгадывать имена...

Он уставился на нее и, не отводя глаз, и снова долго молчал. Потом произнес:

– Например, вашего бабушку звали...

– Как?! – с восторгом перебила она.

– Сейчас скажу... Поль!

– Да!

– А вашу маму зовут... Мадлен!

– Да! Но...

– А отца Жан...

– Да, – прошептала она. – Удивительно! Откуда вам это известно?

– А вашего сына...

И тут она захохотала.

– Нет, вы не медиум, Луи! На этот раз вы ошиблись, месье Франк! У меня нет сына.

– Нет?

– Нет.

– И дочери?

– У меня нет детей. А сейчас вы назовете имя моего мужа и узнаете, есть он у меня или нет. Это такая игра? Да, месье Луи-Франк? Так вы знакомитесь с девушками!

– Нет.

– У меня нет мужа, – вдруг серьезно произнесла она. – Вернее был, но мы с ним давно расстались, вы это хотели узнать? – и она улыбнулась. Потом спохватилась:

– Но, как вы отгадали имена моих родных!? Это чудо!

Он промолчал, продолжая разглядывать знакомую-незнакомую Жоан. Она была такой милой, нежной, глаза ее искрились веселыми огоньками, он нее исходило тепло и покой, уверенность и сила, в то же время нежность и удивительное спокойствие. Словно, за окном был не 21 век, где все куда-то торопились, толкались локтями, боролись, проигрывали и побеждали, снова куда-то мчались. А эта Жоан каким-то непостижимым образом сохранила себя в сумасшед-

шем мире, сидела и улыбалась.

– Теперь попробую отгадать я, – воскликнула она. – Я знаю имя вашей девушки. Ее тоже зовут Жоан.

– Вы правы.

– Она сбежала от вас из-за того, что вы ей изменили с некоей блондинкой, и вы случайно в поисках ее попали ко мне. Верно?

– И да, и нет.

– Я ошиблась?

– Не совсем. Ее действительно зовут Жоан.

– Ну вот.

– Но, я не изменял ей.

– А те ужасные фотографии?

– Это подделка. Меня подставили.

– Кто?

– Не знаю.

– Зачем? Вы кого-то обидели, оскорбили? Натворили что-то ужасное?

– Нет.

– Тогда, зачем они сделали это?

– Не знаю. Знаю одно – я ей не изменял.

Вдруг спросил:

– Вы мне верите?

– Конечно! – мгновенно ответила она.

– А она мне не верит... Почему?

– Дура, – спокойно произнесла Жоан.

– Вы так считаете?

– Конечно!

– Почему?

– Если человек любит – он верит. Все очень просто.

У тебя детские представления о любви, – подумал он, но вслух говорить этого не стал.

– М-да, все просто, – повторил он.

– Вы ее любите?

Он промолчал.

– А она вас?

Он снова промолчал.

– Простите меня, ... что вы решили делать дальше?

Он долго смотрел в эти глаза, вдруг медленно произнес:

– Ее зовут Жоан, вас тоже. Она мне не верит, вы верите ..., поэтому я остаюсь с вами. Если, по вашей логике, вы верите, значит, сможете полюбить. Все очень просто!

Она улыбнулась и спокойно внимательно на него посмотрела.

– У вас детские представления о любви, – мягко сказала Жоан, – если бы все было так просто... Кофе понравился?

– Очень! – ответил он, вставая, – никогда не пил такой чудесный кофе. Вы волшебница, Жоан.

– Спасибо, – улыбнулась она, тоже вставая. Потом она проводила его до входной двери, открыла ее и замерла у порога. Франк обернулся.

– А вы действительно не хотите выбросить тот старинный

буфет?

– Не хочу, – ответила она.

– И у вас действительно никого нет?

– Луи... Франк... У вас все будет хорошо. Вы обязательно помиритесь. Все получится. Прощайте.

– Прощайте, – ответил он. Хотел было уйти, вдруг задал еще один вопрос:

– Мы увидимся?

Она покачала головой и произнесла:

– Я не медиум. И будущего я не знаю.

Вдруг озорно улыбнулась и воскликнула: – Передайте привет Жоан! – с этими словами дверь закрылась.

12

Он снова поймал такси и, пока они ехали, внимательно смотрел по сторонам. Таксист включил радио и в салон ворвались звуки чудесной мелодии, давно забытой, но до боли знакомой. Когда-то в детстве его родители любили эту песню, и часто ставили ее на проигрывателе. Пела Далида. Франк взглянул на магнитоу, на месте которой увидел допотопное радио, из которого неслась музыка. Не было отверстий для дисков. Только радио. На панели не было навигатора, даже сотового телефона. Ретро такси, – подумал он. Снова посмотрел в окно. Там проезжали редкие машины, и он снова удивился, не заметив пробок, только сейчас понял, что

по дороге едут странные авто. На таких ездили лет эдак сорок назад. Никаких новомодных моделей не заметил. Ретро машины! Люди шли по тротуарам не торопясь и не толкаясь. Они были одеты в старомодную одежду. Не было голых пупков, драных джинсов, какие теперь были в моде, пирсинга и татуировок, диковинных причесок у молодежи, только консервативные наряды, длинные юбки и платья у женщин и строгие пиджаки и плащи у мужчин. Ретро-парижане! На домах не сверкали, переливаясь неоновым светом, рекламные растяжки, только старомодные плакаты и вывески. Ретро-Париж!

– А какой сейчас год? – вдруг спросил он таксиста. Тот спокойно невозмутимо ответил:

– 2014, месье!

Это был пожилой таксист. Видимо, за долгие годы работы он насмотрелся всякого и привык ничему не удивляться.

– Вы уверены? – снова спросил Франк.

– Конечно. Сейчас октябрь 2014 года... Мы приехали, месье. С вас 25 франков.

Он остановился у ветхого одноэтажного строения и повернул рычажок механического счетчика, на котором замерла цифра 25.

Это последнее, что он решил сделать, прежде чем коснуться ручки дьявольской двери. Неподалеку заметил телефонную будку и направился к ней. Он давно не пользовался

таксофоном. Собственно, за ненадобностью они несколько лет назад исчезли с улиц Парижа. (У всех давно были сотовые телефоны). Но на этой улице такая будка сохранилась. Он вошел в нее, прикрыв за собой дверь, и теперь с недоумением разглядывал телефонный аппарат, вспоминая, как им пользоваться. Наконец набрал номер и опустил в отверстие мелочь, которую на сдачу ему дал таксист. Раздались гудки и Франк с облегчением вздохнул. Ретро-телефон работал!

– Мама, это я! – воскликнул он.

– Луи, дорогой!? Что случилось?

– Мама, как ты?

– Все в порядке! – услышал он ее удивленный голос. – Что произошло?

– Нет, ничего, – только и смог вымолвить он.

– Я же слышу, у тебя встревоженный голос! – продолжала она.

– Все хорошо, мама. Как твои дела?

– Почему ты спрашиваешь?

– Вполне естественный вопрос.

– Но, ты мог задать его полчаса назад, когда уходил... Луи, мальчик, ты себя хорошо чувствуешь?

– Конечно, мама.

– Конечно?! Ты плохо позавтракал! Ты много работаешь! Кстати, хорошо, что позвонил. Вечером, когда будешь возвращаться из редакции, купи в лавке козьего сыра, я приготовлю твой любимый салат.

– Салат?... Это тот – с сыром, помидорами и кукурузой?

– Конечно! А какой еще? Или надоел?

– Нет, мама, нет. Это замечательный салат. Ничего вкуснее я не пробовал.

– Наглый врунишка! И когда уже появится женщина, которая будет тебе готовить,... а мне рожать внуков!

– Мама!..

– Все! Умолкаю! Знаю, что ответишь! Не лезу, не сую нос, ничего не говорю. Твоя жизнь! Вечером жду тебя с сыром!

– Хорошо, – пробормотал он.

– С папой говорить будешь?

– С папой?! – он был потрясен.

– Постой!.. Он пьет кофе, читает любимую “Франс Суар” и машет рукой. Не до нас ему, Луи! До вечера, мой мальчик!

– До вечера, мама... Пока.

– Пока... Луи, а ты зачем позвонил?

– Так. Хотел спросить, что нужно купить.

– Уже забыл?!?! Сыра! Триста грамм козьего сыра! – возмущенно воскликнула она.

– Забыл, – пробурчал он.

– Ох! Пожалуй, я куплю сама. Пока, Луи!

– Пока.

Он стоял совершенно изумленный. В эту минуту где-то далеко в Провансе на кухне квартиры, где прошло его детство, сидел отец. Он читал “Франс Суар”, (газету, которая обанкротилась и была закрыта пару лет назад) и пил кофе.

Отец, который ушел из жизни год назад.

13

– Все? Набегались?

– Я хотел...

– Мне наплевать на то, что вы хотели. Если пришли, давайте работать и не задавайте лишних вопросов. Или до свидания!

Франк замолк.

– Ну и что вы можете, журналист Луи? Чему вас научила жизнь? Сколько вы стоите?

Франк промолчал.

– О чем вы писали, какие вам доверяли темы, в каком отделе работали?

Франк снова промолчал.

– Какой репортаж у вас был последним? О чем?

– О зоопарке!

Дойл презрительно пробормотал:

– Господи, с кем я связался... Берите ручку, бумагу и садитесь к столу, – сухо произнес он. Франк сел и взял из подставки ручку.

– Бумагу.

– Что?

– Писать на чем будете? Бумагу берите!

– Ах да. Бумагу.

– Итак, интервью. Слушаю вас? – спросил Дойл. Франк продолжал молчать, уставившись в стол.

– Что вы молчите, месье журналист? Спрашивайте!.. Вы онемели?

– Не смею задавать лишних вопросов! Вы же сами только что об этом просили.

Дойл, скривив лицо в злорадной гримасе, проворчал:

– Так задавайте их по-существу.

– Мне нужен врач.

– Что?

– Мне срочно нужен врач.

– Что с вами?

– Я только что разговаривал со своим отцом.

– Ну и что?

– А то, что уже год, как он ушел из жизни.

– Да?... Такое иногда случается. Так радуйтесь!

– Мне нужен психолог или кто там бывает еще...

– Вы думаете, что сошли с ума?

Франк промолчал.

– Поверьте мне на слово, с вами все в порядке. Скорее, это мир вокруг нас сошел с ума. Скоро вы все поймете.

– Но...

– Я не желаю больше слушать ваши бредни. Работать! Слушаю вас! – прикрикнул Дойл.

– Извольте, – пробормотал Франк и задумался.

– Где и когда вы родились? Как прошло детство? Где учи-

лись? Кто ваши родители?

– Банально и не интересно, – покачал головой Дойл. – Пишете о великом человеке, а спрашиваете ерунду.

– Детство по-вашему ерунда?

– Детство, – задумался Дойл, – хорошо, пишете:

До семи лет жил в Ирландии, где и родился. Отец – мясник, мать портниха. Брат отца переехал в Америку, а через несколько лет позвал нас к себе. Он был торговцем зерна и успел сколотить небольшое состояние... Учился в школе, ... в нескольких школах. Родители постоянно меняли места работы. Времена были тяжелые. Мы часто переезжали. Мой дядя не мог содержать нашу семью, поэтому приходилось много работать. Что еще?... Потом колледж. Там я начал писать. Отец хотел, чтобы я стал адвокатом. Учебу не закончил, отправился в военное училище, а потом, когда исполнилось 18, попал на фронт. Шел 1945 год. Западная Германия. Там служил писарем при штабе. Кампания продолжалась недолго, нас скоро вернули, после чего из армии ушел...

– Я не успеваю!

– Что?

– Вы не дадите мне нормальную ручку? Я не могу этим писать!

– А эта чем не подходит?

– Из нее вытекают чернила! Вот, капля упала на бумагу...

– Капля?! Это, юноша, не капля, а клякса. Вы не знаете такое понятие?

– Дайте, пожалуйста, мне нормальную ручку. Шариковую. Я не могу этим писать!

– Пиши, двоечник! Выводи свои каракули! Учись!.. Капля!

– Вы издеваетесь?

– Эти кляксы не гнушались ставить на свои рукописи Байрон или Пушкин! Капли! Пиши! Журррналист! – зарычал Дойл.

– Средневековье какое-то! Вы мне еще дайте гусиное перо! – пробормотал Франк.

– Так, продолжим... Детство... К черту детство... Даю вам пятнадцать минут. Перепишите начисто, сформируйте фрагмент и покажите мне. Хочу знать, на что вы способны!

– Это скоро пройдет? – вдруг спросил Франк.

– Что?

– То, что происходит со мной. Когда это пройдет? Может быть, мне подсыпали галлюциногены? Это ваша работа? Когда вы сделали это?

– Еще слово и я выкину вас на улицу.

– На улицу?... Нет!!!.. Вы что-то знаете, но скрываете.

– У вас пятнадцать минут! – с этими словами Дойл вышел из комнаты.

Ровно через пятнадцать минут он вернулся.

– Давайте, – проворчал старик, брезгливо взяв в руки бумагу, – какая мазня! – и начал медленно вслух читать:

Детство гениального писателя середины 20-го столетия было далеко не безоблачным. Он родился в Ирландии, где его взору представляли бескрайние поля, заливы, покрытые призрачным туманом, облака, лежащие на полях и холмах. Это было сказкой малыша. Его волшебным миром. Семья имела небольшой, но стабильный достаток, жила в крошечном провинциальном городке, где был свой дом и работа, налаженная жизнь, но... И почему случаются эти но? К сожалению, сказки кончаются – таков закон! Его дядя, который несколько лет назад покинул родину, уехав на далекий запад, написал им письмо. Семейный совет был недолгим. А вдалеке брезжила сказочная земля, которая манила и притягивала, она звала, давая надежду на безбедное будущее, заставляла бросить все и начать с самого начала. Американская мечта! Так они и поступили. Тем более что брат его отца к тому времени сумел сколотить неплохой капитал.

– Я не могу содержать твою семью, – сказал тот его отцу спустя две недели по приезду. Пора братья за дело.

И они начали искать работу.

– Я не могу больше размещать вас в своем доме!

И они начали искать жилье. А два брата-близнеца, еще недавно не разлей вода, теперь превратились в настоящих американцев, в жителей великой свободной страны, где каждый отвечал... только за себя. Запад оказался диким.

Они переезжали с квартиры на квартиру, пока не оказались в районе, где жила беднота. Возвращаться назад?

Поздно. Дом был продан и на родине их не ждал никто. А деньги, привезенные с собой, к этому времени закончились. Снова тяжёлый труд. Мать и отец с утра до вечера на работе, а мальши, которому всего семь лет, предоставлен самому себе. Он сменил не одну школу, но продолжал учиться. В толпе сверстников он выделялся высоким ростом и тщедушным телом, за что его часто били. Лицо его покрывали прыщи, а за это били особенно жестоко, но он учился за себя постоять. А как иногда хотелось наесться досыта, сходить в кино, познакомиться с девчонкой, но в кармане было пусто, а на лице все те же прыщи. Иногда, проходя мимо лавок, он хватал батон хлеба или яблоко и убегал, но его находили и снова били... Так прошли лучшие годы его детства. Потом колледж. К тому времени отец сумел заработать немного денег, и теперь все силы отдавал, чтобы вытащить сына с этого дна. Появились новые увлечения, привязанности. А как хотелось взять девчонку, завести в темный уголок, задрать ей юбку... Но снова этот несуразный рост, пустой карман и проклятые прыщи. Тогда юноша начал писать рассказы. И тут произошло чудо. Он больше ничего не хотел. Он мог написать себе и дикий Запад, который клонился к его ногам, и восхитительных юных дев, которые бросались в его объятия, а главное, мог написать богатство. Наконец у него было все. За неуспеваемость его выгнали из колледжа, а отец, узнав об этом, выкинул из дома. Так началась новая жизнь – он стал бездомным бродя-

гой. Однажды, проходя мимо одного уважаемого ведомства, он увидел объявление о наборе рекрутов в военное училище. Проблемы решались сами собой. Полный пансион и довольствие, крыша над головой, а писать он сможет везде! Так в шестнадцать лет он стал курсантом. А через два года их курс в полном составе отправили в Германию. Шел 1945 год. Ему исполнилось 18 лет. Как писал Курт Воннегут – это была война детей. Детство великого писателя на этом закончилось безвозвратно и навсегда...

Доыл положил бумагу на стол и медленно прошелся по комнате. Франк не видел его лица, но надеялся, что тот в бешенстве, и сейчас это интервью закончится, а вместе с ним и весь кошмар.

– Вы бывали в Ирландии? – вдруг услышал он.

– Нет.

– Тогда откуда вам известно про облака, холмы, ирландские туманы?

– Облака и холмы есть везде, – равнодушно ответил Франк.

– Сколько вам лет, юноша?

– Тридцать.

– Откуда вы все это знаете, черт побери? Я никому этого не рассказывал!

– Обычная судьба заурядной иммигрантской семьи.

Доыл какое-то время молчал, потом спросил:

– Что же, ничего серьезнее в вашей газете, чем писать о зоопарке, вам не доверяли? Были на подхвате?

– Я сам выбрал эту тему! – вспыхнул Франк.

– Сами? Зачем? Ничего интереснее не нашлось?

– Я писал репортаж о жирафе...

Дойл хрипло засмеялся.

– Да! О жирафе! О том, как его убили!

– Кто?

– Руководство зоопарка!

– Зачем?

– Он оказался лишним. Некстати родился. За ним некому было ухаживать, негде содержать и нечем кормить.

– Замечательно!

– А убили его на глазах детей, которые в этот момент были в зоопарке, а потом служащие при всех разрезали его тушу на части и скормили тиграм.

– Прекрасно!

А через два месяца этих тигров тоже убили.

– Почему?

– Расплодились. Их стало слишком много.

– А кому скормили их?

– Детям... То есть, посетителям. Теперь, почти при каждом зоопарке есть ресторан с меню экзотической кухни.

– Куда можно заранее позвонить и заказать мясо... розового фламинго?

– Что-то в этом роде.

– Розовый бифштекс!

– С розовой кровью.

– Что же, ваше интервью имело успех, прошло на ура?

– Его не поместили в номер.

– Почему?

– Сказали, что тема неактуальна. Это гуманно – убивать лишних животных.

– Гуманно?

– Ведь мы питаемся мясом свиньи или коровы, почему же нельзя убить носорога или слона?

– Вы согласились с этим?

– Что я мог сделать?

– А что вы сами думаете на этот счет?

– Наверное, они правы.

– И вы стали бы есть того жирафа?

– Я? Нет.

– Почему?

– Потому что у него было имя, потому что его любили, черт возьми, на него ходили смотреть тысячи людей.

– А потом зарезали... Оторвали голову, – пробормотал Дойл. – Скоро они начнут питаться человечиною, и делать это, как само собой разумеющееся.

– Вас так взволновала эта история? – воскликнул Франк.

Дойл ничего не ответил.

– Вас беспокоит судьба животных? А людей?

Дойл испытующе на него посмотрел, продолжая молчать.

– Вы держите меня в заложниках?

– Я здесь не причем. Вы оказались заложником ситуации, не более того... Так. Дальше вы будете писать сами, я буду только предоставлять необходимые факты, а потом проверять... Где вы учились?

– На журфаке.

– Хорошо.

– Что делать с этим? – и Франк показал на лист бумаги с его писаниной.

– Оставьте. Только вымарайте кусок с Куртом. Не трогайте этого парня. Наша история не имеет к нему никакого отношения... Все. На сегодня хватит, ступайте к себе, завтра продолжим, – и он повернулся к стене, где висело множество фотографий.

14

– Я посмотрел ваши каракули за те три дня, которые вы у меня провели. Пишите аккуратнее – невозможно читать! – заявил Дойл.

– Я не могу писать этой ручкой, – вспыхнул Франк. За это время он успел возненавидеть этого занудливого старика и уже с трудом его переносил. Каждый день с утра до вечера они проводили в доме писателя. Никуда не выходили. Даже еду им приносили из ресторана. Ели они на убого обставленной кухне. Во время трапезы старик молчал, равнодушно

съедая то, что было в тарелке, и не обращал никакого внимания на Франка. А потом они возвращались в кабинет, где он продолжал наговаривать истории из своей жизни. Иногда Франку казалось, что он потерял счет времени. Он чувствовал себя лучше и уже начал забывать кошмар тех дней. Видимо, то были последствия болезни, – думал он, – а, может быть, пора отсюда сбежать? Уйти, не попрощавшись?!

Но что-то ему подсказывало, что делать этого пока не стоит. И от своего дикого положения он бесился все больше. Так или иначе, во всем произошедшем, несомненно, виноват старик, он знал это точно! Вчера вечером Дойл все перечитал, оставил пару листов и со словами: – К черту детство, к черту проклятую войну, – порвал кипу исписанных страниц, бросив их в корзину, а сейчас грозно на него смотрел и ворчал:

– Вы разучились писать?

– Да. Уже десять лет я печатаю на клавиатуре.

– Учитесь заново.

– Неужели трудно поставить на этом столе компьютер?

– Компьютер? – презрительно буркнул Дойл. – У меня нет компьютера. На кой черт он мне нужен?

– Купите. Неужели вы себе не можете этого позволить?

– Перебьетесь.

– Тогда пишите сами.

Дойл зло на него посмотрел, но ничего не сказал.

– Нет компьютера, нет шариковой ручки... Почему у вас

нет ни одной книги? Пустые полки! Интересно, чьи книги должны здесь стоять? Кто удостоился такой чести?

– Мои, – выдохнул Дойл.

– Ваши? Вы написали что-нибудь еще?

– Нет!

– Нет!? А знаете, вы могли бы поставить сюда свою книжку. Одну! А можно много своих книжек с одним и тем же названием. Получилось бы очень красиво. Сюда их поместилось бы не менее тысячи! Кстати, почему вы больше ничего не написали? И куда вы исчезли на целую жизнь? О вас полвека никто ничего не слышал! Говорили, что вы покончили с собой или куда-то сбежали. А может быть, вы преступник?... Убийца? Да, убийца! Совершили ужасное преступление и скрылись! Как я раньше этого не понял! А теперь и меня втянули в свои дела!

– Сегодня ты слишком разговорчив, Луи. Осмелел? Опережаешь события. Твое дело не болтать, а писать...

– Господин, Рональд Дойл! Вы писатель с мировым именем. Зачем я вам нужен? Вы можете сами все написать, а заставляете это делать меня... Потом все рвете! Это уже не интервью, а целая книга! Мы так не договаривались! Может, пора закончить с этим и все мне объяснить?

– Закончили! Идите.

Франк замолчал, уставившись в стол. Вдруг испуганно пробормотал:

– Куда?... Нет.

– На чем мы остановились?

– На компьютере!

– На чем в прошлый раз мы остановились? – сухо повторил Дойл.

– На звонке из редакции.

– Пишите...

Этот звонок для него стал полной неожиданностью. Ему предлагали прийти в редакцию и поговорить о сотрудничестве. К этому времени он уже успел написать несколько десятков рассказов, которые иногда покупали местные газеты, но говорили почему-то о книге. Романов он не писал, и о какой книге шла речь, не понимал. Может быть, они хотят издать сборник? Все это до него дошло, когда он повесил трубку.

На такси он добрался до окраины города, с удивлением обнаружив большое круглое здание, которое сиротливо стояло на пустыре. Других строений здесь не было. Он и не догадывался, что в их городе есть такое современное большое здание. Оно напоминало стадион с множеством входов. Он медленно зашел в подъезд, над которым висела табличка:

“Новая литература”.

Его встретил молодой человек. Он выглядел немногим старше его. Мужчине было около тридцати. Тот с улыбкой предложил присесть, и долго, молча его разглядывал. Наконец воскликнул:

– Так вот вы какой? Совсем еще юный господин. Что же, это даже лучше. Надеюсь, мы быстро найдем общий язык. Меня зовут Майкл. Давайте сразу же перейдем к делу. Мы хотим напечатать вашу книгу.

– Хорошо. Какие рассказы туда войдут? Вот все, что я написал, – и он положил на стол папку со своими работами.

– Нет! Мы будем печатать ваш роман! – весело отозвался тот.

– Но у меня нет романов, я писал только рассказы, эссе, фельетоны...

– Будет! Вы напишете роман, а мы его напечатаем!

Он с удивлением посмотрел на Майкла.

– А почему вы остановили свой выбор на мне?

– Я читал в газете ваши рассказы.

– Но я пока неизвестен. Вы готовы вложить деньги в...

– Да! Это очень хорошо, что вас не знают. Мы начнем с нуля. Очень скоро вы станете популярным писателем, а этот роман принесет вам славу. Главное, что вы чертовски талантливы, остальное наша работа.

– Но у меня пока нет замысла для большого романа.

– Он есть у нас.

– Я буду писать на заказ?

– Да!

– Но я привык писать только то, что хочу. Говорить о том, что меня волнует. Это мой принцип!

– Сколько вам платили за рассказы местные газеты?

– О!.. Десять... Нет! Тридцать долларов!

– Мы заплатим пятьсот! Кроме того, с продаж тиража вы будете получать процент. По рукам?

– Да!!!

Таких денег в своей жизни он еще не видел.

– А как же принципы? – засмеялся Майкл. – Я не хочу нарушать ваших правил. У вас свои представления о творчестве, не так ли? Мы можем обратиться к кому-нибудь еще...

Рональд покраснел, но быстро ответил:

– Ничего страшного. Я готов к работе!

– Вы готовы на все?

– Да!

– Что же, подпишите договор и начнем... А если вам не понравится тема, если вы не примете ее?

– Я приму все, что вам нужно. Вы сами сказали, что я талантлив, а значит смогу написать и телефонную книгу хорошим литературным языком. Устраивает?

– Это деловой разговор! – и Майкл протянул договор.

– Но тут написано имя Рональд Дойл? Здесь какая-то ошибка!

– Никакой ошибки! С этой минуты вас зовут Рональд Дойл!

– Но...

– Или что-то не устраивает? Вы же сказали, что готовы на все!

– Да!!!

– Вот и хорошо! – засмеялся Майкл. – А свое имя забудь-те. Оно вам больше не понадобится никогда!

– Дайте мне! – сказал Дойл. Он увидел, что Франк закончил писать и потребовал у него рукопись.

– Держите. Можете рвать.

– Рвать? – пробубнил Дойл, читая. – Какая мазня!.. Нет, это мы рвать не будем.

– А как вас звали на самом деле?

– Не важно!

– Я беру у вас интервью! Почему вы не хотите мне сказать?!

– Не помню, забыл... Так, это мы оставляем... Продолжим!

– А теперь перейдем к главному! – воскликнул Майкл, вставая из-за стола. Он медленно прошелся по комнате, немного помолчал, собираясь с мыслями, потом энергично заговорил:

– Это будет непростой роман. Главный герой будет шагать по жизни с широко открытыми глазами, и смотреть по сторонам, словно видит все впервые! Здесь будет и любовь, и страсть, отношение мужчины и женщины. Семья. Да, черт возьми, семья. Матери, братья и сестры. Тот маленький мир, в котором мы рождаемся и живем. Рели-

гия. Человек будет ходить по огромному городу, величиной с планету, и смотреть, как золотятся на солнце купола, как отбрасывают тени величественные готические соборы или буддистские храмы, где тысячи, миллионы страждущих молятся своим богам. Будет детство и юность, отрочество, зрелость и старость. Школа! Непременно школа, как колыбель, откуда мы выходим обновленными, прозревшими, и смело, уверенно шагаем по жизни. На страницах вашего романа должны пастись слоны, на которых зиждется вся наша жизнь. Их соберется огромная стая, великое множество, и эти благородные животные будут смело шагать, сменяя все на своем пути.

Майкл ненадолго замолчал, бросив взгляд на Рональда.

– Вы меня понимаете?

– Сказка!

– В каком-то смысле – да. Мне все равно, какой вы придумаете сюжет. Главное, чтобы ваш герой оказался совершенно голым, раздетым, с обнаженной ранимой душой. Он должен с удивлением взирать на все, словно видит это впервые. На каждой странице он должен делать для себя открытия! Каждый день станет для него откровением. Тогда история оживет и засверкает... Ну что, Рональд! Вы понимаете меня? Это вам не фельетоны писать или эссе. Справитесь?

– Ну, ... я не знаю, – он с восхищением смотрел на Майкла. Он любовался этим молодым, симпатичным человеком,

который был удивительно заразителен. И это настроение передалось ему.

– Не знаете? – воскликнул Майкл.

– Да! Конечно! Справлюсь!

– Вот! Это то, что я хотел от вас услышать! Дорогой, Рональд Дойл, начинайте писать прямо сегодня..., нет, уже вчера! Этот роман именно сейчас, как никогда, нужен людям. Пора раскрыть их сердца и посмотреть на мир другими глазами. А ваш герой им в этом поможет!

Он немного помолчал и уже спокойнее произнес:

– Даю вам срок неделю... Нет! Три дня! За это время вы придумаете сюжет, определитесь с фабулой и сделаете первые наброски. Что побудило главного героя вести себя так, с какого дерева он свалился, что с ним случилось – я не знаю. Это ваши фантазии. Но, он должен стать ребенком, о котором я вам только что рассказывал. Это главное! Ровно через три дня я вас жду!..

Вдруг громко выкрикнул:

– Что же вы сидите? Время пошло! За работу, мистер Дойл! Мистер, Рональд Дойл!!!

– Закончили? – снова услышал Франк противный скрипящий голос. Старик коротко пробубнил эту историю, потом всего на несколько минут оставил его, но вот его высокая фигура снова нависла над столом.

– Нет! Не успел!

– Торопитесь!

– Куда? – не понял Франк.

– У нас мало времени!

Спорить с ним было бесполезно и Франк пробурчал:

– Еще пару фраз.

Через мгновение он отдал рукопись Дойлу. Тот мельком пробежав глазами текст, воскликнул:

– Дальше!

– Я устал.

– Работаем, черт вас подери!

– Хорошо, – согласился Франк.

Ночью Рональда разбудил звонок телефона. Он с удивлением поднял трубку и услышал бодрый голос Майкла.

– Ну, что?

– Что? – не понял Рональд.

– Как, что? Вы придумали сюжет?

– Но не прошло и суток! Вы мне давали три дня!

– К черту три дня! У нас мало времени! Есть какие-то мысли?

– Ну, ... в общем, да.

– В общем или да?!

– Да, мистер Майкл!

– Через десять минут у подъезда вас будет ждать машина. Спускайтесь!

Он посмотрел на часы. Было половина первого. Поспать

удалось всего пару часов. Рональд быстро оделся и, ничего не понимая, выскочил на улицу. Он был крайне озадачен. Через мгновение появилась большой черной лимузин. На таких он раньше не ездил. Короткий маршрут через весь город, который безмятежно спал, и вот показался знакомый пустырь, а на нем здание огромных размеров. Что было удивительно, окна почти всех помещений светились. По-видимому, тот, кто здесь работал, не спал никогда.

– Рассказывайте! – с порога воскликнул Майкл. Несмотря на позднее время, он был весел, энергичен и бодр. Он заразился своим оптимизмом, и Рональд моментально забыл об усталости и бессонной ночи.

– История такая! – начал он. – Некий господин... Нет, не господин... Совсем еще молодой человек попадает в удивительную историю. Для него наступают тяжелые времена. Такое случается – это называется черной полосой. Его безжалостно гонят с работы, по нелепой случайности он ссорится с женой, уходит из дома, оказывается на улице, и наконец его грабят, забирая последние деньги, которые были у него в кармане...

– Замечательно! – воскликнул Майкл, – продолжайте.

– Он один, у него нет друзей, родные живут далеко, в другом городе, в другом штате, но помочь они ему вряд ли смогут, поскольку сами считают последние центы. Да и денег на дорогу у него нет. Так, еще совсем недавно успешный человек, становится бездомным бродягой. День и второй, неделя

и другая. Он на краю пропасти. Он с таким трудом закончил колледж, получил образование, но найти работу не так просто. И вот уже объедки у ресторанов и скамейки в парках, где он проводит ночи. Что делать? Покончить с собой? Он уже готов на это, остается только решить, как это сделать? Но вдруг останавливается и начинает размышлять. Начинает задавать себе вопросы, на которые раньше не отвечал, просто не хотел! Кто он? Зачем он здесь? Зачем все это?... Человек шагает по своему городу, по стране, по большой круглой планете, снова и снова спрашивая себя – зачем?!?! Нет, он не сломлен! Теперь он с трепетом ценит каждое мгновение, с удивлением понимая, что где-то есть Бог, который непременно поможет, знает, что где-то есть мать и отец, семья. Им тоже непросто. Он не хочет быть им обузой, но теперь он стал другим. Он любит свою жену, понимая, как незаслуженно ее обижал, был несправедлив. Вспоминает голодное детство и юность, потом работу, семью. Учебу! Ничего прекрасней тех лет, что провел в школе – у него не было. А эти зануды-учителя! Как он их ненавидел, но теперь все отдал бы за то, чтобы посидеть хотя бы час за партой, перебраться с девчонкой запиской, сходить с ней в кино. А потом первая любовь. Потом вторая и третья. Он был красивым парнем, его любили, он был баловнем, и все ему удавалось, только этого он не ценил. И сейчас, сидя на скамейке в парке под одиноким фонарем, он это понял. А неподалеку возвышается храм. Вели-

чественный собор тяжёлым набатом возвещает о начале службы, и человек устремляется туда. И вот, стоя среди тысяч, миллионов людей, ощущая их тепло, дыхание, стук сердец, сливающихся в унисон, он чувствует себя не песчинкой, и уже знает, что не зря пришел в этот мир. И люди эти не зря находятся здесь. Сейчас в этом удивительном храме все были вместе. А орган зыбким звучанием, благородно и торжественно вторил этим мыслям – больше ты не один. И иконы, освященными ликами, взирали, придавая уверенность и силы. Больше ты не один! И таким, обновленным, он выходит из святилища, словно побывал в раю. Солнце ему улыбается, повсюду нарядные люди, теперь они кажутся такими родными, близкими, и в этот миг он чувствует невероятную силу, понимая, что все у него впереди! А вон и его жена. Она скромно стоит неподалеку и ждет его! Такая родная, такая близкая... И тогда он...

– Покончил с собой? – и Майкл дико захохотал.

– Что? – не понял Рональд. Он смотрел на него выпученными глазами. – Вам не понравилось?

– Я пошутил!.. Нет, правда! Вы молодчина, Рональд Дойл! А я был уверен в вас! Я и не сомневался!

Он подошел и крепко пожал ему руку.

– Можете не продолжать, идея мне понятна, вы на верном пути... Поедемте! – вдруг громко воскликнул он.

– Куда?

– Не важно! Вам не все равно?

– Совершенно все равно! – ликовав Рональд. Этот удивительный Майкл заражал его, он дарил удивительную энергию, силу, ему было с этим парнем хорошо, весело и голова кружилась. Если у его героя черная полоса только начиналась, то у него сегодня она закончилась навсегда. Он пишет книгу, ему заплатят сумасшедшие деньги, а еще у него появился замечательный друг. А больше ничего и не нужно...

– Оставьте это. На сегодня все, – проскрипел Дойл. Франк встал и устало побрел к себе в комнату. Вдруг остановился.

– Зачем вы упомянули историю, которая случилась недавно со мной?

– Такая история может случиться с каждым... – вдруг зло на него посмотрел. – Вы что, не читали мой роман? Вы же сказали, что сделали это!

– Я пролистал. Ознакомился...

– Ознакомились? – заорал Дойл. – Вы идете брать интервью у великого писателя и изволите не читать его роман? Дилетант! Мальчишка! Вы профессионально непригодны! Нужно бы сообщить вашему редактору!

– Некому сообщать. Меня уволили...

– Уволили, – пробормотал Дойл.

– Так дайте мне его! Я не смог найти вашу книгу ни в одном магазине! Вас забыли, Рональд Дойл! Давно забыли!

– Забыли, – успокоился Дойл. – Нет его у меня.

– Как, нет?

– Нет и все!.. Так! Идите!.. Пройдитесь, – вдруг услышал Франк.

– Пройтись? – неуверенно переспросил он.

– Да-да, пройдитесь. Что вы здесь сидите? Сходите в кино, покатайтесь на трамвае, выпейте пива, черт возьми! Погуляйте по городу!

– Я не знаю, – пробормотал Франк.

– Луи, вы мне надоели, идите к черту, покатайтесь на карусели, сегодня вы мне больше не нужны... Деньги остались?

– Деньги?

– Свободны! Завтра продолжим. Все!

15

Он вышел из дома и замер у входной двери. Потом стоял, робко озираясь, и не знал, что делать. Вдруг махнул рукой, и через мгновение свободное такси остановилось рядом. Хотел было сесть в машину, но задал водителю вопрос:

– Месье, вы принимаете французские франки?

В ответ услышал громкий хохот и узнал таксиста. Значит, все это был не сон. Кошмар продолжался.

– А город этот называется Париж! – ликовал тот. – Месье из Шапито?! Садитесь. Пора бы сменить шутку! В следующий раз спросите у меня про дукаты или луидоры, – и снова захохотал. Наконец успокоился, вытирая слезы:

– Туда же?

– Простите? – не понял Франк. Потом вспомнил и про-
бормотал:

– Почему бы и нет.

– А адрес этого дома вам еще раз записать? – и снова за-
смеялся. – Чтобы вы не заблудились!

– Нет, спасибо, он у меня сохранился.

Жоан дома не было. Франк несколько раз позвонил в дверь, но в ответ тишина, и он облегченно вздохнул. Его неудержимо тянуло сюда, к этой незнакомой женщине, но он представить себе не мог, что ей скажет. Несмотря на это, выйдя из дома, он уселся на скамейке у подъезда и зачем-то стал ждать.

Ждал долго, озираясь по сторонам. Уже забыл, что делает здесь, с удивлением наблюдая за людьми. Они были, словно с другой планеты, размеренно передвигались по улице, многие улыбались, разговаривая друг с дружкой, что редко встретишь в наши дни в толчее и сумятице огромного мегаполиса. А эти никуда не торопились. Да и толчеи здесь не было никакой.

– Это вы? – услышал он и от неожиданности вздрогнул. Перед ним стояла Жоан.

– Что вы здесь делаете?... Пришли занять денег?... Ах, вспомнила – опять ищите свою Жоан? – и снова эти веселые огоньки в ее глазах.

– Не то и не другое, я жду вас.

– Меня?

– Если не возражаете...

– Право, не знаю...

– Если вы не возражаете, Жоан, и если не очень заняты,

хотел бы украсть у вас немного времени.

Она помолчала, потом как-то просто воскликнула:

– Хорошо... Это свидание? Куда пойдём?

– Куда угодно! – обрадовался он.

– А как же ваша Жоан?

– Никак!

– Хотите, поднимемся ко мне, выпьем кофе?

– Нет! – воскликнул он. Находиться в своей квартире, которая стала для него чужим домом, он не мог.

– Давайте пройдемся?

– Хорошо, – просто ответила она и взяла его под руку. Они медленно пошли по его улице, которую он теперь не узнавал. Было тепло, солнце согревало, не давая замерзнуть, и ему казалось, что готов идти так целую вечность.

– Вы обедали? – наконец спросил он.

– На работе перекусила, – ответила она.

– А я не успел. Все бы сейчас отдал за бургер.

– Бургер?

– Да! На вашей улице почему-то не видно ни одного Фаст-фуда! – заметил он.

– Фаст-фуда? – удивилась она. Насколько я понимаю, в

переводе с английского это означает “быстрое питание”?

– Конечно!

– А что такое “бургер”?

– Ну, как же?!.. Бутерброд с сыром, ветчиной, помидором, листьями салата и майонезом!?

– А зачем питаться быстро?

– Как, зачем? – удивился он. – Можно, не теряя времени, купить такой бутерброд и по дороге его съесть. Это очень удобно!

– Всухомятку?

– Можно взять стаканчик газировки.

Она остановилась и вдруг спросила:

– Франк, вы не из Парижа?

– Я из Прованса, – почему-то соврал он.

– Прованс! – повторила она. – И что же у вас в Провансе люди идут по улицам и на ходу, как вы сказали, едят бургеры?

– Да, – не понимал он.

– И запивают водой! Газировкой! А к груди у них, наверное, привинчены подносики, чтобы еда не падала на землю, – с удовольствием фантазировала она, – а они идут и на ходу давятся бутербродами... Без ножа и вилки! Листы салата разлетаются во все стороны, майонез капает. О! Как это интересно! А потом измазанное лицо и руки вытирают полами своего пиджака... А можно и чужого. Ведь вокруг много народу. Те тоже едят бутерброды... Бургеры! И никто не

узнает, откуда взялись грязные пятна! А потом, удовлетворив аппетит, все довольные спешат по своим делам. А главное – не теряют времени! Как здорово! Я хочу в Прованс! – уже смеялась она.

– Вы никогда не ели бургер? – разозлился он, заметив, что она издевается.

– Почему же. По утрам я делаю себе бутерброд, но, чтобы зайти в ресторан, заказать... бургер и на ходу его съесть?! Нет, этого я не делала никогда. Даже не знаю, где такое продается! Разве что на вокзале? – весело воскликнула она.

– Вы много потеряли, – пробормотал он.

– Франк, вы голодны! Я поняла – вы шутите! Если хотите, мы прямо сейчас пойдем в ресторан и вас накормим! Я составлю компанию! Только есть мы будем медленно, и не так, как у вас в Провансе, а как у нас в Париже. Хорошо!?

– Да! – ответил он, – но сначала немного пройдемся. А потом устроим не обед, а ужин. Хорошо?

– Да, – ответила она.

– Покажите мне ваш Париж?! – попросил он.

– Пойдемте! – улыбнулась она.

И снова мосты через Сену, величественный Собор, Гревская площадь и Елисейские поля, Триумфальная арка. Наконец Лувр. Все было на этих улицах по-другому, не как раньше, теперь Франк знал это точно. Это не плод его фантазии или больного воображения. Наконец остановились у Лувра. Он снова с изумлением бросил взгляд на эту площадь, ози-

раясь по сторонам.

– Странно, совсем не видно иммигрантов из арабских стран, – пробормотал он. – Вокруг одни европейские лица.

– Иммигранты? – удивилась она. – А откуда им в этом городе взяться?

– Как? В последнее время огромное количество беженцев приехало в страну, и не только сюда, но и в другие государства Европы.

– Зачем?

– Как зачем? – он с удивлением на нее уставился.

– Зачем же им ехать сюда, тем более иммигрировать, когда они живут лучше нас. У них нефть, у них огромные деньги. Правда, некоторые посылают сюда учиться своих детей. Но этих не так много.

– Странно. Но люди давно бегут из тех мест. Там неспокойно – войны, перевороты, беспорядки.

– Войны? Франк, откуда у вас такие сведения? Войн не было уже около семидесяти лет!

– А как же...

– Иммигранты! – и она засмеялась. – Нет, иногда приезжают их жены, бросают деньги на ветер, покупают французские наряды, парфюм... Я все поняла! Это наверное в Прованс приезжают несчастные шейхи, ставят бедуинские палатки и просят убежища в вашей провинции, скрывая свои миллионы... Миллиарды!

– Войн не было семьдесят лет? – изумился Франк.

– Франк, вы не учились в школе?

– Не было ни в Африке, ни в Азии, ни на востоке?

– Нигде, Франк! Или вы снова шутите? В следующий раз предупреждайте, когда говорите серьезно, а когда нет. Войны! – и она беспечно засмеялась. – А, может быть, это ваш Прованс постоянно с кем-то воюет? Тайно! Но нам парижанам об этом неизвестно ничего!.. Зайдем? – спросила она, показав на Лувр. – Там в двух залах сейчас выставлена новая экспозиция.

– Я уже ходил, давайте в другой раз, – задумчиво пробормотал он, и они замерли посреди площади, глядя на дворец.

– Жоан, представьте себе, что в этом месте стоит огромная стеклянная пирамида. Прямо посреди площади! Как вам такое – понравилось бы?

– Зачем? – удивилась она.

– Как зачем? Она переливалась бы в свете ярких прожекторов, видна была бы на многие километры. С Эльфелевой башни казалась бы удивительным зрелищем, привлекая внимание ко дворцу.

– Разве Лувр нуждается в рекламе? Думаю, что в этом священном месте все, что имело смысл построить, было воздвигнуто еще несколько веков назад. А больше ничего и не нужно... Я замерзла, пойдете ужинать.

Франк снял пиджак и накинул ей на плечи.

– Вам будет холодно! – воскликнула она.

– С вами нет, – ответил он, заметив, как она спрятала

улыбку.

– Тогда пойдете быстрее! Так вы простудитесь!

Вдруг отбежала на несколько шагов и воскликнула:

– Но если вы настаиваете, я отвезу вас на вокзал и накормлю бутербродами!..

– Ну, хватит уже! – засмеялся он, а Жоан неслась все дальше.

– Бургерами!.. И измажу майонезом! – слышно было издалека.

– Перестаньте! – кричал он.

– А еще посыплю листьями салата!

– Все равно догоню! – кричал он, несясь следом. Наконец настиг ее, схватил за плечи, повернул к себе, держал так и долго не выпускал, глядя прямо в глаза. В эти знакомые-незнакомые глаза.

– А потом накормлю ужасным плавленым сыром и ветчиной, – прошептала она, тоже глядя ему в глаза и улыбаясь. – И что там бывает еще в вашем Провансе? В воинственном Провансе.

– Газировка.

– Да, газировка... И войны...

Они так молча стояли уже целую вечность.

– Все... Я согрелась... Пойдемте! – она легко высвободилась, взяла его за руку и медленно повела за собой, а этот чудесный город шумел вечерней праздной толпой, шелестел осенней листвой, освещая прожекторами улицы и площади.

Он совсем не походил на тот Париж, который Франк знал раньше, но в этом Париже ему было удивительно хорошо...

– И все-таки, какое у вас имя – Франк или Луи? – спросила она, когда они подошли к ее подъезду.

– Теперь уже не знаю сам, – задумчиво произнес он.

– Можно я буду называть вас Луи?

– Можно... А почему?

– Если, конечно, вы не возражаете. Мне так больше нравится. Франк – для вас слишком просто. Как медная монета. А Луи – благородно, красиво! Старинное имя! Вам оно очень подходит.

– Значит, Луи! – согласился он.

– До свидания, Луи! – с удовольствием произнесла она.

– До свидания, Жоан, – ответил он.

16

Открыв дверь ключом, который дал ему старик, он пробежал через все комнаты и влетел в кабинет.

– Теперь извольте мне все объяснить, – воскликнул он, – что это за город? Где я нахожусь? Это не Париж, черт возьми! И я не сошел с ума! Объяснитесь, пожалуйста!

– Это мой Париж! – проворчал Дойл, отхлебнув большой глоток коричневой жидкости. Потом крякнул и стукнул пустым фужером по столу. Дойл был совершенно пьян.

– Хотите виски? – прорычал он.

– Нет, – прошептал Франк, удивленно на него глядя.

– Настоящий ирландский виски, а не какая-то дрянь! Давайте!?

– Нет, черт побери! – воскликнул Франк.

– Как знаете...

Дойл выпил еще и тупо уставился прямо перед собой. Только сейчас Франк заметил, что весь стол был завален бумагами, испещренными незнакомым мелким подчерком. Теперь старик ворошил страницы, с ненавистью на них глядя, и бормотал:

– Все не то... Не то, дьявол всех подери... Все пустое!

Франк присмотрелся, это были не его рукописи. Пока он разглядывал старика, тот скомкал бумаги и начал их безжалостно комкать и рвать. Делал это остервенело и с яростью. Наконец собрал огромную охапку, истерзанных в клочья, страниц, привстал и бросил в урну. Едва не грохнулся на пол, угрожающе зашатался, но устоял и снова плюхнулся на стул.

– Что смотришь? – прорычал он. – Журррналист! Писать не научился? Завтра продолжим.

Он плеснул из бутылки виски, поднес стакан к губам, сделал усилие, и, едва не захлебнувшись, осушил его до дна.

– Все! – выдохнул он, и голова его упала на стол. Говорить с ним было бесполезно.

На следующее утро Дойл был молчалив и задумчив. После вчерашнего он был изрядно помят и выглядел уставшим.

Глаза его были выпученными, руки тряслись. Старик напоминал высокую гору, которую всю ночь трепал ураган, он вырывал с его склонов деревья и кустарники, обрушивал камни с отвесных скал, готов был снести этого колосса, который встал на его пути. Но гора по имени Рональд Дойл устояла.

Они, молча позавтракав, прошли в кабинет.

– Я был в городе, который вы вчера назвали “вашим” Парижем, – наконец произнес Франк, – объясните мне, что это значит?

Дойл долго молчал, глядя в пустоту, потом взял корзину с обрывками исписанных листов, отнес ее на кухню, затем вернулся и пробормотал:

– Объяснить? Я уже несколько дней, Луи, пытаюсь это сделать. Наберитесь терпения, всему свое время.

– А что это за рукопись, которую вы порвали вчера. Кто ее написал? Вы?

– Не твое дело, – коротко и зло бросил он. – Работаем...

Они выскочили из подъезда на улицу, где их ждала машина.

– Поехали! – воскликнул Майкл.

– Куда, сэр? – отозвался водитель.

– В кабак! В самый, черт возьми, дорогой кабак в этой дыре!

Через некоторое время остановились в самом центре города. Здесь находился один из самых фешенебельных ресто-

ранов. Раньше Рональд сюда не заходил. У него и в мыслях не было посетить столь дорогое заведение. Они выбрались из машины, и направились к входу, где гостеприимный швейцар радостно кланялся им, стоя у двери. Рональд остановился и пробормотал:

– Майкл, извините, все произошло так быстро. Я забыл кошелек дома.

– Ничего страшного, старина! Я угощаю!

Потом улыбнулся:

– А что, в нашем кошельке что-то завалилось?

Рональд покраснел, а Майкл тут же воскликнул:

– Шучу! Гуляем! Нужно отметить нашу встречу!

В ресторане приглушенно играла музыка, в солидных дорогих нарядах сидели редкие посетители.

– Я вас не задерживаю? – спросил Майкл. – У вас есть девушка? Наверное, сейчас она одиноко дожидается вашего прихода?

– Девушка? – рассеянно произнес он. – Нет, пока нет!.. То есть, сейчас я свободен.

Ему стыдно было признаться, что в свои 23 года он не знал, что такое девушка. Так сложилось...

– Что будем пить? – спросил Майкл, и помахал официанту, который мгновенно подскочил.

– Можно пива, – скромно произнес Рональд, разглядывая меню.

– Пива? – удивился официант.

– Пива? – засмеялся Майкл. – В этом ресторане подают отличный виски! Ирландский виски! Вы ведь родом оттуда?

– Как вы догадались?

– Это было не так уж трудно, – снисходительно произнес Майкл. Он вернул официанту меню и воскликнул:

– Знаешь что, дружище? Виски!

– Виски, очень хорошо! Что еще?

– И еще виски! А остальное... Ну, сам знаешь! Мы чертовски голодны! Да, Рональд? – и снова засмеялся.

Такой еды Рональд в своей жизни не ел никогда. А Майкл, небрежно тыча вилкой в свою тарелку, все говорил, говорил, говорил. Он поднимал тосты, наливал и снова говорил. О литературе и кино, об актерах и актрисах. Майкл рассказывал о своих поездках по стране. О столице и Лас Вегасе. Рональд с восторгом слушал, получая удовольствие от общения с этим тонким, интеллигентным, молодым человеком. Видно было, что он получил прекрасное образование и, казалось, знал всё. Еще удивляло, как легко исчез официальный тон. Сейчас перед ним сидел просто отличный парень.

– Итак, предлагаю тост за классика мировой литературы – Рональда Дойла, – воскликнул Майкл, и они снова выпили.

– Зови меня просто Майк! – воскликнул он.

– Зови меня просто Рон, – поддержал его Дойл, который еще только знакомился со своим новым именем.

– Вот и познакомились! – засмеялся Майкл, снова чокнул-

ся и они вытипи. Сейчас оба уже были явно навеселе. Вдруг Майкл посмотрел в дальний конец зала и помахал кому-то рукой. Оттуда встали трое молодых парней и направились к ним. Следом за ними шла симпатичная девушка.

– Привет Майк, – компания подошла к их столику и радостно поприветствовала.

– Привет, друзья. Садитесь! – предложил Майкл.

– С радостью! – воскликнул один из парней и все уселось за их столик, а Майкл подозвал официанта. Рональд обратил внимание на их длинные волосы. Они были почти до пояса. Обратил внимание на девушку, и уже не мог оторвать от нее глаз. Она была удивительно красива. Таких в своей жизни он еще не встречал. Она, словно, сошла с обложки дорогого журнала.

– Кто этот симпатичный мужчина? – спросила она Майкла, показывая на Рональда, после того, как официант принял заказ.

– В недалеком будущем выдающийся писатель! – пошутил Майкл, потом перевел взгляд на Рональда, который глаз с нее не сводил, и громко прошептал:

– Рот закрой!

Все беззлобно засмеялись, а Рональд смутился.

– Видишь, какое ты производишь впечатление! – сказал девушке один из парней. – Еще неделя твоей стажировки и все будут падать к твоим ногам.

– К ножкам! – добавил другой, все опять засмеялись.

– Это писатель, о котором ты рассказывал? – спросила девушка.

– Намного лучше! – воскликнул Майкл. Тогда я еще не определился с кандидатурой. Он гений. Просто, гений! А это ребята из соседних контор, – повернулся он к Рональду. – Эти трое представляют ансамбль. Кстати, замечательный ансамбль. О них скоро узнает вся страна. А наша красавица – начинающая актриса.

– Как зовут гения? – спросила девушка.

– Рональд Дойл! – скромно представился Рональд.

– Красивое имя, – воскликнула она, а парень рядом с ней добавил, – ...придумал тебе Майк! – и все громко засмеялись.

– Прости, дружище. Нам тоже придумали клички. Джерри! – представился он.

– Том! Фил! – услышал он имена других парней и все пожали друг другу руки.

– А как зовут вас? – спросил он девушку. Она на мгновение замерла, помолчала, посмотрев ему в глаза, и от этого взгляда он дрогнул. Он уже не мог его выдерживать, был покорен, и она знала это, заметив его смущение.

– Вивиян! – нежно произнесла она.

– Удивительное имя, – пробормотал Рональд.

– Тоже, как понимаешь, псевдоним! – воскликнул Джерри.

– Можно просто Виви, – улыбнулась она Рональду.

– А меня просто Рон, – ответил он.

– Ронни! Я буду называть тебя Ронни, – мягко произнесла

она, и в ее устах это прозвучало, как самое прекрасное имя, которое он только мог услышать. Вот, когда он полюбил свое имя, он гордился им.

Наконец появился официант, который поставил на стол бутылки, стаканы и закуску.

– Поехали! – воскликнул Фил.

– Со знакомством! – поддержал его Том. Все опорожнили бокалы и начали шумно, непринужденно говорить. Рональд не помнил, о чем, и украдкой все смотрел на Вивиан...

– Мне надоел этот кантри! – вдруг воскликнул Джерри.

– Нам нужен рок-н-ролл! – поддержал Том.

– Пойдем, сыграем! – предложил Фил, и троица длинноволосых парней направилась к небольшой эстраде. Музыканты, сидящие там, уступили им места и отошли. По-видимому, их здесь знали. Джерри взял гитару, Фил направился к барабанам, а Том подсел к роялю. Три удара палочками и зал наполнился сумасшедшей мелодией. Рональд слышал такое впервые. Они сыграли несколько тем, а редкие посетители ресторана с радостью им аплодировали.

– Нравится? – спросил Майкл.

– Очень!

– А ведь этих ребят нашли в дыре. Обыкновенные хипстеры. Сейчас им готовят гастроли. А музыку они пишут сами. Он повернулся к Вивиан и попросил: – Споешь?

– Для тебя, Майкл, все что угодно.

– А для Рональда?! – улыбнулся Майкл.

– И для двоих спую, – она снова заглянула Рональду в глаза, встала и направилась к эстраде. Музыканты заиграли медленную тему, Вивиан запела...

– Кто эта девушка? – спросил Рональд.

– Виви!.. Она тебе представлялась, – ответил Майкл.

– Я хотел спросить...

– Есть ли у нее парень? И кто он из этих троих ребят? Никто. Так, гуляют вместе. Она здесь на кинопробах... Еще вопросы?

Рональд слушал и мечтал, чтобы эта песня никогда не закончилась. У Вивиан был волшебный тембр. Он никогда ничего подобного не слышал. А голос этот волновал, настаивал, он будил в душе невероятные желания, усыплял и снова будил. У девушки был удивительный голос. Рональд был сражен. Майкл встал и с улыбкой направился к ней. Он обнял ее за талию и сделал несколько шагов в медленном танце. Потом повернулся к Рональду и крикнул:

– Потанцуйешь?

Рональд покачал головой. Он не умел танцевать. Только смотрел и слушал...

Скоро все вернулись к столику и продолжили наливать, о чем-то громко говоря. Рональд больше не пил. Все чаще он смотрел на Вивиан и уже не мог скрывать интереса.

– Мальчики, я пойду! – вдруг произнесла она.

– Посиди! – воскликнул Джерри. – До утра еще много времени!

– Нет, завтра много дел, – твердо ответила она и посмотрела на Рональда.

– Давай провожу, – вяло отозвался Том.

– Не нужно, в этом городе в такое время даже собаки спят, – улыбнулась она и встала. – Возьму такси.

– Я провожу, – воскликнул Рональд и вскочил с места. Вивиян снова на него посмотрела и спокойно произнесла:

– Хорошо.

– С тебя завтра три главы, Ронни! – воскликнул Майкл. – Я позвоню!

Но Рональд его уже не слышал.

Они вышли из ресторана, и холодный воздух остудил их разгоряченные лица.

– Тебе куда? – спросил он.

– В отель.

– Как назло ни одного такси, – огляделся он по сторонам.

– Здесь недалеко. Пойдем? – сказала она и взяла его за руку. Потом они медленно шли по городу, и он чувствовал, как ее рука обжигает. Он хотел что-то сказать, но не мог. Ничего в голову не приходило. Он никогда такого не испытывал. Ту любовь, которую он знал, была написана рукой несмышленого юноши, а в жизни все оказалось по-другому. Снова и снова он подыскивал нужные слова, ... любые слова, но не находил, все было тщетно. Сколько он сумел их придумать, сколько страниц исписать мелким почерком, но одно

дело выводить их ручкой на листе бумаге, и совсем другое, говорить такой удивительной девушке. Вот уже показался ее отель. Оставалось несколько сотен метров, уже десятков, всего пару шагов. ВСЕ! Вот порог ее отеля. Она обернулась, заглянув ему в глаза.

– Рональд Дойл, – на прощанье улыбнулась она.

– Вивиан!

– Классик мировой литературы... Ронни... Спокойной ночи?

– Спокойной ночи, – прошептал он, продолжая чувствовать огонь, который исходил от ее руки. Она повернулась, желая ступить в открытую дверь и исчезнуть, вдруг он почувствовал, как Вивиан схватила его за руку и потянула за собой. Это было наваждением. Через мгновение они оказались в пустом холле, через минуту в номере, через секунду ее руки обвивали его шею. Потом Вивиан сбросила с себя платье и увлекла его за собой. Большие он не помнил ничего... Нет, помнил, но не верил в это. Только туман, который застилал глаза и щемящую томную муку...

Утром он не мог выбраться из постели, лежал и смотрел, как она одевается.

– Торопишься?

– Да.

– Иди сюда.

– Нет.

Вивиан выглядела совсем другой. Он был удивлен, но такой она нравилась ему еще больше. Сейчас перед ним была деловая женщина.

– Иди ко мне, – повторил он.

– Ну что? – она прыгнула в постель и наклонилась к нему. – Ты помнешь мне платье, дурачок... Ну все... Вставай! Мне пора!

– Куда?

– У меня сумасшедший день. Примерка, грим, пробы. Стилист, педагог по вокалу... Пойдем... А, хочешь, оставайся здесь? Спи, потом оставишь ключ на стойке.

– Нет, я тоже пойду... Когда мы увидимся?

– Когда угодно, – просто ответила девушка. Вдруг улыбнулась и прошептала:

– Ронни.

– Что?

– Ты такой странный, ты удивительный Ронни, ты не такой, как все... Рональд Дойл!

– Что?

Она закрутила головой, словно стряхивая дурман.

– Ничего... Ронни... А ты был ничего...

Едва он успел добраться домой, как услышал звонок телефона. Это был Майкл.

– Где ты пропадаешь? – бодро спросил тот.

– Нигде. Ходил в булочную, – соврал он.

– В булочную... Хорошо. Пишешь?

– Пишу, – соврал он.

– О чем?

– О любви.

– О какой еще любви? – удивился Майкл.

– О первой.

– Понятно!.. А детство? Где детство? Почему ты начал с середины?

– К черту детство! – радостно воскликнул Рональд.

– Ронни, – спокойно возразил Майкл, – детство ни “к черту”, как ты изволил выразиться. – Пиши последовательно, развивай тему. С тебя три главы.

– А любовь?

– К черту любовь, – засмеялся Майкл. – Пока нам рано говорить о любви. Давай, работай! До связи! И не затягивай – у нас мало времени.

– Конечно, Майк! Я все понял. Я работаю.

– Вот так, Ронни. Хорошо. Работай! – и он повесил трубку.

Но, писать Рональд не мог. Он отправился в магазин и купил себе приличный костюм. А деньги? В кошельке их оставалось совсем немного, а скоро нужно будет платить за съемную квартиру. К черту деньги! – подумал он. – Скоро будет много денег! Скоро у него будет все!

Потом, забежав в цветочный магазин, купил шикарный букет цветов. А писать? – подумал он. – Нет! Сегодня он

писать не будет. Набросает три главы завтра утром и поедет к Майклу!

Так думал он, направляясь на такси к окраине города, где находилось чудесное здание, новое место его работы, а рядом контора, где сейчас была Вивиан!

Он не знал, куда идти и где ее искать, поэтому прошелся вдоль округлой стены, читая вывески над подъездами. А подъездов, здесь было десятки, если не тысячи. Где же ее искать? Актриса. Начинаящая актриса! Соседи! – вспомнил он. – Может быть, зайти к Майклу и спросить? Нет!

Теперь он медленно шел вдоль длинной стены, которой не было видно конца.

“Новая история”, “Новые кулинарные рецепты”, “Новое образование”, – читал он все подряд.

Вот и его подъезд – “Новая литература”. Прошел дальше и увидел вывеску – “Музыка будущего”. Наверное, здесь работают ребята из ансамбля. Зайти – спросить? Нет! Слишком просто! Он будет ее искать! Он найдет ее! И снова вывески: “Религия будущего”, “Театр будущего”, “Новая наука”, “Институт любви”, “Школа будущего”...

Все казалось удивительным. Как это огромное здание могло собрать под своей крышей такое множество различных, несовместимых по роду деятельности, фирм? Хотя, какая разница. Кто заплатил, тот и занимает здесь крошечный уголок, свою маленькую конторку. И только одним были схожи эти офисы. Все здесь было новым, все было из

будущего. Вдруг он замер. “Новое кино” – светилось на вывеске. Он пришел! Он нашел то, что искал! Рональд смело толкнул дверь.

– Вы куда? – бросилась ему навстречу какая-то женщина.

– Мне нужна Вивиан! – уверенно произнес он.

– Сюда нельзя! – потом она заметила букет в его руках и уже мягче повторила, – нельзя.

– Она здесь?

– Да. Но сейчас она занята.

– Когда она освободится?

– Ох, не знаю. Молодой человек, у нее много работы. Вечером.

– Я подожду?

– Не имеет смысла, – потом она снова посмотрела на букет и произнесла:

– Скорее всего, вы знаете, где ее можно найти... А сейчас она занята.

– Извините, – ответил он, закрывающейся перед его носом, двери.

Потом вернулся домой и уже не находил места. Писать не мог. Детство? К черту детство! Он сел к столу и рука начала сама водить по белой простыне бумаги. Она рисовала удивительные образы, комкала ее, сминала, но снова разглаживала, продолжая писать. Бумага терпела все, она была океаном, в котором он тонул, и безбрежной пустыней,

где дули ветра, была бесконечным зеленым лугом, где в высокой траве утонули два человека, которые, позабыв обо всем, поднимались на невиданную высоту, и уже розовое облако обнимало их, не давая с бешеной скоростью сорваться вниз и разбиться. Бумага терпела все. В эту минуту она источала божественный аромат женицины, которую он бесконечно любил...

Все! Сегодня будет написана только эта глава!

Спохватился к вечеру, вскочил, схватил букет и выбежал на улицу. А если она еще не вернулась? А если она снова с теми парнями ходит по кабакам, тогда, где он будет ее искать? “Когда мы встретимся? Когда угодно!” – вспоминал он. – Значит сегодня! Сейчас!

Он влетел в гостиницу и кинулся по ступенькам наверх.

– Сер, лифт работает! – воскликнул консьерж.

– К черту лифт! – вдруг остановился. – Простите, а Вивин вернулась? – и он назвал номер ее комнаты.

– Ключей нет, – равнодушно ответил тот.

– Спасибо! – и он побежал наверх.

Дверь ее комнаты была не заперта и он толкнул ее.

– Ждала! – мелькнула в голове. – Ждала, даже не закрыла дверь.

То, что он увидел в следующее мгновение, заставило его содрогнуться. В постели лежала Вивин. В их постели! А рядом с ней был... совершенно голый Джерри! Девушка повернулась, заметив его, и вдруг... улыбнулась.

– А, это ты, Ронни? – нежно спросила она.

Он задыхался. Он не знал, что ему сказать, что сделать.

Уже хотел броситься на проклятого Джерри.

– Ты что? – воскликнула она, испугавшись.

– Ронни, дружище? Что с тобой? – удивленно воскликнул

Джерри. Тогда он посмотрел на Вивиан и выкрикнул: – Ну ты и...

– Что с тобой, Ронни? – спокойно спросила она.

– Что? – заорал он, – ты еще спрашиваешь – что?... Да

ты...

– Ронни, ты все не правильно понял, – мягко произнесла

она.

– Что я должен понимать? Что ты можешь объяснить после той ночи? Вчера...

Тут Вивиан улыбнулась и мягко произнесла:

– Ронни, ты все перепутал. Вчера Майкл мне заплатил

и попросил провести время с тобой, – и она снова улыбнулась, – потом спросила, – а ты что подумал?

Она уже смеялась. Смеялись ее глаза, он видел это! И

смеялась она над ним! Джерри тоже беззлобно улыбнулся. Потом как-то легко предложил:

– Ронни, если хочешь, иди к нам. Втроем, даже интереснее... Да, Виви?

Вивиан, склонив голову, прищурила глаза и молча, внимательно посмотрела на Рональда. Он помнил этот взгляд, он мечтал о нем весь день...

– Сколько?

– Что? – не поняла она.

– Сколько он тебе заплатил?

– Двадцать пять, – спокойно ответила девушка. – Много? – и улыбнулась. Он выронил букет и бросился из номера проч.

Потом несколько часов слонялся по вечерним улицам и только поздней ночью вернулся домой. Страшно замерз, но только это его спасало, холод был для него наркозом, а сейчас, согревшись, ему стало невыносимо больно. Он сел на кровать и заплакал...

Раздался телефонный звонок, и он долго не брал трубку, но тот все звонил и звонил. Наконец Рональд схватил ее.

– Как работа? Почему сегодня не пришел? Завтра привезешь материал?

– Завтра, ... – пробормотал он, – вдруг спросил, – Майкл, зачем ты ей заплатил?

– Кому? – не понял тот.

– Вивиан!

– Ах, Виви?... А что? – удивленно спросил Майкл. – Хотел сделать тебе подарок... Ронни, что-то не так?

– Подарок?... Тебе это удалось...

Долгая пауза повисла в воздухе. Наконец Майкл воскликнул:

– Сейчас приеду.

– Майкл...

– Мы друзья, Ронни, я скоро буду, – и он повесил трубку. Через двадцать минут Майкл позвонил в квартиру.

Потом они оказались в машине и стремительно поехали по улицам города. Потом кабак. Нет, не тот. Другой. Дешевая забегаловка, в которой было масса народу, где стоял невообразимый гвалт, люди веселились, пили, на эстраде играла музыка, пели полутрезвые, полураздетые женщины. Сегодня они пили не ирландский виски, а все подряд. Ром и водку, текилу и пиво, снова ром. Пили много и долго.

– Кто она? – наконец спросил Рональд.

– Девочка. Красивая девочка из бедной семьи. Нашли ее в одном городке, где она снималась в журналах и на фотках, которые продают на вокзалах. Ну, сам знаешь. А сейчас у нее начинается новая жизнь. Как и у тебя. Это сказка, Ронни. Просто, американская сказка. Нам нужен рок-н-ролл. Да?

– Да, – прошептал Рональд.

– Я и не думал, что этот эпизод так на тебя подействует. Извини, старина, не раскисай. И запомни одно – поделись опытом – чтобы освободиться от женщины, ей нужно просто заплатить. Ты меня понимаешь?

– Да, Майк.

– Нам нужен рок-н-ролл!? – воскликнул Майкл.

– Да, Майк! Рок-н-ролл...

Больше Рональд не помнил ничего. Проснулся в незнакомом номере, незнакомого отеля, а рядом с ним по обе сторо-

ны лежали две блондинки. Одна из них спала, другая красила губы. Он поднял глаза в потолок и на мгновение задумался. Потом встал и полез в карман, достав кошелек. Вдруг девушка сказала:

– Твой друг нам заплатил.

– Заплатил?

– Да. Мы честные девушки, нам чужого не надо.

– Сколько? По двадцать пять?

– Двадцать пять!?! – проснулась вторая девушка. – По трешнику, милый. Двадцать пять! У нас не Лас Вегас, да же не Беверли-Хиллз! – вздохнула она. – По трешнику. А если хочешь добавить, валяй, – и она лениво потянулась. И тут он понял, что здоров. Совершенно здоров! И уже не хотелось думать ни о чем. Майкл, как настоящий друг, не бросил его, вчера он оказался вовремя, оказался рядом! А сегодня нужно работать. Писать и еще раз писать! Три главы! Нам нужен рок-н-ролл! – напоследок мелькнуло в голове.

Как обещал, к вечеру он принес Майклу три главы. Тот при нем прочитал и задумался. Потом начал медленно говорить:

– Ронни, нам не нужен такой цинизм. Наплевать на то, где ты был, с кем был и что там делал вчера. Научись разделять. Я знаю твои рассказы. Они отличаются чистотой, наивностью. Когда их читаешь, словно, пьешь из ручья и хочется делать это снова и снова. В этом смысл, старина.

Поэтому я и обратил на тебя внимание. Ты не такой, как все. Ты чище, лучше. И герой твой должен быть таким. Он должен быть невероятно обаятельным, должен заражать читателя, заставляя его быть похожим на него. Люди должны всем сердцем полюбить твоего героя, и тогда они... попали! Тем интереснее будет неожиданный финал. У тебя все получится. Забери это, перепиши и завтра приходи. Ты меня понял?

– Да, Майк.

– Точно понял?

– Да, Майк... А как же рок-н-ролл?

Майкл засмеялся.

– Будет и рок-н-ролл, всему свое время.

Вдруг спросил:

– Не хочешь навестить Вивиан?

– Нет, – резко ответил Рональд.

– Почему?

Рональд промолчал.

– Ты взрослый мужчина, ты должен быть свободен. Должен быть сильным, закаленным. Извини, что учу, я немного старше и немного пожил... Как тебе вчерашние красотки?

– Не помню... Нет, все было хорошо. Спасибо, Майк.

– Кстати, возьми пару сотен в счет гонорара, – и он достал деньги, – ты должен быть независимым, красивым и свободным. Это главное!

– Но я еще не сделал работу.

– Это аванс. Это твои деньги, Ронни, не волнуйся. У тебя все получится. Ну что, поехали?

– Куда?

– Поужинаем!

– Да?... Конечно, Майк! – и он с удовольствием положил деньги в карман.

– А к Вивиян?

– Нет.

– Нет?!!!

– Нет.

– Слабак! – и он захохотал. – Поехали. Сегодня гуляем, но завтра работаем! Да?

– Да, – улыбнулся Рональд.

– Да?!!! – громко воскликнул Майкл.

– Да, черт возьми! – заорал Рональд.

– Ну, вот так! – довольно проворчал Майкл.

И снова они весь вечер носились по кабакам, в одном из них к ним присоединились Том, Джерри и Фил. Рональд с радостью пожал руку Джерри, он не был на него в обиде. После разговора с Майком та история казалось теперь нелепицей. Только вздрогнул, когда увидел Вивиян. Она разыскала их в одном из баров. Но очень скоро взял себя в руки и теперь они шумной кампанией безрассудно прожигали вечер. Танцевали, пили, о чем-то говорили, спорили, смеялись, снова пили. В какой-то момент Вивиян схватила Рональда за руку и со словами, – пошли танцевать, – увлекла за собой. Рональд ка-

зался длинной жердью, он неуклюже топтался на месте, а она, беспечно хохоча, делала изящные движения, заставляя его повторять. Потом обвила его шею обеими руками и прижалась. У Рональда закружилась голова. Он сходил с ума. Он слышал удивительный запах, который исходил от нее, чувствовал, что теряет сознание. А она улыбалась, глядя ему в глаза. Вдруг спросила:

– Все в порядке, Ронни?

– Конечно! – воскликнул он. Получилось слишком громко. Но в его голове сейчас звучали слова друга: “Ты должен быть музиком! Независимым, свободным. Это главное!”

Он снова и снова повторял про себя эти слова, вдруг услышал:

– Ронни, если хочешь, пойдём ко мне.

“Ты должен быть свободным, черт возьми!” – стучало в его мозгах.

– Ронни, ты слышишь меня? – прошептала она, и глаза ее покрылись поволокой. Он сходил с ума, он едва не падал, у него кружилась голова. Наконец набрался сил и ответил:

– Извини, Виви. Что-то болит голова, выпил лишнего. Не сегодня.

– Ну, как знаешь! – легко ответила она, совсем не обидившись. И снова громкая музыка, она выпорхнула у него из рук и теперь с невероятным задором танцевала сумасшедший танец под музыку, которая неслась с эстрады. Играли трое наших музыкантов.

Нам нужен рок-н-ролл! – отбивало барабанной очередью у него в голове.

На следующий день Рональд принес Майклу несколько первых глав романа. Он трудился всю ночь. Он не спал и теперь с трепетом ждал его мнения.

– Вот! – наконец оторвался от чтения Майкл. – Вот, что у нас должно получиться. Ты все правильно понял. Это даже лучше, чем я ожидал.

Рональд был счастлив. За эти слова он готов был отдать все. Это было лучшее мгновение в его жизни. Признание. Признание друга! Он валился от усталости, но сейчас было только одно желание – писать! А Майкл видел это, все понимал и искренне за него радовался...

Так Рональд Дойл начал писать свой великий роман. Это были лучшие два месяца в его жизни. Это была настоящая дружба. Майкл всегда был рядом – и в шумных попойках, и в офисе, где они горячо обсуждали каждую страницу написанного, и в бесконечных похождениях в поисках красоток и развлечений. Жизнь двух молодых людей была через края и фонтанировала. За это время Рональд сдружился с Джерри, Томом и Филом. Только одно не давало ему покоя – сердце замирало, когда он встречал Вивиан. Виделись они часто. Больше она не приглашала его к себе, видя, как он беспечно проводит время с другими женщинами, но, казалось, не об-

ращала на это внимание. Иногда она появлялась в компании незнакомых мужчин, и тогда Рональд чувствовал себя ужасно. Но его спасала работа, а еще, что удивляло, та потрясающая музыка, которую играли ребята из ансамбля. Когда он ее слышал, все становилось легко и просто. Это был восторг, замешанный на безрассудном веселье и буйстве. Эта музыка не давала думать, она сносила голову, растворяла мозги, уносила на высоту, заставляя забыть обо всем. И снова работа, бесконечное нагромождение слов, страниц, а потом вечерние попойки, музыка, друзья и... Вивиан. Иногда ему казалось, что она как-то странно на него смотрит, когда видит с другими женщинами, хочет что-то сказать. Но он проходил мимо, стараясь не замечать. Удавалось ему это с трудом.

– Привет, Ронни!

– Привет, Виви!

Но снова начинала играть волшебная музыка и все проходило. Эта музыка была лекарством от всех болезней, а главная болезнь, как известно, в нашей голове. И если что-то помогает, за это можно отдать все. Сколько за эти два месяца у него было женщин, он не помнил. Однажды проснулся на большой кровати в кампаниии двух незнакомых девиц и Джерри.

– Привет Джерри!

– Привет Ронни! – хохотали они. Однажды Том научил его курить сигареты, которые помогали не хуже той вол-

шебной музыки, а, может быть и лучше. И теперь, в трудные минуты Рональд с удовольствием принимал спасительную пилюлю. Но появлялась Вивиян, которая была поблизости всегда... И снова этот запах, который сводил с ума... А однажды он проснулся и увидел рядом с собой в кровати Фила. С ужасом обернулся, но больше не нашел никого. Вспомнил, как они вчера долго пили, потом курили волшебные сигареты. А потом... Потом он не помнил ничего.

– Привет Ронни!

– Привет Фил! – пробормотал он. – А что это было?

– Тебе понравилось, Ронни? – улыбнулся Фил.

– Не знаю, Фил... Не уверен... Я не знаю... Не помню...

– А ты был ничего! Как-нибудь повторим?

– Может быть...

И снова к спасительному столу, он хватается бумагу и начинает яростно писать. В такие минуты он не боится ничего, даже самого себя.

Так прошли два месяца. Оставалось всего несколько страниц и книга будет готова. Майкл ликовал. Больше он не торопил, с вниманием, бережно относясь к его работе. Наконец осталось всего несколько строк. Рональд с трепетом отложил рукопись и поехал в ресторан, где в последнее время они по вечерам собирались. Эти последние слова, эти буквы он допишет завтра. А сейчас ему безумно тяжело было прощаться с романом, с этой жизнью, с друзьями, с Вивиян. Что будет дальше, он не знал.

Как всегда шумное застолье, музыка, друзья и снова Вивин. Сегодня она была какой-то другой, он сразу же это заметил. Спустия какое-то время она взяла его за руку и, не спрашивая, повела танцевать. Обняла, посмотрела в глаза и тихо сказала:

– Мои пробы закончились. Завтра я уезжаю на съемки. Придешь ко мне сегодня?

– Приду, – не задумываясь, ответил он, и все в душе перевернулось.

Она любила его так, как не делала это ни одна из женщин, которым он платил. Этой ночью она была совсем другой. Он забыл обо всем, сейчас для него жизнь помещалась в этом сегодня, потому что завтра Вивин уезжала, но пока еще оставались крохи этой ночи, ловил каждое мгновение. Снова удивительный запах, снова эти руки, на подушке распущенные черные волосы. Рональд был счастлив.

Но вот утреннее солнце заглянуло в окно, осветив ее красивое лицо. И тут ему стало страшно. Он смотрел на нее, любовался и чувствовал, что видит ее в последний раз. Только теперь он понял, как бесконечно любил эту девушку. Он не знал, что делать! И даже Майкла не было рядом, и музыка не врывается в номер, чтобы снести голову, помогая забыться и не думать ни о чем. Спасительная сигарета? А завтра еще одна и еще?

Вивин уже оделась, она сидела на кровати такая хруп-

кая, такая нежная и улыбалась. Он встал во весь свой дурацкий рост, посмотрел на нее, вдруг полез в карман и положил на тумбочке 50 долларов. У него тряслись руки, но он знал, что должен это сделать! Майкл снова был с ним! Он был рядом! Он не бросил его в трудную минуту! Вивиан вспыхнула, помолчала немного, потом тихо сказала:

– Ты мог бы этого не делать, я тебя просто пригласила.

– Нет, не мог, – ответил он и уставился в пол. Они долго молчали.

– Можно спросить, почему столько? – наконец нарушила она молчание.

– Теперь ты стоишь дороже.

Она грустно улыбнулась. – Я ошиблась, Ронни. Ты такой же, как все.

– Встретимся, Вивиан, когда я стану великим писателем. Тогда все обойдется без этих несчастных бумажек, – уверенно ответил он и смело посмотрел ей в глаза.

– Ронни, когда ты станешь великим писателем, любой конгрессмен будет мечтать о том, чтобы целовать мне руки. Прости.

– Ты в этом уверена?

– Я это знаю, – твердо сказала она.

– Прощай, – он больше не мог находиться здесь.

– Подожди! – она вынула из сумочки ручку. – Поставь автограф, великий писатель, – и протянула его пятидесятидолларовую банкноту. Он молча расписался.

– Теперь прощай! – сказала она.

Он уже хотел уйти, вдруг спросил: – Вивиан, а ты любишь рок-н-ролл?

Девушка долго молчала, глядя куда-то в пустоту, наконец прошептала:

– Нет.

А в этих удивительных красивых глазах застыла тоска.

17

– Неплохо, – бормотал Дойл, листая рукопись. – Очень хорошо. Я сделаю вас, Луи, настоящим писателем!

– Я вас об этом не просил, – ответил тот, но старик его не слышал.

– Очень хорошо, – снова воскликнул он, заканчивая читать. Франк все это время смотрел на него, не скрывая отворачивания.

– Кем стала ваша красотка? – спросил он Дойла, – вернулась на свое дно? Вы потом ее встречали?

Дойл вздрогнул и лицо его перекосило.

– Не твое дело, – зло прорычал он. Вдруг прошептал, подняв глаза кверху:

– Нет, не на дно. Она поднялась на самую вершину, стала настоящей королевой... Королевой кино! Только одного не знала – там грязнее, чем в аду. По ней ногами прошлись самые великие, каковыми они себя считали, личности, а по-

том растоптали ее и уничтожили. Прожила Вивиан недолго... Выполнила свою миссию, девочка... Выполнила, только под другим именем.

И он снова замолчал.

– Кто она? Я ее знаю?

– Ее знают все, – тихо ответил он, – вдруг закричал, – не ваше дело! Она была чище, чем, каждый из тех, кто ее окружал в смокингах и фраках. Я не дам опорочить ее имя в вашей книжонке!

– Это ваша книжонка! – возразил Франк, – потом пробормотал:

– Меня скоро стошнит от ваших откровений!

– Стошнит? – удивился Доил. – Вас?! – он пришел в себя, прищурился и хитро на него уставился. Долго так смотрел и молчал.

– Стошнит!? И это говорите мне вы – дитя своего времени?! – уже заводился он. – А где же толерантность? Где современный взгляд на вещи? Отстали от жизни, Луи? – и хрипло засмеялся. – Ваш сын в какой класс ходит?

– Во второй... При чем здесь мой сын?

– А при том, что через пару лет он будет посещать уроки, так называемого, сексуального образования. Вы слышали об этом!? А там ему на красивых пестрых плакатах будут показывать половые органы мужчин и женщин. Будут объяснять, как нужно совокупляться, учить, как пользоваться презервативом! Вы об этом не слышали? Вы не знаете, что многие

страны прогрессивной культурной Европы уже ввели такую дисциплину. Больше не тошнит? Всего через два года ваш мальчик будет весь бледный возвращаться из школы и задавать вопросы. Вы будете знать, как на них отвечать?

– Через два года и посмотрим, – пробормотал Франк.

– А если вы не отпустите его на эти уроки, на вас подадут в суд и посадят в тюрьму. Прецеденты случались! В тюрьму за то, что вы не даете сыну получать образование, развиваться, а, значит, подвергаете его насилию и нарушаете права! – и Дойл громко захохотал.

– Может быть, к тому времени все изменится, многие выступают против таких инноваций.

– Изменится?! Конечно, изменится! – уже орал он. – Через два года все эти плакаты выкинут за ненадобностью, и будут заставлять детей на уроках делать это не понарошку, а по-настоящему. А вы знаете, что некоторые уважаемые депутаты с высоких трибун уже лоббируют закон о защите прав педофилов? О том, что им будет позволительно проводить время с мальчиками. И с девочками! Этот вопрос обсуждают на полном серьезе! Больше не тошнит? Сколько лет вашему малышу?

– Оставьте в покое моего сына!

Дойл снова захохотал.

– А дочери?

– Месье, Дойл!

– Я-то оставлю, а тот, кого будет защищать этот закон, нет!

У вас красивые дети, Луи! Я видел их! Ангелочки!

– Откуда вы знаете об этой мерзости?

– Иногда я читаю ваши мерзкие газеты!

Вдруг Дойл стал серьезен. – А если вас тошнит – это очень хорошо. Значит, мы на верном пути... Куда же вы?

– Куда-нибудь... Мне нужно от вас отдохнуть! Мы два дня безвылазно сидим в этой норе, – с этими словами Франк выскочил из комнаты, а вдогонку ему послышался безумный хохот старика...

– Ненормальный! Маньяк! – бормотал он, убегая.

18

Выходя из дома, он забежал в свою комнату и взял телефон, отключив его от зарядного устройства. Потом долго брел по улице, пытаясь позвонить, наконец, заметил, что нет сети. Может, сломался? – подумал Франк. Завидев какого-то прохожего, спросил:

– Извините, месье. Вы не посмотрите, у вас есть сеть?

– Месье? – не понял тот.

– Я не могу поймать сеть, хотел бы узнать, у вас она есть? – и кивнул на свой телефон. Тот недоуменно на него уставился и произнес:

– Нет, месье. У меня сети нет... С собой нет. Но я знаю, куда вам нужно идти. Неподалеку есть магазин, где вы сможете купить и сети, и прекрасные спиннинги, и удочки. Все,

что угодно! Замечательный магазин! Вам прямо до угла и налево. Успешной рыбалки! – откланялся он.

– Спасибо, месье, – только и ответил Франк. Потом на такси он добрался до злополучного парка и снова достал телефон. Тот не работал. И тогда Франк зачем-то пошел вглубь зарослей, туда, где несколько дней назад они бродили со стариком. Он не знал, что ищет, снова и снова кружил по газону, наконец, побрел к скамейке. К той самой проклятой скамейке, где он познакомился с Дойлом. Долго сидел так, не зная, что ему делать. Наконец встал и направился к выходу.

И снова удивительный незнакомый Париж расстилался перед ним ковравыми дорогами булыжных мостовых, снова он приглашал пройтись по улицам и площадям, гостеприимно принимая его в свои объятия. Этот Париж не был к нему равнодушен, ему был интересен этот заблудившийся человек...

– Снова вы? – воскликнула Жоан, увидев Франка, одиноко стоящего у подъезда.

– Жоан, простите меня, – воскликнул он. – Вы не подумайте, что я преследую вас. Если мое появление в тягость, скажите, и я оставлю вас в покое!

Она улыбнулась и спросила:

– Вы пришли просить меня о том, чтобы я вас прогнала?

– Я сам не понимаю, что со мной происходит. У меня в этом городе кроме вас никого нет... Я не пытаюсь за вами

ухаживать, морочить голову...

– Это я уже поняла, – ответила Жоан.

– Да? Почему?

– Иначе притащили бы дурацкий букет цветов или коробку конфет.

– Ох, простите. Я и не подумал. Сейчас...

– Не надо! – засмеялась она. – Поздно!.. А что, я не та женщина, за которой можно ухаживать, морочить, как вы сказали, голову?

– Нет! Ну что вы! Я не то хотел сказать, – воскликнул он и осекся.

– Дурацкий разговор! – и Жоан прикоснулась к пуговице на его пиджаке, которая осталась у нее в ее руке.

– Оторвалась. Хорошо, что заметила. Нужно бы пришить.

– Как вам это объяснить? – продолжал он. – Мне с вами очень хорошо, спокойно, – и он замолчал.

– Луи, у вас что-то случилось?

– Нет... Не знаю... Я не могу всего рассказать, я сам ничего не понимаю.

Она ненадолго задумалась, потом воскликнула:

– Поедемте кататься на карусели!

– На карусели? – удивился он.

– Да! Недалеко от Лувра есть старый парк, где находятся аттракционы. Правда, осенью они закрываются, но там есть одна замечательная карусель, которая работает круглый год. Вы когда в последний раз катались на карусели?

– Я?... Не помню.

– Поедемте?

– Да! – с радостью согласился он.

Сейчас Жоан напоминала ему ребенка. Она сидела на лошадке, крепко обхватив ее за шею, а глаза ее светились от счастья. Все время оборачивалась, махала рукой и снова на белом скакуне уносилась прочь. А он плелся следом на несурьезном ослике. Потом карусель останавливалась, они бежали за билетами, возвращались и так еще много-много раз.

– Почему нельзя сразу купить много билетов и не слезать с карусели? – наконец спросил он.

– Нельзя! – серьезно ответила она, и он понял, что другого ответа и быть не могло. Нельзя и все! И снова он, не в силах отвести глаз, любовался ею. Внешне она была невероятно похожа на ту Жоан, но эта Жоан была совсем другая!

– Фу! Кружится голова! – наконец воскликнула она и пьяной походкой, раскачиваясь из стороны в сторону и размахивая руками, побрела по парку. Подошла к скамейке. К той самой! И села.

– Почему вы пришли именно к этой скамейке? – подозрительно спросил он и Жоан недоуменно на него посмотрела.

– Потому что она оказалось ближе всего!?! – и он увидел ее, широко открытые от изумления, глаза.

– Вы себя хорошо чувствуете? Садитесь, Луи!

– Хорошо, – сел рядом и какое-то время они молчали.

– Что вы делаете в Париже? – наконец спросила она.

– Я в деловой поездке от редакции, – соврал он.

– Вы журналист?

– Да.

– О чем вы пишете?

– Мне поручили взять интервью у одного писателя, – про-
бормотал он, – вдруг спросил, – вы знаете такого Рональда
Дойла?

Она на секунду задумалась и беспечно ответила:

– Нет, не слышала. А что он написал? Сколько у него
книг?

– Одна.

– Молодой начинающий гений?

– Можно сказать и так, – пробормотал он.

– А в какой газете вы работаете?

– Вечерний Прованс, – соврал он, выдумав первое, что
пришло на ум.

– У вас интересная профессия! Как вы это делаете?

– Очень просто! Выезжаю на интервью. Общаюсь, задаю
вопросы, ищу то, что в человеке ценно. Вы правы – это ин-
тересно и не очень сложно. Потом возвращаюсь домой, на
компьютере собираю материал и несую его в редакцию.

– У вас дома есть компьютер? – улыбнулась она.

– Конечно! – удивился он. – Без него невозможно рабо-
тать. Не писать же гусиным пером!

– Так! Понятно... У вас большая квартира?

– Не очень, две комнаты. А почему вы спросили? – и тут он заметил ее улыбку. – Что-то не так?

– И одну из них занимает компьютер! Замечательно! Продолжайте!

– Почему, комнату? – не понял он.

– Да, потому что компьютеры размерами с комнату, черт вас побери! Потому что во Франции есть всего несколько компьютеров, которые стоят в университете, у космонавтов и... И у кого-то еще. Не помню. Я недавно смотрела передачу. Но у журналиста Луи оказывается тоже есть компьютер. Правительство специально выделило ему это чудо современной техники, чтобы он мог писать репортажи! Только забыло предоставить ему для этого большой дом! – она уже хохотала, а Франк долго, молча на нее глядел. Наконец, она успокоилась и произнесла:

– Извините, Луи. Вы так интересно рассказываете! Но иногда напоминаете человека с другой планеты или из будущего.

– А какой сейчас год? – вдруг спросил он.

– Луи, – серьезно спросила она. – Какой сейчас год?

– 2014? – неуверенно произнес он.

– Ну, слава богу!.. Продолжайте!.. Ну, что же вы? Давайте еще раз – вы журналист! А как вы им стали?

– Это наследственное! – снова заговорил он. – Мой отец был журналистом. Военным. Он побывал во многих горячих точках, даже получил ранение... Это было в Югославии. Там

он попал под бомбежку...

Вдруг услышал ее голос:

– На Югославию напали инопланетяне?

– Почему?

– Югославия. Вы можете себе представить, чтобы какой-то сумасшедший бомбил страну, которая находится в самом центре Европы? Опять фантазируете? Луи, зачем вы все время выдумываете?

– Да, фантазирую, – пробормотал он. – Простите, Жоан... Неделю назад я попал в аварию и получил небольшое сотрясение.

– Извините, я не знала, – с сожалением произнесла она.

– Поэтому иногда...

– Иногда придумываете удивительные истории. Теперь мне все понятно. Так вы перепутали меня с другой Жоан. А, может быть, ее и не было?

– Может быть... Теперь я уже ничего не знаю наверняка. Но мой отец действительно был журналистом!.. Скажите, а ваша мама работает врачом?

– Да! Откуда вы знаете?

– Авария. Странная авария...

– И теперь вы умеете отгадывать имена и не только! Чудеса!

– Да, чудеса.

– А когда закончится ваша поездка? Сколько вы еще будете в Париже?

– Не знаю... Никогда! Иногда мне кажется, что я буду делать это вечно!

– Опять выдумаете, Луи. Пойдемте, становится прохладно. Вы должны себя беречь! – с этими словами она встала, взяла его под руку, и они направились к выходу.

Снова ее подъезд, снова он смотрит на эту удивительную Жоан. Франк смущен, он не знает, что ему делать. Он безумно не хочет с ней расставаться, но и не может подойти ближе. Чувствует, что не должен разрушать ее жизнь.

– Пойдемте, я пришью вам пуговицу, – вдруг услышал он.

– Да?

– Да, – просто ответила она и открыла дверь. Потом он робко сидел в незнакомой комнате, с удовольствием наблюдая за незнакомой Жоан. Вздрогнул, заметив, что иголку с ниткой она достала из старинной жестяной коробки, которую он прекрасно помнил. Она сохранилась еще со времен бабушки Жоан. В таких коробках когда-то продавались конфеты. Все продолжал смотреть на эти руки, которые ловко делали свою работу. И вдруг захотелось подойти, обнять эту женщину, никуда не уходить, не думать ни о чем, не знать, не ведать, просто оставаться с ней... Через несколько минут, закончив, она весело сказала:

– Ну вот. Теперь будет держаться вечно. Держите! – и протянула ему пиджак.

– Все?

– Все.

– А можно...

– Нет... Франк, мы договорились, что вы за мной не ухаживаете и не морочите голову, – она улыбнулась и снова эти веселые огоньки вспыхнули в ее глазах, – а если в следующий раз появитесь с цветами – я вас прогоню. Хорошо?

– Да.

– Да? – громче переспросила она.

– Да, – и замолчал, желая спросить что-то еще.

– Что?

– А почему – Франк?

– Не знаю... Почему – не знаю. Сегодня так. Сегодня – вы Франк. Спокойной ночи.

– Да.

19

Книга была закончена. Рональд дописал те последние строки, которые оставил на сегодня, потом аккуратно сложил рукопись, с сожалением посмотрел на нее в последний раз и отправился к Майклу. Эти два месяца пролетели для него, словно один день, и теперь он не знал, что будет делать. Сейчас он отдаст эти страницы Майклу и расстанется с ними навсегда. Навсегда потеряет друзей, эту удивительную работу и... Вивиан. Впрочем, Вивиан он потерял уже.

С такими мыслями он вошел в дверь, над которой висела табличка “Новая литература”. Почему – новая, он не понимал. Майкл с радостью его встречал, он взял рукопись и начал дочитывать последние страницы...

– Хорошо!.. Очень хорошо!.. Замечательно! – приговаривал он. Потом захлопнул папку и посмотрел на Рональда.

– Все? – пробормотал Рональд.

– Да, дружище! Все! Ты сделал это!

Рональд встал, в нерешительности переминаясь с ноги на ногу. Сейчас ему выплатят гонорар и они расстанутся, – подумал он.

– Оставшиеся деньги я положил на твой счет в банке.

– Счет? – удивился он.

– Да! Я открыл для тебя счет! Вот сведения!

И Майкл протянул ему бумагу с информацией.

– Теперь у тебя, Рональд Доил, есть счет в банке.

Рональд покрутил бумагу в руке и рассеянно повторил:

– Все?

Майкл сидел и молча испытывающе на него смотрел. Долго так сидел. Рональд уже повернулся, желая уйти, вдруг услышал:

– Нет не все, Рональд! Сядь!

Он снова сел.

– Не все! – радостно повторил Майкл, – а теперь мы поиграем в одну игру.

На минуту задумался и спросил:

– Рональд, скажи пожалуйста, у тебя раньше было много друзей?

Тот удивился.

– Только отвечай честно! Это такая игра!

– Нет... Не очень...

– Я сказал – честно! Абсолютно честно!

– Не было друзей, – пробормотал Рональд.

– Хорошо, – сказал Майкл. – А сколько у тебя было девочек? Скольких женщин ты любил до нашей встречи?

Рональд покраснел.

– Мы друзья, Ронни, не валяй дурака, отвечай откровенно. Мне ты можешь сказать все!

– Нисколько.

– И ты никого не любил?

– Нет.

– Отлично!.. А семья? Твой отец и мать, чем они тебе помогли? Где они сейчас? Почему ты не живешь с ними?

Рональд промолчал.

– Можешь не отвечать. Знаю сам. Ничем! Они сами едва сводят концы с концами. Дальше. Пойдем дальше. Церковь. Твой бог. Ты веришь в него?

– Конечно! – удивился Рональд.

– Он тебе когда-нибудь помогал?

– Не знаю, – посмотрел на Майкла и добавил, – наверное, да... Нет... Не знаю...

– Вот!

– А школа, колледж, противные старики, которые вешали тебе на уши всякую ерунду и давали подзатыльники. Что дали они тебе. Ты любил их? Ты помнишь о них, жалеешь о годах, которые ушли безвозвратно?

– Нет, Майк. Не жалею! – уже громче отозвался Рональд.

– А детство. Оно было у тебя счастливым?

– Нет.

– Так, какого черта ты все это написал? Была ли в твоей книге хоть капля правды? За что ты держался, Ронни? Что было в твоей жизни? Кому ты был нужен?

Рональд в недоумении молчал. Потом спросил:

– Я не понимаю, Майк. Ты же говорил, что тебе нравится книга. Нравится, как я пишу.

– Очень! Ты очень хорошо пишешь! Ты талантливый человек и книга твоя замечательная, но есть одна маленькая деталь. Все это неправда. Ты создал крошечный придуманный островок, который при небольшом шторме смоем волной и погребет на дне океана.

– Сказка!

– Что?

– Ты говорил, что это будет сказка!

– Да, Ронни. И ты ее написал. Она у тебя получилась! Только, нельзя жить на розовых облаках. Почему мы должны делать людей идиотами, пускать мыльные пузыри, обманывать? Мы должны им дать больше. Дать то, за что

они смогут держаться! А что это такое? – и замолчал. Долго молчал, испытующе глядя на Рональда. Потом снова заговорил:

– Дать свободу! Абсолютную свободу от всего и всех! Только, когда человек свободен, он счастлив! И ты знаешь, что я прав! Верно?

– Да, Майк, – пробормотал Рональд. Он с интересом смотрел на Майкла, ничего не понимая.

– Теперь смотри. Для того, чтобы дать ему такую свободу, мы с тобой должны написать правду. Должны уничтожить ложные ценности, за которые столетиями держался человек. Все эти понятия – семья, вера, дружба и любовь, детство, юность, учителя, прочая ерунда превращают человека в раба. Это якорь, который весит на шее и не дает задуматься о главном – о том, что нужно сделать, чтобы стать свободным!

Майкл был очень заразителен. У него светились глаза, в этот момент он источал столько сил и энергии, что не поверить ему было невозможно.

– Что же нужно сделать? – громко спросил Рональд. Он все больше заводился.

– Для начала сбросить цепи, висевшие у него якорем на шее многие столетия. Он должен освободиться от всего, от предрассудков, а, значит, отрицать абсолютно все! Рутину, в которой он прозябал с самого рождения.

– А как же культура? – вдруг спросил Рональд.

– Что – культура?

– Как быть с канонами, на которых она держится? Есть правила и люди поневоле должны им подчиняться – иначе они не смогут жить вместе! Что скажешь, Майк?

– Что скажет Майк? – уже кричал тот. – А Майк спросит, хорошо ли было Ронни с девками, с которыми он проснулся пару месяцев назад?

– Да.

– Громче! Я не слышу!

– Да! Черт возьми.

– Так! Майк спросит еще, хорошо ли ему было с девушкой по имени Вивиан?

– Черт возьми, ДА!

– Тебе нравилась музыка тех парней?

– Да!

– А когда мы таскались по кабакам, прожигали минуты и часы, которые нам даны были свыше? Нравилась они тебе?

– Да!

А когда ты проснулся с Томом и тремя девками?

– С двумя.

– С двумя? Куда же делась третья? Черт. Вот черт! Она меня надула?! – и он захохотал. Смеялся и Рональд.

– Надула, как щенка! Взяла деньги и сбежала!.. Было хорошо?

– Да!!!

– А когда ты курил марихуану с Филом, а потом лег с ним в постель?

– Ты и это знаешь?

– Я знаю все – это моя работа!!! Отвечай!

– Не знаю...

– Врешь!!!

– Да, черт возьми!!!

– А когда ты писал эту книгу, когда мы дружили, когда жили этой оторванной жизнью – было ли тебе хорошо, Ронни?

– ДА! ДА! ДА!

– Вот!.. Теперь смотри сюда, – и он показал на рукопись.

Что нужно сделать с этим?

– Сжечь!

– Немедленно! – поддержал его Майкл.

– Давай!

– И пусть она горит ярким пламенем! Ты готов?

– Да!

– Ты согласен?

– Да, черт возьми, Майк. Я готов сжечь свою рукопись, и гори она огнем.

– Стоп, – Майкл остановился и перевел дух. Потом спросил:

– Ты идиот?

– Что?

– Ты два месяца трудился, не покладая рук, а теперь го-

тов все это сжечь? Развеять пепел по ветру?

– Но, ты сам только что это сказал! Там все неправда! Там нет ни единого слова истины! – опять не понимал Рональд.

– Так допиши эти слова!

– Как? – опешил Рональд, – написать новую книгу?

– Она уже написана! Написана прекрасным, талантливым языком, от нее исходит божественный аромат, ее хочется читать, засыпать с ней, как с любимой женщиной, ставить на полке на самое видное место.

– Но...

– Сколько глав в твоём романе?

– Не помню. Десять... или двенадцать.

– Вот! А теперь мы сделаем одну простую вещь. В конце каждой главы мы дописываем всего несколько слов, предложений. Твой герой задаст себе один простой вопрос – ты сам веришь в это? Ты веришь в дружбу и любовь, в семью, которая вышвырнула тебя на помойку, первой девушке, которая бросила тебя, потому что... Да потому что не перебила... Потому что кто-то поманил ее пальцем. А ты уже готов лезть из-за нее в петлю. Мы сделаем простую вещь. Всего в нескольких словах разрушим сказку, те замки, которые ты построил на песке. И тогда твои талантливые главы заиграют и оживут. Нужно отрицать все и вся, закатать эти призрачные идеалы в бак для мусора, спустить в унитаз, освободиться от этого ярма. Ты меня по-

нял, Ронни?

– Понял. Но есть вопрос.

– Давай! – азартно спросил Майкл.

– Как быть с религией, с богом? Мы не можем его отрицать. Это кощунство.

Майкл прищурил глаза и внимательно посмотрел на Рональда. Потом медленно спокойно заговорил:

– Наша цель, Ронни – сделать человека свободным! А бог? Он есть в каждом из нас, только мы не знаем этого или забыли. Бог – это наше ХОЧУ! В каждом человеке есть божественное хочу! А то, что он хочет – священо! Бог – это и есть свобода от всего и всех!!! Об этом и будет твоя книга, Рональд Дойл. Книга с названием – “Когда ты свободен”. Ты меня понял?

– Да, Майк. Понял... Я тебя понял... Пойду, – и он взял рукопись со стола.

– Куда? – удивился Майкл.

– Домой. Пойду работать.

– Ерунда, – улыбнулся тот. Здесь нечего делать. Сейчас мы поедem в кабак, закажем море выпивки и пройдемся по твоей рукописи с косой. Говоришь, двенадцать глав?

– Двенадцать.

– Двенадцать ножек у табуретки, которые нужно отпилить? Ерунда! Справимся. И сделаем это прямо сейчас. Поехали! – воскликнул Майкл, схватив рукопись со стола и увлекая Рональда за собой. – Едем, дружище! Сегодня с тво-

ей книгой мы переспим последнюю ночь и сделаем это талантливо и красиво, дьявол нас побори! Да, Рональд?

– ДА!

– Майк, а почему ты не говорил мне об этом раньше? – спросил Рональд, когда они ехали в машине.

– В этом вся хитрость, Ронни. Я немножко тебя обманул. Мне нужен был чистый, незапятнанный парень, который широко откроет глаза и будет босыми ногами ходить по жизни. Он раним и трогателен, он, как девушка, которая собралась на первое свидание, и пока еще не догадывается, что ее ждет впереди. А ждет ее... Сам знаешь – сказок не бывает!

– Майк, а что будет потом?

– Потом мы напечатаем твою книгу, и ты станешь величайшим писателем современности.

– Ты в этом уверен?

– Рональд. Слишком длинные юбки носят наши женщины, слишком чопорные сегодня наши мужчины. Сейчас не средневековье. Нужно дать им то, о чем они мечтают давно, и сделаешь это ты.

– Уверен?

– Конечно!

– Можно еще один вопрос? Вивиян!

– Что?

– Она будет сниматься в кино?

– Вивиян работает в другой конторе. Это не моя забота.

Но, я слышал, что сегодня она уехала на съёмки.

– А что будет, если после выхода фильма журналисты раскопают ее прошлое. Что будут говорить простые домохозяйки? Как они будут смотреть на нее? Вивиан отправляют на провал?!

– Я не работаю в кино и не знаю тонкостей их бизнеса. Скажу лишь одно. За Вивиан не беспокойся, Ронни! В любой домохозяйке есть обыкновенная женщина – в этом смысл. Черт возьми, каждая вторая домохозяйка, уходя из дома, мечтает, чтобы по дороге в лавку за куском мяса ее прижали в темном углу, задрали юбку и напомнили ей о том, что она баба. Просто, баба, которая хочет всего! Хочет той самой свободы, о которой я тебе только что говорил! Ты меня понял?

– Да, Майк!

– Больше вопросов нет?

– Нет!

Они сидели в дешевом кабаке. Вовсю играла музыка, народу было множество, люди входили и выходили, толкались, шумели. Их стол был заставлен пустыми бутылками, а эти двое занимались делом. И пили! Беспрестанно пили, снова и снова исправляя последние строчки каждой главы. Уже безумно хохотали. Это был восторг. Все получалось, так, как говорил Майкл. Стоило только прикоснуться к тексту, он начинал играть другими цветами, красками. Это было

волишебство! Получалось талантливо до тошноты. Временами хотелось заползти в грязную лужу, изваляться в ней целиком. Им нужна была полная свобода, протест, отрицание всего и вся! И сейчас они сходили с ума!

Оставалось совсем немного, вдруг Рональд уронил кусок кровавого бифштекса на последнюю страницу рукописи! Он быстро схватил его, убрал на тарелку, но там осталось огромное красное пятно. Рональд испугался.

– Отлично! – вдруг закричал Майкл. Он был уже изрядно пьян, взял кружку пива и плеснул на лист бумаги.

– Стой, глупый! Стой! – засмеялся Рональд. – Размоешь чернила! Больше не надо! Остановись! – кричал он.

Майкл задумался и прошептал:

– А ведь как красиво получилось... Черт возьми, кто бы видел и знал, как рождается гениальное творение!.. Как это красиво!

– Да, очень, – согласился Рональд. Он взял со стола солонку и посыпал кровавое пятно, – так будет лучше.

Тогда Майкл взял перечницу и сделал то же самое.

– Все, теперь все! – сказал он. – Последний штрих! Нравится?

– Очень! – ответил Рональд. Теперь они, не отрываясь, заворожено смотрели на законченную рукопись. Вдруг Майкл стал серьезен:

– Нет, и это еще не конец... Финал! Ты отобрал у этих людишек все. Да, Ронни?

– Я отобрал?

– Конечно ты! А кто еще? Это же твоя книга!

– Похоже. Отобрал, – прошептал Рональд.

– Так, дай им что-нибудь взамен!

– Что? – недоумевал тот.

Майкл бросил на стол деньги за выпивку и, вставая, сказал:

– Поехали!

Они снова приблизились к знакомому пустырю, где находилось их здание, но внутрь заходить не стали. Майкл увлекал Рональда все дальше, и вдруг за небольшим холмом появилась небольшая открытая площадка, на которой собрались люди. Здесь была в основном молодежь. Эти парни и девушки смотрели куда-то вдаль, где возвышалась небольшая эстрада, а на ней стояли инструменты и трое музыкантов. Это были Джерри, Том и Фил. Толпа в ожидании замерла.

– Завтра у них начинаются первые гастроли, – сказал Майкл. – А сегодня они играют для нас.

Рональд снова огляделся. Люди были в странных нарядах, на многих были надеты длинные рубахи, которые спускались до колен. На головах были повязаны тонкие бечевки. На шеях были видны нитки и бусы, на плечах нелепые сумки, которые напоминали торбы. У многих были длинные волосы.

– Хипстеры? – спросил Рональд.

– Они, и просто молодежь. Все эти ребята приехали сюда из разных городов.

Три удара барабанными палочками, и пронзительная мелодия огласила окрестности вокруг. Рональд замер. Какое-то время он слушал, ничего не понимая. Это была удивительная мелодия, она проникала в душу, в мозги, помогала оторваться от земли, забыться, словно притяжение исчезло и теперь все эти люди парили в воздухе. Рональд был потрясен. Он никогда ничего подобного не слышал и не видел таких людей. А музыка все продолжала источать звуки божественной мелодии, которая заканчивалась, но начиналась снова. Это был целый концерт. Музыканты пели и играли, делали они что-то невероятное, необычное, и зрители в восторге внимали волшебству. Еще несколько минут назад эта пестрая толпа представляла собой разношерстную неоднородную массу, но теперь их объединяла какая-то волшебная сила. Их глаза – тысячи, миллионы глаз были устремлены туда, где три парня творили чудеса. Так продолжалось какое-то время, солнце успело прикоснуться к земле и на мгновение улеглось на горизонт, отдавая последнее тепло. И вдруг, в какой-то момент, словно брызнуло последними лучами, а длинные волосы музыкантов и зрителей окрасились багряным оттенком. Этот огонь полыхал, а музыка все продолжала звучать. Через несколько минут

стало темно, только кровавый закат напоминал об ушедшем дне. Тот день закончился, но у собравшихся начинался удивительный вечер.

Было безветренно, и Рональд заметил, как в руках у многих появились свечи. Они ярко загорались во внезапно наступившей темноте, отбрасывая свет на многие километры. Наверное, если посмотреть сверху, с небес, с тучи, которая улеглась на краю холма и уходит не собиралась, все могло показаться морем огня. Люди начали равномерно в такт музыке, водить из стороны в сторону руками. И теперь это море оживало. Оно огненными волнами накатывало, а музыка, словно неустанный прибой, продолжала звучать.

Рональд был счастлив. В эти минуты он готов был забыть обо всем, снова вспоминать и прощать себе все. Он любил эту музыку, любил Джерри, с которым они так безрассудно веселились, и Тома, и ту первую сигарету, которая спасала его от Вивиан. И Вивиан! Как он любил ее, эти нежные руки, волосы на подушке. Любил последнюю их ночь, и пусть она больше никогда не повторится, но останется в его памяти навсегда! Любил Фила, дьявол его побери, с которым они оказались в одной постели. Он любил музыку, всех этих зрителей и самого себя. И уже ни за что не отказался бы от того, что эти парни принесли в его жизнь. Это была сказка! Вот она сказка! Вот свобода, о которой говорил Майкл, — понимал он. И уже не хотелось ничего, только утопать в этом море огня и слушать волшебную мелодию...

– Это не рок-н-ролл, – сказал Рональд. Они все дальше уходили от площадки. Концерт закончился и теперь сотни людей, сотни черных теней шумно проходили мимо.

– Ты прав, это совсем другая музыка, – задумчиво ответил Майкл. – Рано... Слишком рано... Для нее время еще не пришло. Нужно было подождать несколько лет. Это новая музыка, но уже завтра ее услышат в некоторых штатах... Рональд, теперь ты понял, что нам нужно?

– Кажется да.

– Зато твое время пришло! Ты будешь первым! Твой герой в последней главе не пойдет в церковь, он даже не станет открывать туда дверей, пройдет мимо, увидев жену свою, не станет подходить к ней. Но будет шагать, пока не найдет самого себя, и людей, которые обрели свободу. Тогда он зажжет свечу и будет вместе с ними.

– Хипстеры? В нашем финале мы принесем людям их философию?

– Не совсем так. Хипстеры – это временно. Это короткий эпизод. Потом они будут называться по-другому и снова по-другому. Менять формат, одежду, прически, стиль. Люди должны идти дальше. Главное, что мы позаимствуем у них ту свободу, на которую имеет право каждый человек. Хипстеры или толпы болельщиков на стадионах, шумные демонстранты на площадях или просто одинокие люди, стоящие посреди поля и вззирающие на волшебный закат.

Главное, чтобы человек был свободен, а больше ничего и нет. Остальное суета... Предвззсудки... Фикция! Вот наш финал, Ронни, и ты должен его написать. Теперь ты возьмешь чистый лист бумаги, не станешь посыпать его солью и перцем, поливать пивом, измазывать кровью ягненка, и напишешь последнюю главу. Тринадцатую! Больше я тебе не помощник, справиться с этим можешь только ты. И тогда, Рональд Дойл, эта книга повернет ход истории...

20

– Куда собрались? – воскликнул Дойл, глядя на Франка, который направился к входной двери. Они были на кухне, только что закончив завтрак.

– Мы три дня с утра до вечера сидели за вашим столом, мне нужен перерыв! – воскликнул он.

– Никуда не уходите! – громко возразил Дойл.

– Но я не могу так работать! – вдруг Франк замолчал и внимательно посмотрел на Дойла. Он в первый раз за это утро обратил на него внимание. Тот выглядел уставшим, не выспавшимся, едва стоял на ногах, и только голос его был энергичным и злым.

– Вы заболели? – спросил Франк, – вызвать врача?

– Врача? – зарычал Дойл. – Когда уже все закончится?! Врача!.. Да, я болен! Я давно болен этой жизнью! К черту врача! Пойдемте работать!

Он встал и направился в свой кабинет, а Франк, мысленно проклиная его, поплелся следом.

Рональд Дойл остался один. Больше не нужно было писать, не нужно было приезжать к Майклу, не с кем было носиться по ресторанам и номерам отелей. Жизнь замерла. Майкл уехал. Он сказал, что будет заниматься его книгой, редактировать, печатать, выставлять в магазинах. Позвонив по телефону, он на прощанье говорил что-то еще, но Рональд всего не запомнил. Знал только одно – он снова остался один. Он сразу же забрал из банка, причитающиеся ему, триста долларов и в первое время по привычке продолжал ходить по ресторанам. Заплатил за квартиру на несколько месяцев вперед, и не заметил, как деньги закончились. Оставалось только ждать. Чего ждать – он не знал. Майкл рано или поздно должен был объявиться, позвонить, вспомнить о нем, но пока он исчез без следа. Так прошел месяц, потом второй. Рональд мучительно соображал. Что ему делать дальше, он не знал. Он так привык к той сумасшедшей жизни, но теперь, когда все его бросили, снова должен был искать какую-то работу. Думал даже написать пару рассказов и под старым именем отнести их в местные газеты. Ему срочно нужны были деньги – в кармане оставалась какая-то мелочь, которой не хватило бы даже на пару волшебных сигарет, а на кухне лежали жалкие остатки еды.

Но однажды раздался звонок. Это был Майкл! Конечно,

Майкл! Кто же еще! Он снова, как добрый ангел, появился вовремя! Майкл говорил быстро и Рональд не успевал его понимать.

– Ты меня слышишь? – уже кричал тот.

– Да, Майк, слышу!

– Повторяю, купи билет до Нью-Йорка и немедленно отправляйся ко мне. Позвонишь перед выездом, скажешь номер поезда, тебя встретят!.. Еще купи пару приличных костюмов... Ты слышишь меня, черт возьми, Ронни?

– Слышу, Майк, только...

– Что?

– Майк, у меня закончились деньги! – наконец признался он.

– Деньги?! Ронни, деньги есть. Издательство выслало на твой счет несколько долларов за первые проданные книги.

– А книга уже напечатана? – вздрогнул Рональд.

– Да, Ронни. Остальное расскажу, когда приедешь. Жду тебя! И не забудь перед выездом позвонить...

– Майк, но на несколько долларов нельзя купишь костюм, даже на билет может не хватить, – но из трубки уже шли короткие гудки.

Он немедленно отправился в банк. Книга напечатана! – думал он. И сейчас она где-то стоит на полке магазина! Но рядом с ней находятся еще сотни книг, тысячи. А его никто не знает. Кто ее будет покупать? – недоумевал он. Хотя, в эту минуту это было не так важно. Главное, что она

напечатана!!!

Так размышляя, он зачем-то остановился у ближайшего книжного магазина и посмотрел на витрину. Оттуда на него смотрели книги, переливаясь яркими обложками. Вдруг он замер. Показалось, что смотрит в зеркало, но отошел в сторону, а видение не исчезало. С обложки одной из книг на него смотрел... Рональд Дойл! Это был он! Ошибки быть не могло! А вот и название "Когда ты свободен". Эта его книга! Он бросился внутрь и тут же нашел ее на полке. Полез в карман, с ужасом обнаружив, что у него не хватает денег. Он не мог купить собственную книгу! Рональд выскочил из магазина и побежал к банку, который уже виднелся неподалеку. Несколько долларов! Он знал, на что потратит их в первую очередь. А билет? Черт с ним с билетом! Главное книга!

– Сэр, сколько вы хотите снять со счета? – спросила, улыбаясь, работница банка.

– Все! – ответил он. Девушка изумилась и переспросила.

– Вы уверены?

– Конечно. А деньги пришли? Мне должны были выслать несколько долларов.

– Да, пришли! Уже неделю назад.

– Тогда я сниму их, – повторил он.

– Но, такую сумму нужно заказывать. Мы не можем сейчас выдать столько наличными. Может быть чеком?

– Нет. Дайте мне эти несчастные несколько долларов и

закончим.

– Несчастные? – воскликнула она. – У господина прекрасное чувство юмора!

И тут он спросил:

– Сколько денег на моем счету?

– Около двухсот тысяч долларов, сэр.

От неожиданности Рональд задохнулся.

– Тысяч?!?!

– Да!

– И это мои деньги?

– Ваши, – удивилась она.

– И я могу их снять?

– Да, только нужно заказать и через два дня их нам доставят. Вы действительно будете снимать все?

Он задумался.

– А если я часть оставлю и приду за ними потом, ... позже, я смогу их забрать? – волновался Рональд все больше.

– Сэр! У нас солидный банк! Если вы придете через сто лет – сможете их забрать. И через двести лет тоже! С процентами!

Рональд снял со счета две..., нет, три тысячи долларов и выбежал на улицу. Еще утром он не знал, что будет есть, на что будет жить, а оказывается сумасшедшие деньги уже целую неделю лежали на его счету!

Он стремительно летел по городу. Потом махнул рукой, поймал такси и понесся на вокзал. Поезд уходил вечером. Он

взял билет в вагоне первого класса. Нужно купить два костюма! – вспомнил он. Через час справился и с этой задачей, по дороге наспех пообедал в ресторане, примчался домой, собрал нехитрый скарб и снова отправился на вокзал. В Нью-Йорк! Сегодня он едет в Нью-Йорк! – громкими мощными аккордами звучало у него в голове. Наконец занял место в шикарном купе и только сейчас понял, что забыл купить книгу. Свою книгу! Он забыл это сделать! Он пробежал мимо магазина, где она его ждала! Как такое могло случиться, он не понимал.

21

Это был успех! Нет, это была настоящая слава! Нью-Йорк оглушил его пронзительным гулом разбуженной толпы, вспышками фотоаппаратов, криками газетчиков. Они с Майклом целыми днями разъезжали на шикарной машине по книжным магазинам, библиотекам, залам, где собирались сотни людей. Там проходили презентации книги. Все газеты пестрили его фотографиями и длинными колонками интервью, которые он никому и не давал. Обо всем позаботился Майкл, который теперь был его тенью. Майкл снова был рядом – на фуришетах и презентациях, в ресторанах и на конференциях, на приемах в его честь. Выходя на улицу, люди узнавали его, бросались навстречу, радуясь удаче встретить молодого, начинающего, но уже знамени-

того, писателя – Рональда Дойла, книга которого покорила их сердца. Он научился писать автографы, но интервью не давал. Майкл все делал за него сам. Заметив смущение и неспособность молодого Рональда выдерживать такой напор, он легко отвечал на каверзные вопросы – о его прошлом и будущем, о творческих планах и гонорарах, о том, кто его девушка или жена. Кто любовница и сколько у него их? Есть ли дети и семья? Где находится его большой дом – в Майями или в столице? А, может быть, сразу в нескольких городах? Миллионы вопросов, автографы, вспышки фотоаппаратов и камер и беснующаяся толпа. Майкл не обманул. Всего за один месяц он сделал то, что обещал – Рональда Дойла читала и знала вся Америка. Это была настоящая слава! Они объехали всю страну...

– К черту славу!.. К черту деньги! – вдруг услышал Франк и с удивлением перестал писать, уставившись на Дойла. Потом спросил:

– Разве не это главное? Разве не ради этого вы писали? Слава и деньги – это единственный стимул для начинающего писателя.

– Поэтому к дьяволу эту главу. Не теряйте времени, Луи. У нас его слишком мало!

– Но почему? Это основное, что движет рукой писателя! Я не понимаю!?

– А вам и не нужно ничего понимать, – на секунду задумавшись,

мался и буркнул, – потом объясню. Давайте дальше! – и снова закрипел своим противным громким голосом, продолжая рассказывать:

Они объехали всю страну. Побывали во многих штатах, наконец, снова приехали в Нью-Йорк и, наконец, смогли перевести дух. Оставалось еще несколько встреч, презентаций и можно будет возвращаться домой.

– Тебе понравился Нью-Йорк? – спросил Майкл. Наступил вечер, они зашли в шикарный ресторан и теперь ужинали в отдельном кабинете.

– Майк, я не видел его, – засмеялся Рональд.

– Ничего, еще увидишь. Если захочешь, скоро ты сможешь жить в любом городе, в любом штате, где только пожелаешь! Но это будет потом, а пока работать!

– Работать? – удивился Рональд.

– Да! Но, прежде хочу сказать, что за эти два месяца было продано более пяти миллионов экземпляров твоей книги. Как тебе такая новость?

– Это... Майк, спасибо!.. Это твоя заслуга!

– Ну не только моя. Работало целое издательство, – скромно признался он, потом добавил, – но и ты немного приложил руку. Да, Ронни? – и засмеялся. – Теперь мы не только друзья, но и партнеры. Сейчас на твоем счету находится кругленькая сумма. Что будешь делать с деньгами?

Рональд задумался.

– Пока не знаю, – помолчал немного, потом спросил:

– Ты не знаешь, где сейчас Вивиан?

Майкл нахмурил лоб, отхлебнул большой глоток виски и с грохотом поставил бокал на стол.

– Не валяй дурака, Ронни. У нее свои дела, у тебя свои. Да и зачем она тебе нужна? Здесь масса прелестных женщин, обернись – стоит только щелкнуть пальцем! Сегодня же найдем тебе красотку. Хочешь?

– А Вивиан?...

– Забудь о ней! Еще вопросы есть?

– Есть, – с сожалением произнес Рональд, – где в этом городе можно купить сигареты?

– Кури! – и протянул ему пачку.

– Нет, не эти. Другие.

– И об этом забудь. Нам нужны твои мозги. Теперь у тебя будет много работы, Ронни. Большие никаких сигарет. Ты меня понял?

– Да.

– Теперь слушай, – и он снова налил по полному бокалу. – Нет! Сначала за успех! – и они выпили.

– До дна, черт возьми! – засмеялся Майкл. – Разучился?

– До дна! – ответил Рональд, опрокинув бокал и заметно повеселев.

– Другой разговор. К делу, Ронни, к делу!.. Сколько глав в твоём романе?

– Тринадцать, – ответил тот.

– Значит, мы подписывает с тобой контракт ровно на тринадцать книг!

Глаза у Рональда загорелись.

– Ты серьезно?!

– Да! Именно на тринадцать, и я не шучу. Ты будешь обеспечен работой на несколько лет, а деньгами, как я понимаю, на тысячелетие. Устраивает?

– Ну, Майк!.. Да!!! – и оба счастливо засмеялись.

– О чем я буду писать? Почему тринадцать? – все больше заводился Рональд.

– Сначала выпьем! – и Майкл снова наполнил бокалы...

– Тринадцать книг – это тринадцать твоих глав. Каждой маленькой главе теперь мы посвятим целую книгу. Понимаешь?

– Не совсем. Книга уже написана. Будем повторяться?

– Нет! Ты придумаешь новые истории, новые сюжеты. Никто и не внимания не обратит. На самом деле, почти все великие литераторы пишут об одном и том же. Берут разные истории, но суть одна – идея, и то, что они хотят с ее помощью сказать.

Рональд энергично закивал головой, уже мысленно начиная придумывать возможные сюжеты.

– Да! Я понял!

– Вот и получится тринадцать книг!

– Тринадцать! – ликовал Рональд. – Я согласен!

– Еще бы ты не был согласен!

– А идея?...

– Смотришь в корень! Какая у нас будет идея!?

– Снова длинноволосые ребята с их философией?

– Нет, Ронни. Мы пойдем дальше! Намного дальше. Теперь слушай меня внимательно!.. Нет, еще по пятьдесят грамм! – и плеснул виски. Они снова выпили и Майкл горячо заговорил. Он был уже заметно навеселе, глаза его блестели незнакомым огнем, Рональд видел его таким впервые.

– Каждый человек имеет право быть свободным, – энергично продолжал тот, – мы с тобой уже писали об этом. А теперь задумайся, что такое “иметь право”? – и он внимательно посмотрел на Рональда. – Скучные разглагольствования о бесплатном начальном образовании, о семье, о безопасности, о жизни? Абстрактно и неинтересно. Все это прошлый век! Демократия! Права граждан! Вот наша тема! Человек должен с высоко поднятой головой шагать по жизни! Он должен делать то, что хочет – это главное. Он имеет на это право, черт возьми! Имеет право носить длинные волосы, играть ту музыку, которую хочет, одеваться, как хочет. Имеет право курить траву и покупать ее в магазине, а не у торговца на углу.

– Но это запрещено! – удивился Рональд.

– Придет время и многие страны изменят эти законы. Человек самостоятельная единица, нужно к его желаниям относиться с уважением. Он имеет право на уважение! – все громче говорил Майкл. – Он сам решит, нужно ему это

или нет! Согласен?

– Наверное.

– Наверное, – проворчал Майкл, – не наверное, а точно! Да что там марихуана! Он имеет право делать все, что хочет. В этом смысл! Нужно оторваться от привычной рутины, стряхнуть серость средневековья. Нужно одеваться по-другому, думать по-другому, любить, относиться ко всему иначе, не слушать никого. В каждом человеке заложены природой и богом непреодолимые желания. Так зачем же их преодолевать? Люди должны свободно выходить на улицы и говорить то, о чем они думают – о власти, о соседе, о сексе, черт возьми. Да, они имеют на это право! Они должны думать своей головой, а не той, которая им брюзжала в школе, наказывая за плохое поведение! Имеют право не надевать на себя наручники, не запихивать себе в рот кляп. А когда человек это поймет, жизнь станет лучше. Только свобода сделает его счастливым. Он сможет позволить себе многое, позволить все! Если ты в толпе, не бойся, иди, круши все на своем пути, эги, уничтожай, но добивайся своего! – Майкл, держа в руке бокал, начал размахивать им из стороны в сторону, проливая. – Если ты на стадионе, вырви с корнем чертово кресло и запусти им в продажного судью, который не засчитал гол! Возьми ракетницу и выстрели в него. В следующий раз он подумает – братъ ему те деньги или нет! Дьявол его побери! Если Джерри не будет тупо стоять на сцене, держась за свой микрофон, а в экс-

тазе схватит гитару и сломает ее о голову Тома, он будет прав! Почему нет? Он давно хотел это сделать! А Том в отместку прямо на сцене сожжет рояль, черт возьми. Тогда и только тогда они сыграют новую музыку, настоящую. Чего ты смеешься?

– А Фил?

– Что Фил?

– Что сделает Фил?

Тут у Майкла глаза загорелись.

– А Филу мы отрежем...

– Что? – Рональд захохотал.

– Ты понял, что, Ронни! Да, отрежем! А зачем он ему нужен?

– А потом?

– Наденем на него платье.

– Так...

– Дадим в руки микрофон.

– И...

– И заставим петь сопрано. Женскую слюнявую темку.

– Отлично!

– Нет, не отлично, – фантазировал Майкл. – А еще отрастим ему бороду. До груди!

– Откуда у него грудь?

– Сделаем!

– Ну, Майк!

– Что, Майк? Ты не представляешь, какой будет успех!

– Ты пьян, Майк! – уже хохотал Рональд.

– Не веришь?! Такое время придет! Я уверен. Я знаю это! О чем мы с тобой писали? Какие были главы в твоей дурацкой книге, какие там ходили слоны? Детство? Ты имеешь право на счастливое детство? Отвечай?! А как ты будешь счастлив, если этот тиран в школе лупит тебя розгами. Так подай на него в суд. Даже, если он косо посмотрел на тебя – в суд! И пусть сидит. Да, что там, жалкий учитель. Если твой отец поднимает на тебя руку или в наказание заставляет драить унитаз – в суд!

– На отца!?

– На него! Черт возьми! И пусть сидит! Ты человек, или ничтожный раб, чужая вещь? Дитя тоже имеет право на свободу и жизнь! Понимаешь, Ронни? Главы? Какие там еще были главы? Семья? Любовь? К черту средневековье! – уже почти кричал Майкл. – Понятие «традиционная семья» безнадежно устарело. Пусть у ребенка будет... два отца! Три отца! Или две матери! А его маму будут звать Сэм! Что ты смеешься!? – гневно воскликнул Майкл. – Да, Сэм! А папу Том! Кто сказал, что ребенок будет несчастлив? Том и Сэм! Сэм и Том! Вот идеальная семья. А если захотят, то Сара и Марта! Например, Марта будет папой!

– Откуда же возьмутся дети в такой семье? – уже не выдерживал Рональд, продолжая хохотать. Сейчас он безумно любил Майкла. Ему было с ним удивительно хорошо, они снова сходили с ума!

– Ты не знаешь, откуда берутся дети? – горячился Майкл. – Неужели трудно заделать ребенка при случае на стороне.

– Мимоходом. Между делом! – кричал Рональд.

– Не это главное, Ронни. Ребенок даже не узнает своего донора, а мать и не вспомнит. Это только физиология! Зато Сара и Марта будут жить в любви! Имеют право! И ребенок будет счастлив! Улыбаешься?

– Право на порок? Это, Майк, запрещено законом.

– Почему порок? Законы эти родом из средневековья! Пора посеять зерно, заставить людей думать и тогда они станут свободными. Большие не будут преследовать этих несчастных. Этим изгоев. А среди них было множество замечательных, великих людей! У них тоже есть права! Мы должны бороться за них! На всех континентах пройдут демонстрации, мы назовем это Гей парадами! Да, черт возьми!

– Но таких меньшинство!

– Станет большинство! Сделаем их большинством! Поможем им! Люди станут счастливыми! Давай, выпьем за них! Наливай!..

Они освободятся от рутины и сбросят цепи! Какие там у тебя еще главы!? – кричал Майкл. – Церковь? – уже рычал он, выпучив глаза. – Когда молодые девки ворвутся в храм, в главный собор страны, сбросят с себя одежды, раздевшись до трусов, и устроят там дикие оргии, будут петь и тан-

цевать, играть на гитарах, сходиться с ума – вот тогда мы поймем, что общество свободно! И здорово! Вот будущее демократии! А арестовывать за это будут не их, а охранника, который посмел эти красивые, юные сознания задержать. Он нарушил их права! – Майкл выдохнул, замолчал и оба замерли, представляя себе это зрелище. Наконец Рональд воскликнул:

– Ну, Майкл! Это слишком. Ты малость перебрал.

Майкл пришел в себя и взгляд его на мгновение сфокусировался.

– Ронни, я утрирую, не без этого. Конечно, такого не будет никогда, и все-таки... Вот об этом мы и будем писать! – закончил он. – Понял, Ронни?

Они немного помолчали.

– Майк, а ты уверен, что такое будут читать? – мягко спросил Рональд.

– Нужно бросить зерно, посеять сомнение, зародить интригу. Не сразу, но будут. Ты видишь, как пошла твоя книга? Сначала даже я такого не ожидал. Ты наша козырная карта! Ты талантлив, молод, не вешаешь стариковские рассказы и нравоучения, просто пишешь. Пишешь, как это не делал до тебя никто. Конечно, не обошлось без солидных вложений – шумиха в прессе, презентации, встречи! Но как-ков эффект! Этих длинноволосых, обкуренных парней и девчонок, грязных и нечесаных, с пустой торбой на плече, без цента в кармане, не помнящих, с кем вчера переспали, где

были, что делали, теперь боготворят. Понимаешь?

– Да, Майк, я понимаю, – он видел, что его друг пьян, да и сам он отстал немногим, поэтому не мог всерьез воспринимать его слова и с теплотой на него смотрел.

– Нужно все это переварить. Знаю одно – такого еще не писал никто! Кстати, дай мне мою книгу. Так и не успел ее купить.

– У меня ее нет, – равнодушно ответил Майкл.

– У тебя нет нашей книги? – удивился он.

– На кой черт она мне нужна? – воскликнул тот, потом подумал и спросил: – А на кой черт она нужна тебе?

– Хотел иметь свой экземпляр.

– Эта книга уже в прошлом, Ронни. Нужно смотреть в будущее... Давай, по последней. За наш успех! Вернемся – подпишем договор, – и он опрокинул бокал, осушив его до дна.

На следующий день у них должно было состояться несколько встреч и презентаций. Рональд после вчерашнего вечера с трудом воспринимал происходящее. Он автоматически раздавал автографы, что-то говорил. Впрочем, говорил за него Майкл, который выспался и был в отличной форме. И, наконец, последний читальный зал, где собралось множество народа, а завтра можно будет уезжать домой. За этот месяц, что они ездили по стране, Рональд очень устал, еще не привык к своей новой роли и с радостью думал о скорой передышке.

Через час людей в зале стало меньше, все начали расходиться и Майкл, со словами – отойду на несколько минут – покинул его. Оставалось несколько росчерков пера, и можно будет ехать в гостиницу, – думал он. Вдруг почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд и поднял голову. Перед ним стояла женщина, держа в руках его книгу. Она странно на него смотрела, взгляд ее был пронзительным и поневоле он вздрогнул. Но, взяв себя в руки, произнес:

– Ну, что же вы?... Давайте, я распишусь.

Женщина не стала класть перед ним книгу и вдруг прошептала:

– Вы убийца, Рональд Доил. Будьте вы прокляты!

Затем повернулась и быстро направилась к выходу. На мгновение Рональд оцепенел. Потом сорвался с места и побежал за ней. Догнал у самых дверей.

– Стойте! – жестко произнес он, женщина замерла и молча уставилась в пол.

– Что это значит? – воскликнул он.

– Вы убийца, – снова прошептала она.

– Но я не понимаю?!

– Я объясню.

Тут она подняла голову, посмотрев ему прямо в глаза, и от этого взгляда ему стало не по себе. Это была интеллигентного вида женщина лет сорока. На ней был надет черный плащ, она совсем не походила на сумасшедшую, пьяницу или наркоманку. Руки ее продолжали сжимать книгу

и немного тряслись. А глаза. Эти глаза с безумной ненавистью смотрели на него.

– Я объясню, – повторила она. – Моей дочери семнадцать. У нас нормальная семья. Мы работаем, растим детей. Мы дали им хорошее образование. Моя девочка замечательно пела, танцевала, много читала. У нее были планы, был хороший друг... Полтора месяца назад она купила вашу книгу. Потом связалась с какими-то длинноволосыми парнями, а через несколько дней исчезла. Оставила записку, что отправилась в другой штат на какой-то концерт. Ее не было целый месяц... Две недели назад она вернулась и мы ее не узнали. А три дня назад она умерла от передозировки наркотиков. Раньше она даже не знала, что это такое – у нас приличная семья. Я нашла ее утром в постели, а рядом с подушкой лежала эта книга. Ваша книга... Вы убийца, господин писатель. А потом мне сказали, что дочь была беременна. Вы дважды убийца. Я немного понимаю в литературе и сегодня прочитала это. Самое ужасное, что вы талантливый убийца. Сколько впереди еще жертв на вашем счету?

– Но, это всего лишь книга! – воскликнул он.

– Будьте вы прокляты! Возьмите, почитайте, что вы написали, я вам ее дарю, – и она протянула книгу. – Впрочем, вам некогда. Вы должны раздавать автографы.

Уже хотела уйти, вдруг снова на него посмотрела и сказала:

– Если у вас когда-нибудь родится дочь – пусть ее постиг-

нет такая же участь, – с этими словами женищина исчезла. Рональд не стал возвращаться к Майклу. Он тут же отправился в отель, собрал вещи и поехал на вокзал. Через час уже сидел в вагоне первого класса, а перед ним лежала книга. Та самая. Наконец, она у него появилась! Только теперь он понял, что не успел ее прочитать, после того, как они с Майклом в пьяном кабаке, в сигаретном дыму, с перцем и солью, с кровью на страницах рукописи, правили ее. Всю дорогу он, не отрываясь, читал. Читал глазами незнакомой девочки, которой исполнилось всего семнадцать. Когда закончил – ему стало страшно...

22

Вернулся домой поздним вечером, упал на кровать, но всю ночь не мог заснуть. Перед глазами все стояла та женищина, ее ненавидящие глаза. “Будьте вы прокляты, Рональд Дойл!” – звенело в голове. Но он никого не убивал! Он не делал это даже, находясь на войне. Там он был всего лишь писарем. Да, он видел множество трупов, которые перевозили в открытых машинах, видел изувеченные, обожженные тела, но то была война. Он никогда не брал в руки оружие и не стрелял. Только писал. И сейчас он тоже работал писарем, – подумал он, – писал роман на заказ. В чем он виноват? А кто его заказал? Кто такой Майкл, кто те люди, которые работают в таинственном издательстве?...

Утром он распаковал чемоданы, откуда достал огромное количество одежды и безделицы, купленные в поездке. Бросил на стол портмоне, распираемый деньгами, и снова не находил себе места. Не мог есть, не мог думать ни о чем другом. Потом оделся и поехал на окраину города. Снова этот пустырь и огромное здание, в котором занимали помещения множество разных контор. Вокруг сновали люди, они приезжали на машинах, заходили в подъезды, хлопали дверьми. Некоторые дружеслобно ему кивали.

– О! Рональд Дойл! – слышал он несколько раз. Его здесь знали. Слава добралась и до их городка. Дверь под вывеской “Новая литература” оказалась заперта и он в нерешительности замер. Потом пошел вдоль дома, читая на ходу:

“Музыка будущего”, “Религия будущего”, “Театр будущего”, “Новая наука”, “Институт любви”, “Школа будущего”, “Спортивный клуб”. При виде таблички “Новое кино” вздрогнул. Затем-то начал открывать все двери подряд, замечая незнакомых людей, извинялся и шел дальше. Наконец, толкнув дверь под табличкой “Еда будущего”, и, увидев, что там никого нет, зашел внутрь. Это была такая же комната, как и помещение, где они с Майклом работали. По-видимому, офисы в этом здании были стандартные. А вот и лесенка в конце комнаты. Она вводила куда-то наверх. В их офисе была такая же. На ней было написано – “Запасной выход”. Они ей никогда не пользовались. Майкл говорил, что это на случай пожара. Ничего интересного в этой комнате не на-

шел – десяток столов и школьная доска на стене. Очевидно, тут проходили семинары. И тогда Рональд направился по этой лестнице наверх. Он поднялся, посмотрел на дверь, хотел уже повернуть назад, но зачем-то толкнул ее. Дверь легко поддалась и он оказался в длинном светлом коридоре. Здесь сияло множество ламп, ходили незнакомые люди. На него никто внимания не обращал, и он стал непринужденно осматриваться, закрыв за собой дверь. С удивлением обнаружил на ней надпись: “Антропофагия”. Что это – он не знал. Постоял немного и медленно пошел по длинному коридору, стараясь не привлекать внимания. По одну сторону коридора было множество дверей. Через них можно было попасть в любой офис внизу, – понял он – “Запасной выход на случай пожара”. Все было так, как говорил Майкл. Если загорится комната и нельзя будет выскочить на улицу, по такой лесенке можно будет спастись в этом длинном коридоре, а потом выйти через любой другой офис наружу. Он продолжал идти, не понимая, что ищет. Вдруг заметил, что на остальных дверях тоже были вывески. Что было удивительно, они совсем не были похожи на те, которые он видел на фасаде здания с наружной его стороны.

«Панк, готик, глэм, хеви-метал», – было написано на одной из них. «Секты, содомия», – на следующей. Дальше шли названия – «Китч, Экин,». Он снова ничего не понимал. Но вот следующая дверь – “Геи, лесби” – эти названия ему были знакомы, а ниже было написано «полигамия». Что это? –

недоумевал он. Шел все дальше, а перед глазами мелькали таблички – “Фан-клубы, ультрас”, “Блокбастеры, мыло, ужасы”, “Психоз социума”. Это был какой-то незнакомый язык. Понимал он только одно – люди, входящие в офисы с улицы, читали одни вывески, а те, кто заходил из этого длинного коридора, совсем другие. Интересно было бы прочитать их с обеих сторон. Но это было невозможно. А еще понимал, что где-то есть табличка, за которой скрывается комната, где они с Майклом работали. Интересно, что написано на ней? Он все дальше шел, оглядываясь по сторонам. Уже кружилась голова, а бесконечная вереница неизвестных слов и названий продолжала мелькать. Потом посмотрел на противоположную стену, которая не имела дверей. Она было гладкая, почти ровная. Он помнил, что знание было круглым, и было гигантских размеров. Интересно, что находится в середине? Вдруг увидел широкий проем, который закрывали большие прозрачные двери, и подошел к ним. Сквозь стекло увидел огромное пространство, которое уходило куда-то вниз. Сверху это помещение было накрыто прозрачным куполом и напоминало большую аудиторию или манеж в цирке, а, может быть, стадион, а, может быть, огромный космический корабль. По бокам поднимались ряды кресел, а в самом низу на большой открытой площадке стояло множество столов. Их были десятки, если не сотни. Некоторые были сдвинуты и отгорожены от других прозрачными перегородками, а за ними сидели

люди. Все напоминало муравейник или огромный стеклянный лабиринт. Людей здесь было очень много. На некоторых столах виднелись флажки, на которых были написаны знакомые названия, которые он только что читал на дверях. Рональд замер. Он понял, что все те комнаты с такими разными табличками были связаны между собой. Они являлись частью большого организма, сердце которого находилось здесь, за этими прозрачными дверями. И вдруг наверху под самым куполом увидел длинную надпись: «Агентство демократических преобразований и свобод». Вот что объединяло все те странные комнаты – понял он. Заметив, что какой-то человек на него подозрительно смотрит, Рональд повернулся и уверенной походкой пошел по коридору, краем глаза продолжая читать надписи на дверях. Вдруг замер. Он был потрясен. Он стоял перед дверью, над которой висела табличка, которую он мог без труда прочитать. Он знал этот язык. А написано на ней было – “Рональд Дойл”...

Вдруг дверь открылась, и на пороге появился человек, который с удивлением на него смотрел. Это был Майкл.

– Как ты сюда попал, Ронни? – удивленно воскликнул тот.

– Я... Я заблудился, – ответил Рональд.

– А что ты здесь делал?

– Ничего. Перепутал подьезды, – воскликнул он, – как отсюда выйти?

– Пойдем, – ответил Майкл и пропустил его вперед. Они

спустились по ступенькам и сели за стол. Майкл внимательно на него смотрел. Потом воскликнул:

– Куда ты исчез? Почему сбежал?

– Майкл, я вчера заболел, вернулся дневным поездом. Мне было очень плохо.

Майкл облегченно вздохнул.

– Устал, Ронни! Устал великий писатель! Привыкай. Теперь жизнь будет такой всегда... Где наш договор? – и он полез в ящик стола. Рональд встал:

– Нет, Майкл. Не сейчас.

– Почему?

– Я должен выспаться... Мне нужно отдохнуть... Давай, потом... Завтра.

Тот удивленно на него посмотрел, ничего не понимая.

– Завтра, так завтра, – ответил Майкл.

– Я пойду.

– Иди, лечись. Может быть в ресторан? Виски? Все пройдет, Ронни!

– Нет, Майк, я домой. Валюсь с ног.

Он направился к двери, вдруг услышал:

– Ронни, а зачем ты приходил?

– Хотел предупредить тебя, что я не совсем здоров, – соврал он.

– Мог бы позвонить.

– Я звонил, но ты не брал трубку.

– Ты прав, я только что с ночного поезда. Выздоровли-

вай. Но завтра я тебя жду! Да, Ронни? – громко воскликнул Майкл и бодро засмеялся.

– Да, Майкл, – ответил Рональд и кисло улыбнулся.

Потом он долго шел по городу, и одно обстоятельство не давало ему покоя. “Антропофагия” – думал он. Рональд помнил эту табличку. А со стороны улицы было написано – “Еда будущего”. Люди, входящие оттуда, видели это название, а те, кто входил со служебного входа, читали другое. Интересно, какая это будет еда? – думал он. Антропофагия! Какое красивое слово! Он был уверен, что слышал его когда-то, но не помнил, что оно означает. И сейчас, шагая по мостовой, снова и снова повторял его, чтобы не забыть. Вдруг увидел книжный магазин и зашел. Первое, что заметил – была книга со знакомым до боли названием. На ней виднелся портрет улыбающегося Рональда Дойла, но не она его сейчас интересовала. Он взял с полки толковый словарь и быстро нашел то, что искал. Прочитал, на мгновение задумался, потом спросил продавца:

– Сэр, у вас есть телефон?

– Вон, на стойке.

– Я могу позвонить? – и положил пару монет.

– Конечно, сэр! – ответил тот.

Рональд набрал номер и четко произнес:

– Майкл, я не буду подписывать твой договор... И писать я больше ничего не буду. Прощай! – и он повесил трубку, по-

кинув магазин. А на стойке так и остался лежать словарь с открытой страницей, где толковым языком было написано, антропофагия – это людоедство.

Франк закончил, положил ручку, потом встал и тихо сказал:

– Я тоже больше не буду ничего писать! Прощайте.

Старик пристально на него посмотрел и спросил:

– Испугался? – вдруг заорал, – ты будешь писать!

– Нет!.. Не буду!.. Могли бы не втягивать меня в эту историю!

– Я тебя предупреждал несколько раз. Поздно!

– Не буду. И оставьте меня в покое!

– Куда ты пошел? Без меня ты не выйдешь отсюда.

– Ничего, найду дорогу, – с этими словами Франк выско-
чил из комнаты.

– Скоро вернешься, – проскрипел старик. – Вернешься, деваться тебе некуда...

Часть 2

23

Франк быстро добрался до центра города и стремглав вбежал в парк. Был теплый вечер, фонари ярко освещали деревья, которые, не успев сбросить листву, нарядившись в золотисто-багряный убор, покачивали на легком ветру разноцветными ветвями. Зрелище было завораживающим. Неподалеку виднелись аттракционы, которые сиротливо дожидались весны и теплого времени года, когда можно будет очнуться от зимней спячки, встрепенуться, сорваться с места, и помчаться с веселым перезвоном. И только карусель, невзирая на позднюю осень, горделиво и спокойно кружилась. Она светилась разноцветными лапочками, приглашая беспечных парижан провести с ней немного времени. Остановить свой непрерывный бег она не могла, да и не хотела, зная, что она символ прекрасного Парижа. Но Франк этого не замечал. Не смотрел и на скамейку, которая была ему рада, как старому знакомому. Он сошел с дорожки и устремился в ту часть парка, где еще виднелась ровная стриженная трава и росли высокие деревья. Сейчас он напоминал сумасшедшего. Если присмотреться со стороны, можно было за-

метить человека, который в сумерках быстро вилял между деревьями, потом замирал, возвращался на несколько шагов назад, задирает голову, озирается и шел дальше. Это был какой-то удивительный ритуал, словно человек заблудился в лесу и теперь вспоминал дорогу. В центре Парижа! Но не находил и начинал все с самого начала. Уже начинал бегать, петляя среди зарослей.

Потом Франк подошел к скамейке и сел, о чем-то сосредоточенно размышляя. Затем вскочил и побежал по дорожке. Удалившись на некоторое расстояние, снова ступил на зеленый газон. Теперь он шел медленно, напоминая охотника, который напал на след. Так он все дальше углублялся в парковую зону, потом поднял голову, найдя глазами два высоких дерева, мгновение постоял, сделал шаг, еще один, прошел между ними и... исчез.

В лицо Франку ударила снежная буря, которая едва не повалила его с ног, глаза мгновенно залепило мокрыми хлопьями и он замер, ничего не видя. Но отряхнулся и пробежал несколько шагов. Потом еще и еще. Вдруг обернулся, внимательно посмотрев назад – он хотел запомнить место, откуда пришел. Наконец приблизился к знакомой скамейке. Она сиротливо стояла в парке, заваленная снегом, и ждала его. Садиться не стал и вынул телефон. С радостью обнаружив, что тот работает и ловит сеть, начал лихорадочно набирать номер.

– Жоан! Ты меня слышишь? Жоан, это я, – закричал он. –

Не вешай трубку.

– Франк! – послышался ее взволнованный голос, – что ты натворил? Где ты?

– Что? Говори громче! – сильный ветер сдувал эти слова, и он едва ее слышал. – Как дети? С вами все в порядке?

– Франк! Тебя ищут! Ко мне приходили какие-то люди. Они долго меня допрашивали. Они хотят знать, где тебя можно найти.

– Меня? – в ужасе закричал он.

– Что ты натворил? Зачем ты это делаешь?

– В чем меня обвиняют?

– Они сказали, что ты террорист.

– Бред какой-то.

– Сказали, что ты... хотел взорвать Стеклянную Пирамиду у Лувра. В самом центре Парижа! Франк, ты сошел с ума?

– Стеклянную Пирамиду? – он не верил ее словам.

– Ты ненормальный? Зачем она тебе, Франк, что с тобой?

– И ты этому веришь?

– Они показывали документы! Это серьезные люди. Где ты?

– Жоан, я не могу этого сказать. Если будут приходить еще, если засекут мой звонок, скажи им, что я улетел на другую планету, что покончил с собой... Вам не угрожали?

– Нет. Я не знаю. Нет.

– Скажи, что ты не имеешь ко мне никакого отношения! Я бросил вас, я сбежал. Скажи, что я исчез навсегда!.. Жоан,

надеюсь, ты понимаешь, что это бред?! Ты мне веришь?

– Эти люди работают в отделе по борьбе с терроризмом! Как я могла им не поверить?

– Понятно...

– Как ты мог? Почему ты не подумал о детях? А зачем тебе эта пирамида?

– Жоан... Ты меня когда-нибудь любила? – вдруг спросил он.

– Франк, о чем ты сейчас говоришь?

– Все, Жоан! Прощай. Я не могу больше говорить. Когда-нибудь я тебе все объясню. Теперь меня зовут Луи...

– Иди ты к черту, Луи! Ты разрушил нашу жизнь! – и она повесила трубку. Франк неожиданно заметил двух людей, которые быстро направлялись к нему. Они были уже совсем близко, и он сорвался с места. Он бежал, не думая ни о чем. Вдруг услышал пронзительный свист и понял, что в него стреляют. Упал, но тут же вскочил, кинулся к деревьям, которые были уже совсем близко и через мгновение исчез...

Теперь редкие посетители парка с недоумением могли наблюдать за тем, как в свете прожекторов по зеленому газону среди деревьев, которые еще не успели сбросить с себя листву, мчался странный человек. Он был похож на белое привидение, его голова и плечи были покрыты толстым слоем снега, лицо было мокрым. Наверное, он выбрался из холодильника, иначе объяснить такое было невозможно, стояла очень теплая осень, и температура не опускалась ниже деся-

ти градусов.

Когда Жоан открыла дверь, сначала его не узнала, но приглядевшись, с удивлением спросила:

– Луи, откуда вы взялись? Вы промокли до нитки! Как вам это удалось – дождя не было несколько недель? Вы искупались в Сене?

– Я попал под снег! – только и смог вымолвить он.

– Опять за свое, Луи? Снова фантазируете?

– Я говорю правду... Господи, почему вы все мне не верите?!

– Мы? И много нас таких?

– Таких, как вы, Жоан, больше нет. Иногда мне кажется, что и меня тоже нет... Можно войти?

– Входите. Снимайте пиджак. Давайте я его высушу. Что это? Вы порвали рукав! Луи, у вас здесь дыра!

– В меня стреляли, – произнес он, глядя на пиджак.

– Так... Хорошо... Стреляли... Я все поняла...

Она заставила его раздеться, забрала мокрую одежду и дала большой теплый халат. Он закутался в него и молча сидел, глядя в пустоту. Жоан его ни о чем не спрашивала. Вдруг он задал вопрос:

– Можно я сегодня у вас переночую?... Я не буду...

– Оставайтесь, – просто ответила она. – Я постелю вам здесь, в гостиной.

– Спасибо, – ответил он.

Потом Франк долго сидел, ни о чем не говоря. Когда она

ему постелила на диване и собралась уйти в спальню, он спросил:

– Жоан, помните, я вам говорил про СтеклЯнную Пирамиду?

– Пирамиду? – сначала не поняла она. – Ах, пирамиду, которую вы предлагали поставить посреди площади перед дворцом! Да, помню!

– Жоан, а если бы эта пирамида там стояла. Уже много лет стояла. А однажды вам сказали бы, что я террорист и собираюсь ее взорвать. Вы поверили бы этому?

Она немного помолчала и мягко ответила:

– Нет. Не поверила бы. Все будет хорошо. Спокойной ночи, Луи.

24

Франк зашел в кабинет и увидел Дойла, который откинулся на диване. Он не подавал признаков жизни, рука его была прижата к груди и был он очень бледен.

– Опять напился, – подумал Франк. Но заметив, что на столе не было бутылки и стакана, испугался. Стоял так и смотрел, не зная, что ему делать. Вдруг старик пошевелил губами.

– Что с вами? – воскликнул Франк. Тот открыл глаза и устало прищурился. Потом улыбнулся.

– Вызвать врача? Вам плохо?

– Нормально, – пробубнил тот, приходя в себя, и усмехнулся. Потом сел.

– Вернулись?... Где были?

– Там.

– Вы нашли туда дорогу?

– Обошелся без вас.

– Что же вас ждало там? Снова проблемы?

Франк немного помолчал, потом спросил:

– Скажите, месье, они преследуют меня за то, что я хотел взять у вас дурацкое интервью?

– Вы все правильно поняли.

– Но это всего лишь книга. Вы написали ее шестьдесят лет назад, кому она сегодня нужна, и кому нужны вы, а тем более я? В меня стреляли! Вы понимаете? Стреляли!

– Ха!

– Что означает ваше – ха?

– Вот как? Поздравляю вас с почином, с боевым крещением, – он прищурил глаза и уставился куда-то вдаль, о чем-то думая. Потом произнес:

– Это, Луи, не книга, это доктрина. Моими руками они написали ее, а люди по ней живут до сих пор. И это не конец, все только начинается.

– Что же прикажете делать мне? Почему я должен за это отвечать? Я не имею отношения ни к вам, ни к вашим грехам.

– Уже имеете.

– Я не понимаю. Вы отобрали у меня жизнь!

– Так, верните ее себе.

– Как?

Старик задумался, испытующе на него глядя, и заговорил:

– Меня не обманывали, когда говорили, что эта книга изменит ход истории. Дело даже не во мне. Я им подвернулся под руку. Не я, так другой, какая разница – кого подобрать на улице. Мало ли талантливых бедных начинающих писателей в те годы мечтали о славе, о богатстве, о творчестве, черт возьми. Но выбрали меня, значит, я и должен за все отвечать.

– Но не я!

– Теперь и вы, дружище Луи. А какой у вас есть выход? Застрелиться? Выход один – помогайте мне. Мы напишем другую книгу, которая расставит все по своим местам.

– На вас работала целая организация! Что мы сможем вдвоем?

– Не знаю. Даже если мы ее напишем, у нас не хватит денег ее донести до читателя. О ней не узнает никто. Как, я не знаю, – в бессилии выкрикнул Дойл. – Но другого пути у нас нет. Знаю одно – ту историю, которая случилась со мной, мы должны написать и издать. И это не интервью, Луи. Это книга. Наша книга. Если мы сделаем это, вы вернете свою жизнь, семью, детей и свой Париж... Я помогу вам. Я буду рядом, не волнуйтесь. Вы лишь будете помогать. Мне нужна ваша помощь, черт возьми!

– Но почему я? Зачем я вам нужен? Почему вы не сделаете

это сами? Вы создали свой порочный мир, который потом навязали обществу, а теперь в кусты?

– Я не могу!

– Почему?

– Не важно. Поймете позже.

– Почему вы заставляете играть меня в эту дьявольскую игру, и с какой стати озабочены моей судьбой? Почему я должен верить вам, человеку, которому терять больше нечего!

– Есть, что терять.

– Что?

Старик долго молчал, и в глазах его застыла невероятная тоска и усталость, наконец, он вымучил из себя несколько страшных слов:

– Он не хочет...

– Что?

– ...не хочет забирать меня к себе...

– Кто? – в изумлении спросил Франк.

– Он, – и Дойл поднял палец кверху.

– Чушь какая-то!

– Ты слишком молод, Луи, и не понимаешь! Видимо, я кое-что задолжал. Мне дали талант, великую силу, способность писать. Такое выпадает не каждому. Дали напрокат. Что взамен? Я должен был создавать свою книгу, а не писать ее под диктовку. А я вымарал свое право прикасаться к великому, вечному. Но, долги нужно отдавать – это закон! Каждый человек должен выполнить свою миссию.

– Какая она у вас теперь?

– Книга.

– Так пишите ее. Напишите другую книгу взамен той. Закончите с этим!

– Я один не смогу, – пошептал Дойл.

– Почему?

– Мы в одной связке, Луи, и сделаем это вместе.

– Вы хотите, чтобы я отдавал за вас ваши долги?

– Иного выхода у тебя нет.

– Это наглость!

– Пусть так – мне наплевать. Ты талантливый человек, Луи, у тебя получится. А иначе останешься здесь навсегда.

– Я не понимаю...

– Не понимаешь, черт возьми? – уже орал Дойл. – Ты не понимаешь, что существуешь в ином параллельном мире, иначе бы тебя давно нашли, но сюда им доступа нет. А я выполню свою миссию, когда передам это дерьмо кому-то еще. Ты сам меня выбрал, тебе этот воз и везти. Так действуй... И оставь меня в покое. Мое время давно ушло, оно позади. Я сделал свое дело, теперь сделай ты. Миссия! Выполни ее, тогда не будет страшно. Сделай это хотя бы ради своих детей, и ты спасешь их от мракобесия.

Он умолк и тяжело дышал, а Франк в растерянности смотрел на него, потом пробормотал:

– Спасибо и на том, сэр, ... месье... или кто вы там есть...

Спасибо вам, Рональд Дойл, классик мировой литературы,

за все. И за дерьмо, которое доверили разгребать мне. Передали по наследству.

Он на мгновение задумался.

– А почему эти люди не могут прийти сюда?

– Не могут. Это мой Париж. Не каждому сюда есть доступ.

Психологический барьер. Они совсем другие и не могут его преодолеть. Там стоит Страж Порога.

– Какой страж?

– Не важно.

– Чушь какая-то!

– Это мой Париж, черт бы их побрал.

– Кто эти люди? Что это за организация? И кто та женщина, чьи фотографии вы развесили на стене?

– Об этом позже, Луи. Садись к столу. Очень скоро ты узнаешь все...

– Это какое-то проклятие, – прошептал Франк.

25

Это какое-то проклятие, – думал Рональд Дойл, оказавшись наедине с собой и своей книгой. Он больше не мог жить в этом городе, не мог спокойно ходить по улицам, появляться в кафе и магазинах. Люди его узнавали, они подходили, заговаривали, просили автограф. Мужчины жали руку, женщины готовы были повиснуть у него на шее, готовы были отдаться прямо сейчас. Теперь он редко выходил в город,

с трудом перенося такое добровольное заточение. Но и дома он не мог спокойно оставаться наедине с собой. Телефон, как назойливая пчела, снова и снова издавал пронзительные трели. Рональда Дойла хотели видеть все, его приглашали, настаивали, звали. Ему звонили из газет и издательств, из государственных учреждений и просто люди, которые каким-то образом раздобыли номер его телефона. Почему-то не звонил Майкл. Впрочем, его это только радовало. Однажды он разбил проклятый аппарат, бросив его об пол, и ненадолго воцарилась тишина. Что ему делать дальше, он не знал.

Однажды, купив газету, он наткнулся на объявление о продаже дома в пригороде и сразу же позвонил. На следующий день, преодолев сотню километров, поехал его смотреть. Это было настоящее захолустье. Неподалеку виднелось еще несколько домов, а на пыльной дороге, проходящей через маленькое поселение, стояла заправочная станция и крошечный магазин. Еще не заходя в дом, он понял, что нашел то, что искал. Хозяйка его сразу же узнала. Она робко показывала огромное ветхое строение, которому было, наверное, лет сто.

– Господин, Дойл! Вы уверены, что этот дом вам подходит? – причитала она, водя его по комнатам, видя, что он в восторге. – Это же старый сарай с колоннами. Такому известному человеку, как вы, стыдно его предлагать!

– Хорошо! Замечательно! Прекрасно! – бормотал он. За-

хотелось забраться в эту берлогу и никуда не выходить, не уезжать отсюда многие годы, спрятаться от всех и... писать. Да! Именно, писать! Большие он не хотел ничего.

– Я покупаю ваш дом! – наконец воскликнул он.

– Извольте, как вам будет угодно! – прошептала она, – я могу для вас снизить цену.

– Ничего снижать не надо. Я дам вам сверх этого, но у меня есть одно условие.

– Какое?

– Никто не должен знать, что этот дом вы продали мне!

– Конечно, сэр! – недоуменно произнесла она.

– Мы договорились? – переспросил он. – Вы можете мне это обещать?

– Конечно, сэр! – уверенно повторила женщина. – Я обещаю.

И началась новая и такая необычная для него жизнь. Он трудился многие часы, накупил бумаги, чернил и теперь наслаивал мелким почерком вереницы строк и страниц, неумных фантазий. Писал рассказы, начал придумывать повесть. Делал это каждый день, а по вечерам подходил к холму, который виднелся неподалеку, забирался на него и провожал солнце, склоняющееся к закату. И больше не хотел ничего. Абсолютно ничего. Он был совершенно один. Ни с кем не знакомился, не общался. Он истязал себя этим одиночеством, получая невероятное наслаждение. Не так

давно он тоже был один, но каждый день приходилось бороться за кусок хлеба, искать временную работу. Сейчас у него было главное – деньги, и теперь он мог себе позволить, не отвлекаясь, делать только то, что хочет. А хотел он одно – уничтожить Рональда Дойла, забыть о нем навсегда, вспомнить свое имя. Тем более, что под этим псевдонимом ему было запрещено издаваться по договору с издательством. Это условие Майкл в начале совместной работы ему объяснил, а он под ним расписался. Оставалось начинать все с самого начала.

Так продолжалось два месяца. Однажды он собрался в город. Нужно было заехать в банк, деньги, которые у него были, закончились, еще нужно было зайти в магазины, купить бумаги, чернил и прочих мелочей. Он с сожалением оставлял свой дом, к которому уже так привязался, и жизнь, к которой так привык. Ничего – потеряет лишь один день – к вечеру вернется, – успокаивал он себя.

Когда Рональд вышел из банка и совсем немного проследовал в сторону магазинов, внезапно почувствовал сзади страшный удар по голове. Он упал. Помнил, что кто-то рылся в его карманах, помнил, что у него вытащили бумажник. Потом тупая боль в голове и незнакомый голос женщины:

– Что с вами? Вы живы? Сейчас... Сейчас я отвезу вас в больницу...

– Не нужно в больницу. Отвезите меня домой!

Сквозь туман и шум голове он помнил лицо врача, который перевязывал рану.

– Ему нужно остаться здесь под присмотром, – говорил кому-то врач.

– Не нужно. Ничего не нужно. Отвезите меня домой, – все повторял он.

– Где ваш дом? – снова этот женский голос. Он с трудом назвал адрес и провалился в темноту. Потом долгая дорога. Чьи-то руки поддерживают его голову, не дают повалиться на сидение, потом куда-то ведут. Наконец знакомый запах его жилья, снова чьи-то руки, они помогают ему улечься в постель. Все. Он надолго потерял и память, и время, и самого себя.

Проснулся и снова эти руки. Они поправляли подушку и одеяло. К его губам поднесли кружску, и он выпил какой-то настой. Чьи эти руки? – думал он. Но перед глазами расплывалось облако. Пытался сосредоточиться, рассмотреть того, кто был рядом. На мгновение показалось, что видит глаза женщины. Они были добрыми, внимательными, излучали удивительное тепло. Они были прекрасны. Вивиан? Нет, эти глаза принадлежали другой женщине. Но снова он теряет себя и надолго растворяется в забвении. Прошло еще несколько дней.

Наконец очнулся. Огляделся. Сквозь окно пробивались лучи яркого солнца. Он был дома, он снова чувствовал затх-

лый запах старого жилища, к которому уже так привык. А у постели сидела незнакомая женщина. Это был мираж. Это была сказка, какой не бывает в жизни. Удивительные глаза, которые он помнил в полубморочных снах, глядели на него с беспокойством и радостью. Они были настоящими. Прекрасная женщина сидела у кровати и держала его за руку. Он приподнялся, хотел о чем-то спросить, но услышал:

– Лежите. Врач сказал, что вам нельзя волноваться.

Слава богу – вы живы. Теперь все будет хорошо.

– Кто вы? – только и смог вымолвить он.

– Не волнуйтесь. Я буду рядом. Я не оставлю вас.

Он закрыл глаза, ничего не понимая, но уже чувствовал – что-то новое появилось в его одинокой жизни, всем своим существом ощущал присутствие удивительной женщины, ее заботу и тепло. Он никогда раньше такого не испытывал. Разве что в детстве, когда был совсем маленьким и заболел, а мать сидела у изголовья кровати, не отходя. Но детство – это совсем другое, и мать его сейчас оставалась где-то далеко, а этот запах, который исходил от незнакомки, сводил с ума, он был волшебным, но таким реальным и земным, что хотелось верить – все только начинается.

Через несколько дней Рональд был совершенно здоров, через месяц он женился, а его жизнь превратилась в сказку, какой не бывает. Не бывает в той жизни, которая осталась где-то далеко от их старого дома, от холма, куда они теперь вдвоем поднимались по вечерам, а по утрам встре-

чали рассвет. *Больше Рональд Дойл не был одинок.*

Он бесконечно любил эту женщину. Она появилась ниоткуда, судьба, словно, делала ему подарок. Это было настоящим счастьем и теперь он, словно в Раю, пил божественный нектар. Больше не вспоминал о Вивиан, не помнил никого. Он никогда не знал, что женщина может быть столь прекрасна. Когда ей не платишь, когда не приводишь в номер на несколько часов, но засыпаешь и видишь ее, потом просыпаешься и не веришь, что она не исчезла, что она рядом. Рядом и навсегда. А эти черные волосы на подушке, эти глаза, которые отражают отблески серебряной Луны в темноте, удивительный запах, который от нее исходит. Волшебный аромат, он помогает раствориться во внезапно нахлынувшем чувстве и не думать ни о чем. И еще эти руки. Нежные руки, которые его спасли, ухаживали, а потом крепко держали и не выпускали. Звали ее Дороти.

– Мне с тобой очень хорошо, ты подарок судьбы, – однажды сказал он.

– Судьбы? – засмеялась она. – Ты не знаешь, что означает мое имя?

– Нет, не знаю.

– Дороти, – улыбнулась она, – это подарок Бога.

– Бога? Значит он снова со мной, – прошептал он. Через девять месяцев у Рональда Дойла родилась дочь.

– К тебе гости! – с радостью воскликнула Дороти. Он

удивился, а она добавила:

– Пойду в лавку, куплю что-нибудь к ужину.

В это мгновение он увидел, как в комнату заходит Майкл.

– Сходи, – ответил он ей.

Они не виделись около двух лет. Рональд ни на минуту не забывал этого человека. Ему почему-то казалось, что когда-нибудь он появится вновь. Слишком легко прошло их расставание. И вот он снова видит его. Майкл за это время совсем не изменился. Он был приветлив и весел, жизнерадостен, полон энергии и сил. Он подошел, обнял его, как старого друга, и Рональд ответил ему тем же.

– Твои любимые! – и Майкл поставил на стол бутылку виски.

– Ирландский? – спросил он.

– Конечно! – засмеялся Майкл. – Неси бокалы!

– Давай дождемся Дороти, – сказал Рональд, – она принесет что-нибудь закусить.

– Дороти. Удивительно красивая женщина! Ты, старина, не терял времени даром.

– Да, не терял, – согласился Рональд. Он смотрел на улыбающегося Майкла, и что-то шевельнулось в его душе. Вспомнил бесшабашные попойки, гулянки, вспомнил дружбу. Тогда им было хорошо вдвоем. И в компании тех веселых талантливых ребят тоже было хорошо. Но тут он подумал о книге, и тень пробежала по лицу.

– А без закуски никак? – спросил Майкл. – Стареешь?

– Давай, – согласился Рональд и достал бокалы. Они выпили и Майкл воскликнул:

– До дна! Разучился Ронни?

– До дна, – согласился он.

– Еще по одной! – заводился Майкл. Рональд усмехнулся. Как он любил этого чертового Майкла. Они снова выпили и Майкл весело сказал:

– Теперь перейдем к нашим делам. Пора вернуться к работе, хватит бездельничать.

Рональд стал серьезен. Майкл, заметив это, удивленно замолчал и услышал:

– Майк, я ничего больше писать не стану. Я тебе уже это говорил!

Майкл на мгновение задумался и сказал:

– Я не буду тебя спрашивать – почему и какая дурь находится в твоей голове. Скажешь лишь одно – ты напрасно думаешь, что так просто можно от нас отделаться.

Сказал это с улыбкой, беззлобно, словно произносил тост.

– Повторяю, я ничего писать не буду.

– Будешь. И вопрос этот не обсуждается, время пришло. Тринадцать книг. Первая должна быть закончена ровно через два месяца... Хочешь о чем-то спросить? Ах да – деньги. Двенадцать процентов с продаж. Было десять. Сейчас на твоем счете больше двух миллионов – мы пунктуально выполняем обязательства и переводим средства. Что еще?

Рональд улыбнулся.

– Майк, откуда такая уверенность, что я буду писать? Я тебе все сказал. Этого не достаточно?

– Ты будешь писать, Ронни, – спокойно возразил Майкл и снова улыбнулся.

– Я не понимаю.

– Тебе и не нужно ничего понимать. Завтра приедешь в издательство – подпишешь договор и обсудим первую книгу. Повторяю – время пришло.

– Иди ты к черту, Майк! – засмеялся Рональд. Тот задумчиво посмотрел на него, потом сказал:

– У тебя красивая жена... Вы счастливы?

– Почему ты спрашиваешь?

– Продолжать дурацкий разговор?... Ронни, пойми одну простую вещь – это поезд, с которого соскочить невозможно. Ты давно стал его пассажиром. И я тоже. А он мчится по своему накатанному пути и его не остановить. Все его пассажиры или выполняют правила или...

– Или?

– Ты уверен, что хочешь слышать дальше?

– Да! – воскликнул Рональд.

– Извини, Ронни. Я должен тебе кое-что показать. Хочу, чтобы мы остались друзьями, но я должен это сделать, за мной тоже стоят люди, я не решаю ничего.

С этими словами он положил на стол пакет с фотографиями.

– Здесь ты с двумя девицами... А вот к вам присоединился Джерри. Помнишь его? А помнишь, красоток должно было быть три, но одна сбежала! Нагло сбежала! – и он засмеялся. – А вот ты и Том... Ты и Фил. А вот еще и еще...

– Что дальше? – спросил Рональд.

– А дальше мы в некоторых газетах... Нет, не я, Ронни. Мы! Мы – это организация, на которую ты работаешь. ... размещаем эти фотографии и подписываем текст. Например: “Рональд Дойл – классик мировой литературы, отдыхает в обществе друзей”.

– Вы этого не сделаете.

– Почему?

– Потому что, вы не можете скомпрометировать Рональда Дойла. Он приносит вам огромные деньги. И Джерри с Томом тоже не будете опускать. Я слышал, они становятся популярными. Я не прав?

Майкл улыбнулся.

– Дело не в деньгах. О них поговорим позже. А ты не глупый парень, Ронни. Мог бы далеко пойти. Допустим, ты прав... Продолжать?

– Как хочешь. Ты не добьешься от меня ничего.

– Ронни, я этого не хотел, прости... Повторяю свой вопрос, ты счастлив с этой удивительной женщиной?

– Не твое дело.

– Теперь мое. А что будет, Ронни, если эти фотографии мы за ужином покажем ей?

Рональд покраснел.

– Ты этого не сделаешь.

– Сделаю, – спокойно возразил Майкл. – Мы друзья, Ронни. Но не я, значит другой завтра придет и сделает это. Какая разница – кто?

Рональд вскочил.

– Показывай! Мне наплевать. Все это было до знакомства с Дороти. Ей нет никакого дела до того, чем занимались мы в юности.

– Вот и узнаем, как она на это посмотрит. А, судя по ее внешности, девушка прекрасно воспитана и из хорошей семьи.

– Откуда ты знаешь?

– Это видно. Или я не прав? Или ты подобрал ее в кабаке, на панели, в пьяном угаре в борделе?

– Замолчи!.. Она любит меня. А, значит, простит такую ерунду – я знаю это. Она родила мне ребенка. Она безоглядно поехала за мной в ту дыру! Нет, Майкл! У тебя ничего не получится.

Майкл грустно улыбнулся.

– Ты в этом уверен?

– Абсолютно.

– Хорошо.

Он немного помолчал, отпил большой глоток виски и приготовился делать следующий ход. Все напоминало веселую игру.

– Скажи, а почему ты не хочешь на нас работать? – продолжил он. – Ответь, и я отстану.

Рональд долго молчал. Он крутил бокал в руке и смотрел сквозь него. Майкл терпеливо ждал. Наконец заговорил:

– Майкл, то, что вы делаете, мне не очень нравится. Со всем не нравится. Я не знаю, какие у вас цели, но ваши методы порочны. Я не буду для вас писать.

– Но, мы не нарушаем законов, действуем в рамках правил и норм, приличий, мы делаем великое дело, черт возьми! – все больше заводился Майкл. – Когда-нибудь ты это поймешь! В конце концов, это только книга, всего лишь книга, мы занимаемся литературой, и не более того.

– Есть другой закон.

– Какой?

Рональд поднял палец кверху.

– А его вы нарушаете, я знаю это точно. Я не буду для вас ничего писать.

– Ты веришь в этот закон? Стал щепетилен? Тогда скажи мне, Ронни, на какие деньги ты второй год живешь, содержишь семью, растишь ребенка? На порочные деньги? Почему ты делаешь это? Как ты можешь к ним прикасаться? Второй год ты приезжаешь в банк, снимаешь порочные доллары, на них покупаешь подарки жене, леденцы младенцу, себе галстуки, нижнее белье. Ты ничтожество, Рональд. Ты хочешь иметь убеждения, но сам их нарушаешь. Ты порочнее, чем люди, которые работают у нас. Они хотя бы

последовательны, верят в свое дело и жизни на него кладут, а ты строишь из себя святошу, но живешь за наш счет. И обманываешь ты не только себя, но и жену, и ребенка. На порочные деньги ты собираешься дать девочке будущее? Верно? Ты – слабак, Ронни!

– Неправда.

– Правда.

– Нет.

– Так, откажись от них.

Небольшая пауза повисла в воздухе.

– Молчишь? Не можешь! Ты ни черта не можешь!

– Могу! И откажусь! Не думай, что без ваших убогих денег не проживу.

– Убогих? На твоём счету миллионы! Сможешь?

– Да! – выдохнул Рональд. Он был весь красный и гневно смотрел на Майкла. Тот какое-то время молчал, потом улыбнулся и тихо дружески спросил:

– Уверен? Не пожалеешь?

– Нет!

– Тогда сделаем просто. Мне нужно подтверждение. На этой неделе ты едешь в банк и отписываешь поручительство на свой капитал кому угодно. Естественно, кроме своей семьи. Бог? Ты веришь в него? Это твое право. Отдай деньги церкви... Так будет правильно? Непорочно?

– Да.

– Сможешь, Ронни?

– Да.

– Оставилшь семью без средств?

– Мои проблемы.

– А твой бог будет тобой гордиться?

– Да.

– Договорились, Ронни. Тогда все... Пока все. Но я остав-
ляю тебе право передумать и вернуться – легко и без эмо-
ций, это всего лишь работа. И помни, Ронни, мы друзья –
верь мне. Если бы сегодня на моем месте был другой – раз-
говор сложился бы иначе. До скорого.

– Прощай!

– Как, вы уже уходите? – воскликнула Дороти. – Она вер-
нулась и несла к столу угощения. – Не поужинаете с нами?

– В следующий раз, – галантно улыбнулся Майкл. Он по-
целовал ей руку, тепло обнял Рональда, откланялся и ушел.

– Я буду ждать твоего звонка, – на прощанье бросил он.

26

Все время, пока Франк писал, Дойл сидел на диване и, мерно покачиваясь, смотрел в пустоту. Он никуда не уходил, иногда бросал взгляд на Франка и снова отводил глаза. А во взгляде этом было и сомнение, и жалость, временами даже участие. Но Франк этого не замечал. Наконец он закончил.

– Будем продолжать? – спросил он.

– Не сегодня.

– Извольте, – и протянул Дойлу последнюю главу.

– Не нужно, – тихо произнес тот, – в этом больше нет нужды, вы хорошо пишете.

Франк заметил, что Дойл бледен, и выглядит крайне уставшим. Было видно, что ему нехорошо.

– Не уходите. Посидите немного, – воскликнул тот.

– Конечно, – согласился Франк. Тем более что идти ему было некуда. Он не мог и не хотел снова видеть ту прекрасную Жоан, которая с таким участием всякий раз его встречала. Он не хотел больше морочить ей голову. Франк рассеянно перелистал страницы рукописи и уставился на Дойла. Потом спросил:

– Я одного не понимаю, месье, к чему такие страсти, зачем эти сложности, конспирация, жестокость? Эти люди занимались литературой, музыкой, кино. Это не тот бизнес, за который можно преследовать, уничтожать, стрелять. Всего лишь искусство. И как может какая-то книга, пусть даже талантливо написанная, стать доктриной? Чего эти люди добиваются? Вернее, добивались.

– Своего они уже добились, – неторопливо заговорил Дойл, и голос его закрипел с усталостью и через силу. – Они создали кино и литературу, новую музыку. Новую еду. Религию. Они пишут новую историю, создают системы образования, воспитания. Тогда все только начиналось, а теперь они идут еще дальше. Посмотрите на плоды их труда. Современное кино, литература и прочий мусор – это кремато-

рий для души. Она сгорает в этой топке безвозвратно. А мастеров так называемого искусства сегодня интересуют только кишки. Раньше, раскрывая священное писание или книгу талантливого писателя, люди спасали душу, а сейчас спасают, как теперь говорится, задницу.

– Зачем они это делают? И что могла сделать ваша единственная книга?

– А вы не понимаете?

– Нет... Не совсем...

– Лишив человека таких привычных и простых вещей, как уважение к старшим, таких высоких понятий, как семья, то есть – союз мужчины и женщины, веры в бога, любви, черт возьми, дружбы, они дают удивительную свободу, но тем самым выбивают почву из под ног, отбирая душу. На этих столпах столетиями держалось общество. Это, если хотите, – иммунитет. Это проявления той самой культуры, без которой человек ничто. А культура – тонкий озоновый слой, аура, которая защищает нашу планету от смертельного излучения.

– Но, зачем?

– Они создают вакуум, который потом нужно чем-то заполнить. Отбирая, можно будет легко подметить одни ценности другими.

– Что же дальше?

– А дальше человек, низведенный до уровня бездуховного существа, которого даже не назовешь животным, становится беззащитным и им легко управлять. Заставить перестать

думать, жить по законам стада. А еще дальше... Его легко можно будет превратить в раба или просто уничтожить.

– Не понимаю. Конечная цель? Что потом?

– Потом? Не знаю, юноша. Думайте, делайте выводы сами. Не знаю.

– Кто это делает? Кто эти люди?

– Этого вам не скажет никто и никогда. Как вы понимаете, это не инициатива одного взятого правителя какого-либо государства, поскольку за это время их сменились десятки. Иногда мне даже кажется, что это не люди. Во всяком случае, называть их людьми не поворачивается язык.

Теперь эти двое долго молчали. Рональд Дойл смотрел сквозь стену куда-то вдаль, а Франк с ненавистью на него.

– Вы трусливо сбежали, а участвовать в этом, разоблачая их действия, предлагаете мне? Я тут не причем!

– Да, вам... Вернее нам, – устало и равнодушно ответил Дойл.

– А если я не соглашусь?

– Я вам уже говорил, Луи. Я не пугаю, но думаю, что в противном случае вы больше никогда не увидите своих детей. Если, конечно, вы не самоубийца.

– Но, я ни в чем не виноват! – закричал Франк. – Вы один должны выйти отсюда и сделать это. Вы сумеете! Вас вспомнят! Это ваши долги! Вы не должны прикрываться мной!

– Я устал... Черт возьми, я слишком устал! Оставьте меня в покое. Идите спать, сегодня вы мне больше не нужны, –

пробубнил Дойл.

– Вы такой же, как и они! – уходя, в отчаянии воскликнул Франк.

– Да, такой же, ... такой же, – слышалось старческое бормотание вдогонку.

27

– Дорогая, мой друг принес нам замечательную новость! – воскликнул Рональд, когда дверь за Майклом закрылась.

– Какую? – спросила она. Голос ее был таким нежным, таким близким, родным, что на мгновение он заплутался. Он не знал, как ей об этом сказать. Потом собрался и с улыбкой произнес:

– С этой минуты мы с тобой бедны, как церковные крысы, – и посмотрел ей в глаза. Она тоже улыбнулась.

– Ты мне не веришь?

– Не совсем, Ронни, на твоём счету в банке сумасшедшая сумма.

– Была! – воскликнул он.

– Ты истратил их? – мягко спросила она.

– Не совсем.

– Ты купил мне цветы на миллионы американских долларов? – и засмеялась. – Где же эта плантация?

– Все цветы в твоей жизни ещё впереди! – радостно вос-

кликнул он. – Шучу. А если бы это было правдой? Если бы мы стали нищими, ты любила бы меня?

– Да, – не задумываясь, ответила она.

– Почему?

– Потому что... Потому что просто любила бы.

– Просто? И все?

– Да.

– Я знал, Дороти, что ты мне так ответишь. А теперь к делу. У нас дома остались какие-то деньги? Эти ужасные, порочные деньги! – продолжал посмеиваться он, но руки его тряслись.

– Конечно. Хватит на два или на три месяца.

– Три месяца! Замечательно! Теперь послушай. Я не шутил. Я вложил деньги в одно сомнительное предприятие и оно...

– Прогорело! – ужаснулась она. Теперь Дороти внимательно на него смотрела.

– Да.

– И мы банкроты?

– Да!

– У нас есть долги?

– Нет, долгов нет. И, как ты сказала, денег у нас еще хватит на целых три месяца.

– А что дальше?

– Дальше? Мне всего двадцать пять. Мы начнем новую жизнь. Начнем все с самого начала!

– Хорошо, – спокойно ответила она, потом задумалась, – не страшно, я вернусь на свою работу. Думаю, меня туда возьмут.

– Нет, милая. Ты никуда не вернешься, я все сделаю сам. Очень скоро ты будешь читать мои новые книги. Ты же хотела этого?

Она была счастлива: – Ты снова будешь писать?

– Буду!

– Ты не делал этого два года и снова будешь писать?!

– За два года я не написал ни строчки. Зато, я любил тебя, любил нашу малышку, но теперь снова буду писать. Ты рада?

– Я счастлива, Ронни.

– А деньги? Мы бедны, как...

– ...церковные мыши! – засмеялась она.

– Крысы!

– Да! Крысы!

– И тебя это не смущает?

– Нисколько. Значит, ты заработаешь их опять!

– Да, любимая, заработаю. И начну прямо сейчас!

– Рональд Дойл, знаменитый писатель 20-го столетия возвращается?! – обняла его жена.

– Только теперь звать его будут по-другому.

– Почему? – она по-настоящему была удивлена.

– Я же сказал, что начнем все с самого начала. Значит и имя у него теперь будет совсем другим.

– Но, почему?

– Это мой маленький секрет. Ты меня любишь?

– Да!

– Значит, полюбишь и его.

Через месяц книга была написана. Он трудился и день, и ночь, лишь иногда отрывался от письменного стола и подходил к малышке, которая всегда была ему рада, и Дороти тоже была рада. Она старалась сделать все, чтобы ему было удобно, чтобы ничто не мешало. А когда возвращался к ней, принимала его со всеми недописанными историями и сюжетами. И снова эти глаза, которые он так любил, снова эти черные волосы, ее руки. А завтра все с начала... Это был незабываемый месяц в его жизни. Наверно, именно такой должна быть женщина, любящая человека, который пишет. А делал он это теперь только для нее. И еще для маленькой девочки – их дочери.

Итак, книга была закончена. За это время, чтобы на улицах не узнавали, он отрастил бороду и усы, и готов был снова выбраться из норы, чтобы громко о себе заявить. Несколько дней назад он отвез рукопись в одно издательство и теперь ехал туда за ответом. В прошлый раз редактор изумленно на него посмотрел и воскликнул:

– Если бы не ваша борода, вы были бы похожи на писателя Рональда Дойла! Вы не он?

– Нет. Он не я! – засмеялся Рональд.

– Вы не его родственник?

– Никакого отношения я к нему не имею. Да и не хочу.

– Почему? – изумился редактор.

– Рональд Дойл – посредственный писатель. Дилетант! Его слава меня не прельщает. Так, когда можно будет получить ответ?

– Вы очень самоуверенны, молодой человек, – засмеялся тот. – Что же, скажем, через четыре дня. К тому времени я прочитаю ваш шедевр.

– Очень хорошо!

– И все-таки вы очень похожи на Рональда Дойла! – на прощанье воскликнул он.

Прошли четыре дня и он снова находится в кабинете редактора. Он сидел и терпеливо ждал, когда тот закончит листать какие-то бумаги. В успехе он не сомневался. Хотел лишь знать – книга его замечательная или гениальная? Это был хороший редактор. И издательство было уважаемым, поэтому здесь его сумеют оценить по достоинству. Наконец тот оторвался от своих дел.

– Ах, это вы? – улыбнулся редактор, и сердце Рональда замерло. Как ему надоело это имя! Рональд Дойл! – подумал он. Неужели пришло время отделаться от него и забыть навсегда. Можно будет взять старое... Нет. Майкл был прав. Нужно придумать псевдоним. Яркое, броское имя, которое очень скоро узнает вся страна и которое потом войдет в историю...

– А вы были правы, юноша! – вдруг услышал он голос редактора. – Вы не Рональд Дойл!

– Да? – радостно переспросил он.

– Да-да! До него вам, как отсюда до Аризоны!

Он ничего не понимал.

– Возьмите, – и тот протянул ему рукопись.

– То есть, ... вы не будете это печатать?

– ЭТО? Нет, – улыбнулся редактор.

– А вы прочитали?

– Конечно, – воскликнул тот.

– И вам не понравилось? Как такое возможно?

Редактор с изумлением на него уставился. Потом сказал:

– Зато, вы очень самоуверенны. Это хорошо! Не расстраивайтесь, вы далеко пойдете. Только не теряйте времени и подыщите себе другое занятие, – мягко продолжал он.

– Я не понимаю! – воскликнул Рональд. – Почему вам моя книга не понравилась?

– Как вам это объяснить? – проворчал тот. – Писательский дар – это большая редкость. Далеко не каждый может делать это талантливо, гениально, на все времена.

– Но, чем моя книга вам не по нраву? – горячился он.

– Хорошо, давайте я попытаюсь объяснить. Возьмем замечательного молодого писателя Рональда Дойла. Вашего современника. Когда читаешь его книгу, веришь каждому слову. И дело даже не в логике и убедительности. Он заразителен, его хочется читать, хочется за ним идти. У него

живые образы. Он использует те же слова, что и мы – бездари, но имеет в своем запасе еще одну штуку. Магию! И тогда самые простые слова оживают! Магия слов – вот в чем секрет, молодой человек. – А у нас, простых смертных, эти же слова мертвы. В них нет жизни.

– Как такое возможно?

– Возможно, юноша. Иначе бумагу марали бы все, а не единицы, избранные богом. Вот так.

– Мои слова мертвы?

– Я сожалею.

– Да, вы не прочитали и пару страниц! – зло воскликнул Рональд и выбежал из комнаты.

Потом начался кошмар. Он находил все новые издательства и приносил туда рукопись. Объездил несколько городов штата, но везде слышал одно и то же. Сначала его спрашивали:

– Вы случайно не родственник Рональда Дойла? Если бы не ваша борода...

– Нет! Не родственник! – снова и снова повторял он. А потом ему говорили:

– Ваши слова мертвы. Нет ауры, книга не источает аромат, нет магии в ваших словах!

Эти чертовы редакторы сговорились! А, может быть, он каком-нибудь черном списке? Это работа Майкла! Но как такое возможно?! Каждый раз он представлялся новы-

ми именами. Тогда, как все это можно объяснить? Но теперь он был абсолютно уверен, что его преследуют, скорее всего, за ним даже следят.

Он стал очень аккуратным, выезжая из дома и добираясь до городов, петлял по улицам, садился в разные машины, автобусы, чтобы его не могли найти. Но ответы получал все те же. Может быть, о нем сообщили во все редакции? – думал он. Но это невозможно! И кто их будет слушать? Кто они такие?

Наконец Рональд сел в поезд и отправился в другой штат...

Спустя три недели он возвращался из поездки ни с чем. Рональд был в панике. Во всех издательствах его ждало одно и то же – разочарование и отказ. Вернувшись в свой город, прямо с поезда он пошел в редакцию газеты, где его хорошо знали. Там два года назад печатали его рассказы. Это то место, где ему не откажут, – думал он. Редактор газеты сразу же вспомнил его и с радостью встретил.

– Вы не Рональд Дойл?

– Нет, вы же знаете, я не Рональд Дойл!

– Знаю. Знаю. Чертовски похожи! – засмеялся тот.

Они немного поговорили и Рональд спросил:

– Вы не посмотрите? – и положил перед ним рукопись.

– Но это слишком большой материал, – удивился редактор. – Ты же знаешь, у меня газета. Я не печатаю романы.

– Мне нужно знать ваше мнение! – воскликнул Рональд. –

Вы можете это прочитать?

– Ну, что же... Приезжай через недельку.

– Сегодня! – волновался Рональд. – Вы можете мне оказать честь и посмотреть рукопись сегодня. Сейчас! Прочитать хотя бы несколько глав.

– К чему такая спешка? – удивился тот.

– Мне это очень нужно!

Тот засмеялся и проворчал:

– Ох уж эти юные дарования! Натворил, наваял, и теперь все из-за них бросай... Хорошо! Приходи через пару часов.

Рональд был счастлив. Он помнил этого редактора. Первый свой рассказ когда-то он принес именно ему. Можно сказать – это был его крестный отец от литературы. Сейчас он сидел в кафе и мучительно следил за стрелкой на часах. Приходить раньше не имело смысла. Чем позже он явится, тем больше тот успеет прочитать. Наконец, спустя четыре часа, к концу рабочего дня издательства он снова постучался в заветную дверь. Редактор сидел и с упоением читал его роман! Рональд был счастлив! Наконец его оценят по достоинству! Его не печатают по вине Майкла – теперь он был в этом абсолютно уверен. Редактор отложил в сторону, испещренные мелким почерком, страницы рукописи и Рональд заметил, что он успел прочитать больше половины. А, значит, сумеет дать достойный ответ.

Они долго молчали, наконец, редактор нарушил тишину.

– Дружище, я помню все твои рассказы, – медленно заговорил он. – Ты понимаешь... Хочешь правду?

– Да! Конечно! Только правду!

– Правду... А правда такая... Твои слова мертвы...

Он словно провалился в обморок. Рональд не слышал редактора какое-то время, почему-то кивая головой, а тот все говорил и говорил. Кровь прилиwała к лицу. Снова Майкл? Нет. Это невозможно. Он знал, что этот человек не может его обмануть. Он не станет этого делать! А редактор все продолжал говорить. Наконец он снова его услышал:

– ...так вот. Этот великий предсказатель, кстати, наш соотечественник, решил на своем великом даре... А, как ты помнишь, он предсказал и вторую мировую войну, и великую депрессию, и бомбардировку японских городов атомным оружием во времена, когда о нем еще никто ничего не слышал... Ток вот. Он решил за свои прогнозы и предсказания брать деньги. Вполне законное желание! Почему бы и нет? Открыл небольшую контору, а поскольку его знали, нетрудно было найти клиентов, которые захотят ему платить. Ты слышал эту историю?

– Нет...

– В первые же дни на прием к нему пожаловал солидный господин, хозяин банков, владелец огромного состояния. Он положил перед ним некие акции и задал вопрос – пойдет ли их стоимость вверх или упадет. Казалось бы – простой вопрос. Это не то, что предсказывать мировые катаклизмы.

Наш медиум спокойно приложил ладонь к бумагам и вдруг в этот момент понял... Что он понял?

– Не знаю.

– ... что не чувствует абсолютно ничего. Рука его была абсолютно холодная. словно, обескровленная. Это был кошмар. С этой минуты великий предсказатель и медиум не сделал больше ни единого прогноза и спустя многие годы умер в нищете и забвении. Вот так. А хотел он лишь немного заработать. Понимаешь, дружище?

– Да!

– Этот дар снисходит откуда-то с небес, но в любой момент может исчезнуть навеки. Его нужно беречь и не растрачивать по пустякам. Тому в истории есть множество примеров. Не расстраивайся, дружище, но эту книгу не напечатает никто. Ты хотел правду? Извини...

28

Франк оторвался от рукописи и дико захохотал:

– Да, вы исписались, Рональд Дойл! Вы просто исписались! Живой классик литературы! Писатель с мировым именем! Миллионные тиражи! – вдруг перестал смеяться и прошептал: – Какой кошмар!

– Да, исписался! – гневно сверкнул глазами старик. – За все нужно платить. Видимо, тот, кто дал мне этот талант присматривал за мной слишком усердно. А после той книги...

Если бы я работал на них дальше, ты можешь представить, что из этого могло получиться?

– Так вот зачем я вам нужен? Вот, почему вы взвалили на меня это. Вы – духовный импотент! Но это подло, сэр!

– Мне наплевать на твое мнение! Сиди и пиши! Работай или иди ко всем чертям, возвращайся в свой чертов Париж. Кто там за тобой гонится, кто в тебя стреляет, что они с тобой сделают, а с твоими детьми, забыл? Кто ты есть в той жизни?!

Франк в ужасе смотрел на рукопись. Он не мог вымолвить ни слова.

– Сиди и пиши, – уже спокойнее добавил Дойл.

– Если хочешь, я снова напечатаю все твои рассказы в моей газете, – мягко произнес редактор. – Те, которые ты написал раньше. Прошло уже два года, о них забыли. Буду их размещать из номера в номер. Надумаешь – приноси.

– И выроете мне могилу при жизни. Поставите памятник. Нет. Спасибо. Нет.

Всю дорогу домой он себя истязал. Он мучительно соображал, что будет делать дальше. Денег осталось всего на пару недель, а потом... Ничего. Он молод! Он силен. Не всем же зарабатывать миллионы. Он будет работать, руки будут стирать в кровь, но не даст его любимым женищинам голодать! Это совсем не страшно. Так живут многие. Живут все! Главное, что Дороти его любит, а, значит, у него

в жизни есть все...

Войдя в дом, он услышал нежный голос Дороти, она с кем-то разговаривала по телефону, и ему стало хорошо и спокойно. Сейчас он войдет, обнимет ее. Хотел было открыть дверь и пройти в комнату, вдруг услышал:

– Майк, я не знаю. Он уже месяц носитя со своим романом по разным городам, предлагает его издательствам...

– Пока не напечатали...

– Почему – не знаю...

Она долго молчала, потом произнесла:

– Майк, я не буду ему ничего говорить. Он может заподозрить. В последнее время он стал очень мнительным. Все будет хорошо. Через несколько дней у нас закончатся деньги и он сам придет к тебе...

– Да. Приползет...

– Ты его совершенно не знаешь, а вот я знаю хорошо. Он слишком любит меня и малышку, чтобы не сделать этого.

Дороти снова какое-то время молчала, потом весело воскликнула:

– Ну, конечно, Майк. Осталось всего несколько дней. Кстати, насчет денег. Ты не хочешь повисить мне жалование? Ты обещал...

– Результат будет. Всего несколько дней, Майк, и Ронни будет твой!.. Пока...

Когда Рональд открыл дверь, она отшатнулась от телефона и с ужасом на него посмотрела. Но быстро пришла в

себя и улыбнулась.

– Ты приехал! Устал, дорогой! Я приготовила ужин, пойдем.

– Откуда ты знаешь Майкла?

– Майкла? Ах, Майкла?... Это знакомый с прошлой моей работы. Звонил, предлагал вернуться. У них появилось свободное место – как раз для меня.

– О ком вы говорили?

– Так. Сплетни. Об одном человеке...

Он долго молчал, глядя ей в глаза.

– Нет, ты не подарок бога, Дороти... Ты подарок дьявола!

– Ты куда, Ронни. Вернись! Ты все не правильно понял. Слышишь меня?

Но он ее уже не слышал, уходя все дальше. Заметив, что она идет следом, ускорил шаг, уже бежал. Выскочив на дорогу и размахивая рукой, наконец, остановил проезжавший мимо грузовичок, прыгнул в него и исчез...

Когда он подъехал к большому зданию на знакомом пустыре, увидел, что свет в окне их комнаты горит и уверенно направился к крыльцу. Майкл был на месте. Он сидел за столом, а напротив расположился какой-то молодой человек. Стол был завален бумагами. Очевидно, эти двое работали. Писали будущие шедевры! Завидев его, Майкл встал, кивнул незнакомцу и тот удалился. По его виду Рональд по-

нял, что Дороти уже позвонила, и он знал все.

– Садись, – спокойно по-дружески предложил Майкл. Рональд сел. Майкл достал бутылку, налил. Рональд молча осушил стакан до дна.

– Еще? – спросил Майкл.

– Да, – зло произнес он. Снова выпил и уставился на Майкла. Тот стоял и долго на него смотрел, потом медленно прошелся по комнате и заговорил:

– Ронни, ты хочешь, чтобы я тебе сказал, откуда Дороти знает меня. Я не буду от тебя ничего скрывать. Мы друзья, Ронни. Да, именно, друзья и на меня ты можешь положиться. Если бы я относился к тебе иначе, все было бы по-другому – наша организация... Впрочем, ты сам все понимаешь. Итак, Дороти. Наберись мужества. Мы не дети, просто будь мужиком – а я буду с тобой откровенным. И давай договоримся – сегодня мы говорим только правду. Идет?

Рональд молча на него смотрел.

– Это был не мой план, – продолжил Майкл. – Но, когда ты отказался работать, они решили, что понадобится она. Такое случается, это обычная практика. Я тебе расскажу про нее, чтобы ты все понимал. Дороти замечательная девушка. Она получила блестящее образование в Англии. Ее родители рано ушли из жизни, поэтому агентство, заметив такое чудесное юное создание, взяло над ней шефство, вкладывало в нее деньги, а потом предложило работу. Она, конечно же, согласилась. А что ей оставалось делать? Без

денег, без семьи, с ее внешностью – на панель? В университете, где она училась, много таких девушек. Они получают образование, становятся настоящими леди, а потом работают на нас. А мы помогаем им сделать блестящую карьеру. В дальнейшем именно такие становятся женами почтенных господ – бизнесменов, банкиров, политиков, даже президентов. Да-да, не удивляйся. Так Дороти досталась тебе. Это просто ее работа. Всего лишь работа.

– Она родила мне ребенка.

– Это входит в ее обязанности. И сделала она это искренне и по своей воле. Тебе повезло, Ронни. С другой стороны подумай – было бы лучше, если бы тебе досталась девка из сомнительной семьи, которая устраивала бы скандалы, заставляла покупать тряпки, бриллианты, вымогала бы деньги, изменяла бы всякий раз, когда ты в отъезде. Так было бы лучше? Многие люди сегодня живут в семьях, ненавидя друг друга. Они уже видеть не могут свою вторую половину, но продолжают это безумие. Зачем? Деньги, квартира, дети, надоевший скучный секс... Все эти несущественные вещи заставляют их мучиться и жить под одной крышей до глубокой старости.

– Но...

– Скажи мне, Ронни. Хотя бы раз она тебе устроила скандал, изменила? Ответь честно!

– Нет!

– Она любила тебя?

– Не знаю. Теперь не знаю.

– Ладно. Тебе было хорошо с ней?... Честно!

– Да.

– Она хорошая собеседница, любовница, подруга? Или я не прав?

Майкл плеснул виски еще и Рональд выпил.

– Так, чего же ты хочешь?

– Это подло, это предательство.

– Болван, она любила тебя и любит сейчас. Сначала приняла тебя, как данность. Как в прошлые века – выдавали девушек помимо их воли за стариков, за денежных мешков, но эти юные создания все равно становились женами, создавали семью. Ронни, согласишься – Дороти идеальна. О такой женщине мог бы мечтать арабских шейх, а она досталась тебе.

– Какая мне оказана честь! Такую ценную сотрудницу использовать для того, чтобы контролировать какого-то писателя! Сколько вы в нее вложили?

– Ты себя недооцениваешь. Мы сделаем из тебя великого писателя! А Дороти будет идеальной женой, подругой, твоей тенью, музой, матерью твоих детей. Она будет королевой, с которой не стыдно будет появиться в обществе. А сколько из-за тебя она уже претерпела? Вы живете в сарае, ты ее никуда не вывозишь, вы ни с кем не общаетесь, а она терпит. И любит. Дороти умница. Признаюсь по секрету – это я для тебя ее выбрал. Скажи спасибо.

– Спасибо. Ты настоящий друг. Может быть, она и голову мне тогда проломилла?

– Ну, зачем же так? – засмеялся Майкл, – для этого есть другие сотрудники. Так что, не вини ее ни в чем.

– Скажи, Майкл, ты бы на такой женился?

– Да. Конечно! Да!

– Врешь. Отвечай честно!

– Я не могу на ней жениться, потому что уже женат.

– Поздравляю. Когда успел?

– Год назад. Извини, не пригласил на торжество. Но, ты был занят, был отшельником, сходил с ума.

– Кто же она?

– Моя история простая. Я не гений и не великий писатель. Работает она в этом же здании, только в другом отделе.

– Случайно не там, где висит табличка – “Антропофагия”.

Майкл засмеялся.

– Углядел-таки?

– Да.

– Нет, она занимается модой. Новой модой. Говорит, что женщине нужно не одевать, а раздевать, тогда можно будет оценить ее красоту по достоинству. И вообще, Ронни, ты не понимаешь, чем мы занимаемся! Мы делаем великое дело, а ты сомневаешься. Будь с нами и ты станешь богатым, успешным, знаменитым! Чего еще желать? Наше агентство становится все более могущественным, оно на-

бирает силу. Ты будешь в одном строю с самыми прогрессивными людьми на планете. Пора сбросить ненужные цепи. Человек должен стать свободным...

– Ты уже это говорил.

– Ты не понимаешь, – горячился Майкл, а глаза его горели, – мы боремся за права человека. Свобода – это основа демократии. Мы живем в свободной стране. Мы должны принести эту демократию людям, распространить ее по всему миру. Мы освобождаем человечество от предрассудков, создаем новые ценности. Человек должен стать свободным и в семье, и в обществе. Ты все это знаешь, ты об этом писал! И это только начало. Мы пойдем значительно дальше! А поэтому нужно говорить и писать. Нужны твои книги, Ронни. Нужна новая философия жизни! Человек должен получать новые знания, учась в колледже, он должен изучать новую историю...

– Вы даже историю переписываете?

– Конечно! Мы просто убираем из нее ненужные страницы.

– А ты не боишься, что через несколько десятилетий по улицам снова пройдут факельные шествия, будут на площадях сжигать книги, а на рукавах появятся знаки отличий СС? Ты об этом не подумал? Я был на войне, я видел этих людей.

– Ты преувеличиваешь, Ронни. Этого не будет никогда. А история, безусловно, нуждается в чистке. Только тогда

человек станет свободным, когда наступит мировой порядок. Нам не нужен хаос. Есть страны великие, которые будут идти впереди общества, они и должны стать примером, иметь исключительные права на лидерство, на уважение. Такие государства и станут оплотом демократии. А слабые должны подчиняться. А новые кинофильмы, новая литература, история нам в этом помогут. Нужно воспитывать молодежь! Каждый отдел в нашем агентстве работает на будущее. Понимаешь, Ронни, мы делаем великое дело. А человек станет свободным и счастливым.

– И счастливо будет поедать соседа? Как быть с отделом, где скоро людям предложат такое меню?

Майкл засмеялся.

– Это лишь эксперимент. Мое дело – книги, новая литература. А это? Я разговаривал с теми ребятами – в их рассуждениях есть определенный резон. Скажи, Ронни, если по какой-либо причине наступит голод и начнут умирать люди. Тысячи, миллионы. Они будут ходить по улицам в поисках еды, не зная, что ее навалом, и каждый второй мог бы выжить. Согласись, в этом есть какой-то смысл. Вымрут слабые, но останутся сильные, они и будут жить. В конце концов, это разумно, иначе погибнут все. Понимаешь? Кому нужна бабка, которой осталось всего неделя-другая, а так она отдаст жизнь молодому соседу, поможет ему выжить...

– Майкл, ты это говоришь на полном серьезе? Ты стал бы

есть..., – и Рональд, захлебнувшись виски, начал отчаянно кашлять. Наконец, успокоился.

– Не знаю, Ронни... Я нет! Но есть горячие головы, которые предлагают какую инновацию. Может быть, они правы. Я не знаю – есть спорные моменты. Но человек имеет право на жизнь, черт возьми!

– Майкл!

– Да, Ронни?

– Ответь мне на один вопрос. Только честно.

– Конечно.

– Сейчас тебе 32. Так или иначе, придет время, ты станешь таким же старым и ненужным, как та бабка, которую ты готов отдать на съедение соседу. Что ты будешь делать, о чем будешь думать? Как ты будешь ухаживать туда, после того, что натворил? За все придется отвечать, Майкл, ты знаешь это. И тебе, и твоей жене, и детям, которые у вас родятся, им тоже придется отвечать. Говори же!

Майкл долго молчал. Потом налил себе виски и выпил до дна, было видно, что от этого разговора он устал. Наконец посмотрел на Рональда, усмехнулся и воскликнул:

– Иди ты к черту, Ронни, со своим допотопным мышлением.

– Ты не ответил.

– Ответил. К черту и все. Ты меня понял.

– Спасибо за правду, – прошептал Рональд, – потом до-

бавил, – я не буду ничего для вас писать. И это мое последнее слово.

Майкл задумался. Он встал, подошел к окну, долго смотрел туда не отрываясь. Потом медленно вернулся к столу и снова сел.

– Ты меня ставишь в сложное положение, Ронни, – пробормотал он, помолчал немного и снова заговорил, крутя в руках стакан:

– Мы договорились сегодня говорить только правду. Так слушай ее. Я раскрою тебе все карты, а ты сам ответишь на вопрос, что мне делать дальше... Повторяю, все это не моя прихоть, за мной стоит серьезная организация. И так... Твоя книга имела огромный успех. За два года ее тиражи составили десятки миллионов. Ее перевели на многие языки и продают на всех континентах во многих странах. Но... наступает момент, когда рейтинг популярности неминуемо поползет вниз – чудес не бывает. А значит нужно бросить в печь свежие дрова. Тринадцать книг. Рональд Дойл, должен их написать. Люди ждут его новые шедевры. А если учесть, сколько в тебя вложили, агентство сделает все, чтобы от тебя добиться результата. И они пойдут на все.

– На что?

– Скорее всего, тебя они не тронут, до последнего будут терпеть твои выкрутасы, внимательно наблюдая за тем, чтобы сумасшедший писатель не сделал неверных движений – сам понимаешь. Но, что будет с Дороти? О ней ты

подумал? Она совершенно беззащитна.

– Мне на нее наплевать. Я не вернусь к ней.

– Нет? – удивился Майкл, – ну хорошо, найдем тебе другую.

– Майкл!

– Ах! Извини. Твои дурацкие принципы... И тебе совсем ее не жаль?

– Нет! Я не хочу больше ничего о ней слышать.

– Хорошо, – проворчал Майкл, – хорошо, – повторил он. – Не ожидал. Ты сильный мужик – уважаю. Но есть еще одна проблема – твоя дочь.

– Они будут воевать с годовалым младенцем? – закричал Рональд.

– Конечно. И уничтожат ее жизнь. Они сделают с ней все, что угодно и я не смогу помочь – ты это понимаешь? Ронни, эта крошечная девочка, ангел, чудесный ребенок, она твоя дочь. Скажи, что мне делать, как ей помочь?... Я не слышу? Молчишь?... Ронни, ты будешь писать.

– Я не могу.

– Ты должен.

– Нет.

– Ты обязан спасти свою дочь, черт возьми. Ты не имеешь право бросить ее на растерзание тем людям.

– И это твоя хваленая организация, которая беспокоится о правах? Вы делаете подобным способом великие дела?

– Да! Именно! Такие жертвы были всегда, вспомни исто-

рию. Многие люди отдавали жизни за идею, за победу, за успех. Все революции были кровавыми, иначе не бывает. Это закон, Ронни. Так, что мне делать, что я завтра им скажу?

– Скажи, что я умер!

– Где тело?

– Что я сбегал!

– Найдут.

– Скажи, что я исписался!

– Что? – Майкл выпученными глазами на него посмотрел, вдруг дико захохотал. Он долго заходился смехом, пока не пришел в себя.

– Даже не думай, Ронни. Если я им такое скажу...

– Что будет?

– Не понимаешь?

– Нет.

– Ты можешь себе представить красавца-мужчину, который играет в кино главные роли, к его ногам бросаются все женщины мира, его боготворят, он секс-символ планеты? А теперь представь, что будет, если мы его назовем импотентом? – и он снова захохотал. – Можешь себе представить человека, который многие годы рекламировал сигареты известной марки, а потом умер от рака легких? **НЕТ!** Такие живут вечно, творят всегда! Они даже не имеют право на смерть. И ты должен это понимать. А ты хочешь назвать классика мировой литературы духовным импотентом, человеком, который в 25 лет угробил свой талант и

стал таким же, как все? Нет!..

– И все-таки. Если сказать им это – все закончится.

Майкл мгновение соображал, потом воскликнул:

– Знаешь, что они сделают, если им такое сказать? Нет, они не оставят тебя в покое. Это будет твой приговор. Поскольку с тебя больше взять нечего – они помогут тебе красиво отправиться на тот свет, а потом объявят о твоём самоубийстве. Ничто так не поднимает писательский рейтинг, как смерть творца – это закон. За несколько дней твоих книг купят больше, чем за прошлые два года, потом сделают тебя идолом, а роман иконой, на которую будут молиться многие годы. Вот так...

– Что же делать?

– Это я тебя хочу спросить? Кстати, почему ты заговорил об этом. Исписался – как тебе такое могло в голову прийти?

– Не знаю. Но, должен же быть какой-то выход?

– Ронни, выход есть. Ты будешь работать, приносить пользу обществу, будешь зарабатывать огромные деньги, твоя дочь не будет ни в чем нуждаться, а Дороти... Если захочешь, мы разведем вас, лишим ее права быть матерью, лишим гражданства и отделаемся от нее навсегда. И сделаем это всего за пару дней. Ты ее никогда не увидишь. Больше ничто не должно мешать Рональду Дойлу писать. Ты меня понял?

– Да, понял.

– Ты согласен?

– Нет... Да...

– Нет или да? – уже смеялся Майкл. – Ронни, дорогой, уже поздно. Завтра я жду тебя и мы начнем работать, а сейчас отдыхай. Куда поедешь?

– Не знаю... В гостиницу...

– Хорошо. Деньги есть?

– Деньги?...

– Держи, – и он бросил на стол пачку сотенных купюр, – а хочешь, как в прошлые времена, в кабак, потом заедем к девочкам? Тряхнем молодостью!

– Майк, ты женат!

– Да, ты прав... Ну и что? Не беспокойся, она ничего узнает. Ну что, Ронни?

– Нет, Майк, я пойду.

– Как знаешь. Но завтра я тебя жду. Высыпайся, отдохнай и закончим этот кошмар. Нас ждут великие дела! Да, Ронни?

– Да.

– А что было дальше? – спросил Франк, закончив писать.

– Дальше? Продолжим в следующий раз, уже поздний вечер, я устал, – ответил Дойл.

– Хотя бы скажите, как вам удалось покончить с этим. Как я понимаю, ваша жизнь была в опасности.

– Втянулись, господин журррналист? Разбирает любопыт-

ство?

– Мне совершенно наплевать, что там было дальше, – с этими словами Франк встал, желая уйти. Дойл засмеялся.

– Ладно. Не обижайтесь. А дальше... Рональд Дойл этим же вечером сел в поезд и покинул тот городок навсегда. Потом он слонялся по разным штатам, какое-то время тратил деньги, которые дал ему Майкл, а когда они закончились, перебивался случайными заработками. Снова и снова он менял места проживания, убегая все дальше от Майкла и его агентства. Он должен был исчезнуть – иного выхода у него не было. Наконец, случайно попал на корабль, где устроился официантом и покинул Америку навсегда. Впереди его ждал Марсель. Потом Париж...

Все, Луи, отдыхайте. Завтра сделаем выходной.

29

– Луи? Что вы здесь делаете? – Жоан вышла из подъезда и с удивлением посмотрела на Франка, который выглядывал из-за дерева, стоящего неподалеку.

– Так, ничего, – сказал он, смутившись, выходя из своего убежища.

– Ничего?

– Проходил мимо...

– Да? – улыбнулась она.

– Хотел снова увидеть вас, – признался Франк.

– Почему не зашли? Выпили бы вместе утренний кофе.
Он промолчал.

– Сейчас я еду на работу...

– Конечно. Я понимаю. Я не хотел вам мешать.

– А знаете что? Хотите поехать со мной. У меня дел всего на пару часов, а потом я смогу сбежать и мы куда-нибудь пойдем. Ну что, поехали?

– В банк? Может быть, я заеду за вами позже, когда вы освободитесь?

– Почему в банк? – не поняла она.

– Разве вы не работаете в банке?

– Почему вы так решили?

– Я не прав?

– Нет, Луи, вы потеряли дар медиума. Банк! Только этого мне не хватало! Ну что, едем?

– Да! – с радостью воскликнул он.

– Нам туда, – махнула она рукой в сторону остановки автобуса.

– Поедем на такси, – возразил он, останавливая машину с зеленым огоньком.

– Как хотите, Луи, – согласилась она.

– Вы работаете в зоопарке?! – воскликнул он, когда они подъехали к входу.

– Да, – гордо призналась она. – И это один из самых старинных зоопарков Франции. Его открыли еще при императоре Наполеоне III. Здесь был когда-то Венсенский лес, а те-

перь просторный парк, – и она увлекла его за собой. Они сели в крошечный, почти игрушечный, автомобиль и поехали по большой территории.

– Чем вы тут занимаетесь? Считаете животных?

– Почему я должна что-то считать? – улыбнулась она.

– Ну как же, вы окончили факультет экономики...

– Вы выдумщик, Луи. Считаю – скажете тоже! Нет – это не для меня, пусть считают мужчины! – засмеялась и добавила: – Я психолог и работаю с животными.

– Надо же. А зачем животным психолог? Не у каждого человека он есть.

– И напрасно. А у животных он должен быть. Кто же еще позаботится об этих чудесных созданиях? Вот посмотрите на этих медведей. Если бы мы вовремя не заметили, у них в семействе были бы серьезные проблемы. Пришлось разделить их территорию на две части, теперь у них мир и любовь. А для этого ягуара пришлось перестроить дом. Целый год он не заходил в свое жилище, но я провела исследование и выяснила, что старое место было энергетически тяжелым, он это чувствовал и не заходил туда, а после новоселья у него с подругой появилось потомство. А вот здесь мы посадили несколько высоких лип... А там мы сделали небольшую насыпь. Видите тот естественный холм, который принадлежит козам. Но тигры тоже захотели иметь небольшую возвышенность, тогда мы для них ее создали.

– Захотели? Как вы об этом узнали? – удивился он.

– Они мне об этом сказали, – просто ответила Жоан, словно это было очевидным.

– Как вы успели заметить, у нас нет ни единой клетки, все условия должны соответствовать их среде обитания. А иначе наши подопечные будут чувствовать себя плохо. Они должны находиться здесь, как у себя дома. Этим я и занимаюсь.

Потом Жоан долго, темпераментно рассказывала о зоопарке, о зверях, они переезжали из одного уголка парка в другой, глаза ее горели, и поневоле Франк залюбовался. Он уже не представлял ее в современном офисе, отделанном стеклом и пластиком с калькулятором в руке. А в этом месте она чувствовала себя вполне естественно. Жоан снова и снова выскакивала из машины, подходила к зверям, здоровалась, разговаривала, потом знакомила Франка. Вернее, представляла Франка им. И в какой-то момент он почувствовал себя, словно находился на смотринах. Уже хотелось понравиться этим быкам и кошкам, обезьянам и слонам, жирафу. А тот с высоты своей длинной шеи строго на него смотрел, словно пытался что-то сказать. Тогда Франк не выдержал и грозно спросил:

– Чего он от меня хочет?

– Разве непонятно? – удивилась Жоан. – Ревнует! – и крикнула:

– Серж! А ну-ка прекрати сейчас же! Я кому сказала!

Франк засмеялся, он не мог без иронии наблюдать за тем, как она разговаривала с животными, делала это на полном

серьезе, словно перед ней были не звери, а люди, и тут случилось невероятное. Жираф медленно начал перебирать длинными ногами, поворачивая свое большое неповоротливое тело. Наконец, отвернулся совсем.

– Так! Это что такое! – гневно воскликнула Жоан. – Ты что себе позволяешь? Знаешь кто ты такой? Собственник! Длинный, обидчивый собственник. Если сейчас же не повернешься, я завтра к тебе не приду. Ты меня слышишь? Ну, как хочешь!

Но Серж стоял, не двигаясь с места.

– Серж, дорогой, – продолжала она. – Это Луи. Познакомься. Он нравится тебе? Серж, я должна знать твоё мнение. Он очень хороший. Не сердись на него, Серж!.. Я очень люблю его, но если ты не повернешься, я расстанусь с ним навсегда!.. Но тогда я останусь совсем одна – ты этого хочешь?

Франк был потрясен. Он заворожено наблюдал за огромным жирафом, который после этих слов медленно повернулся, опять строго посмотрел ему в глаза, и от этого взгляда ему стало не по себе.

– Дайте ему это, – шепнула Жоан, протянув Франку пучок травы. – Не бойтесь, он вас не съест.

Франк взял траву и поднес к прутьям ограды, которая их разделяла. Серж снова внимательно на него посмотрел, вдруг наклонил голову и аккуратно взял у него из руки траву. А губы его были нежными и мягкими. Потом он с удо-

вольствием ее жевал, получая истинное наслаждение, и это было заметно.

– Он признал вас! – прошептала Жоан. – Это хорошо. Он мой любимец! – она снова обернулась к жирафу: – Пока, Серж! Не скучай! Пока, мой хороший! – и взяла Франка за руку. – Завтра я обязательно приду, – крикнула на прощанье и повела Франка к машине.

Потом они еще долго ездили по парку, и Жоан показывала ему своих питомцев. Наконец они закончили обход и очень скоро сидели на веранде открытого ресторанчика рядом с зоопарком.

– Ресторан экзотической кухни? – спросил он.

– Что вы имеете в виду? – вздрогнула она.

– А что вы делаете с животными, которые расплодились и которых стало слишком много?

– А что делают с людьми, которые родились и их стало очень много? – сверкнула она глазами.

– Отдают на сведение животным, – пошутил он, но Жоан его юмор не оценила.

– Вы такой странный, Франк. Иногда вы напоминаете необузданного дикого человека, который вышел из леса. Или инопланетянина, прилетевшего с другой планеты. Нет, никто этих замечательных зверей не отдаст на съедение людям, если вы это имели в виду.

Она немного помолчала и задумчиво добавила:

– Такое случилось лишь однажды, когда в 1870 году бы-

ла франко-прусская война, и Париж был в осаде. У военных закончилась еда, и пруссаки пришли в этот парк. Все звери безжалостно были съедены. Но, то были дикие времена. Слава богу, это больше нигде и никогда не повторится.

Он смотрел в эти грустные глаза, продолжая молчать. Видимо, Жоан не слышала о том, что произошло в зоопарке, находящемся в соседней стране, не так далеко отсюда. Поэтому молчал. Он не мог ей об этом рассказать. Потом спросил:

– Жоан, а почему вы своему жирафу сказали, что любите Луи?

Она улыбнулась, задорно тряхнула головой, от чего ее волосы разлетелись в разные стороны. Потом воскликнула:

– Ну, сказала! Просто так! Сказала и все! Только не подумайте... Они, как дети, с ними нужно быть очень аккуратными. Всегда нужно думать, что говоришь.

– Разве можно обманывать детей? – улыбнулся Франк.

– Нет, – улыбнулась она.

– А почему вы развелись?

– А почему вы спросили?

– Сегодня я наблюдал за тем, как вы проводите время с животными... Наверное, любой мужчина был бы счастлив, находясь рядом с таким психологом, как вы.

– Почему развелись? Он хотел выкинуть мой шкаф! – сурово воскликнула она и засмеялась. – Шучу... А развелись, потому что разлюбили. Хорошо – вовремя поняли, что люб-

ви больше нет. А если нет, тогда зачем все это?

– Вы удивительная, Жоан.

– А почему развелись вы?

– Я?

– Нет, ошиблась! Теперь медиум я. У вас есть жена, есть семья и замечательные дети. Угадала?

– Это у вас есть семья и двое детей – мальчик и девочка, – вдруг поневоле вырвалось у него. – Вы смогли бы в это поверить?

Она стала серьезной и тихо задумчиво ответила:

– Знаете, Луи, иногда мне кажется, что это правда. А еще мне кажется, что знаю вас уже тысячу лет... Поэтому терплю до сих пор ваши дикие фантазии.

– Я скоро уеду, – внезапно произнес Франк.

Жоан немного помолчала, потом тихо спросила:

– Вы закончили свое интервью?

– Почти.

– Поэтому прятались утром за деревом? Хотели уйти по-английски?

– Не люблю долгих расставаний, поэтому ненавижу уходить по-французски.

– А как это по-французски? Как прощаются в вашем Провансе?

– Сразу и навсегда... А как прощаются в вашем Париже?

Она долго молчала, глядя ему в глаза, потом улыбнулась и ответила:

- Никак. Если любят – не прощаются вовсе.
- Поэтому англичанам легче, – вздохнул он.

30

Было раннее утро. Сегодня Дойл поднял его раньше обычного, и наскоро позавтракав, они прошли в его кабинет. Обычно они начинали работать намного позже. Франка раздражала медлительность старика, который ползал по квартире, делал какие-то бессмысленные движения, носил мусор из комнаты в комнату, словно там находился кто-то еще. Выглядывал сквозь грязные стекла в окна, потом долго брился. Для кого? Ходил по коридорам большой пустующей квартиры. Потом замирал перед какой-то вещью и о чем-то думал. Иногда казалось, что он пытается сконцентрировать свою мысль, приземлиться, зацепиться за какую-то мелочь и вернуться на землю. Словно, находился он в невесомости или где-то еще. Но сегодня все было иначе.

– На чем мы позавчера остановились? – спросил Дойл. Они снова сидели за столом в его просторном кабинете и готовились писать. С одной стены на них внимательно смотрели глаза ребенка и взрослой женщины, чьи фотографии были аккуратно развешены в красивых рамках, а с другой черными пыльными отверстиями зияли пустые полки. Франк с удивлением заметил, что выглядел Дойл как-то необычно. На нем был надет приличный костюм и галстук, он был тща-

тельно выбрит, что раньше случалось крайне редко, старик был необычайно бодр, даже весел, несмотря на то, что в последние дни он явно чувствовал себя неважно. Иногда хватался за сердце, что-то невнятно бормотал, забывал, о чем говорил минуту назад. Но сегодня, словно сбросив добрый десяток лет, был энергичен и полон сил.

– Так, на чем мы остановились? – повторил он.

– Сбежал – скитался – пароход – Марсель – Париж. Я это уже записал, – ответил Франк.

– Париж, – пробормотал Дойл. – Так я оказался в Париже, – снова повторил он. – Хорошо, продолжим.

У Рональда Дойла было совсем немного денег, которые он успел заработать в Америке, поэтому постоянно приходилось искать заработок. Он сумел прокормить себя и оплатить небольшой угол, который снимал в доме на окраине Парижа. Но не это его сейчас беспокоило. У него появилась одна идея, которую он хотел осуществить и теперь готовился к этому.

Однажды он позвонил в одно уважаемое издательство и попросил к телефону главного редактора. На вопрос – кто его спрашивает, ответил просто – Рональд Дойл. Сказал лишь эти два слова и на том конце провода услышал восторженные возгласы. Через мгновение трубку взял редактор. Он не стал долго говорить, сказал лишь:

– Я хочу дать вашей газете интервью.

– О! Конечно, месье. Для нас это большая честь! Когда вам будет удобно к нам приехать?

– Когда?

Сначала он думал, что придет прямо сейчас, но для солидности ответил:

– Скажем, завтра... нет, послезавтра. В 16.00.

– Какие ваши условия? – уточнил редактор.

– Условия? – сначала не понял он. – Ах да, деньги?

– Конечно! Ваш гонорар! Впрочем, мы готовы на любые условия, месье Дойл! – услышал он и ответил:

– На ваше усмотрение, месье. Я знаю, что у вас солидное издание и солидные гонорары. Сделайте так, как обычно поступаете в подобных случаях. Вы меня понимаете.

– Да, конечно, месье! Послезавтра в 16.00 я вас жду. За вами прислать машину?

– Машину? Нет, не нужно. Я приеду на своей, – соврал он.

В этот же день Рональд Дойл сходил в парикмахерскую и сбрил надоевшие бороду и усы, на последние деньги купил приличный костюм, и теперь оставалось дожидаться назначенного срока. Черт дернул сказать ему – послезавтра. Но хотелось придать больше значимости своей персоне и визиту, к которому он так тщательно готовился. Сейчас он находился в Париже, в столице великой свободной страны, где должен был рассказать обо всем – о книге, об агентстве, откуда он сбежал, и о таинственных кабинетах с двойными

табличками, где рождались чудовищные замыслы. Он должен был дать это интервью! Время пришло.

День был замечательный. Париж сиял, отмытыми ночным дождем, булыжными мостовыми, пестрая веселая толпа вселяла уверенность и силы. За эти несколько месяцев, что он провел здесь, уже успел полюбить этот город, и больше ехать никуда не собирался, а тем более бежать. Здесь был необычайный воздух свободы, которым он с радостью дышал, снова хотелось во что-то верить, хотелось жить. Просто жить. Оставалось закончить с этим делом. Покончить с Рональдом Дойлом навсегда и поставить на этом точку. Интересно – какие рейтинги будут у проклятой книги? Наверно, после этого интервью, ее скупят во всех магазинах, прочитают, и только потом сожгут. Так думал он, приближаясь к издательству. До встречи оставалось полчаса и пару километров пути. Еще было рано, а он любил точность, поэтому решил задержаться, остановившись у книжного магазина, откуда на него смотрело лицо Рональда Дойла. Неужели через час он распрощается с этим именем навсегда?! И в душе радостно затрепетало.

Неожиданно за спиной услышал восторженный голос:

– Рональд Дойл? Это вы?

Он обернулся. Перед ним стояла незнакомая красивая женщина и с радостью на него смотрела.

– Это вы? – повторила она.

– Нет... То есть, да.

– Так, нет или да? – засмеялась она.

– Пока, да, – ответил он.

– Удивительно! Так мог ответить только великий Рональд Дойл! Вы не оставите мне автограф?

– Конечно.

– Простите. Одну минуту – я только забегу в магазин и куплю вашу книгу. Вы подождете?

– Хорошо.

– Я быстро! А знаете что? Садитесь в мою машину. Пожалуйста! Я вас довезу куда угодно. Для меня большая честь проехать по Парижу с самим Рональдом Дойлом!

– Почему бы нет, – ответил он, снова отметив, что женщина была удивительно красива. Он открыл дверцу и сел на переднее сидение. Через мгновение почувствовал, как чья-то рука крепко схватила его за шею, а другая рука поднесла к лицу мокрый платок, от которого исходил едкий запах. Больше он не помнил ничего...

Очнувшись, заметил, что находится в комнате, напоминающей номер отеля. Он полулежал на диване, а рядом не было никого. Слава богу, не тюрьма, – подумал он. Решеток на окнах он не видел. Вдруг в комнату вошел человек, которого он знал очень хорошо. Тот улыбнулся, подошел и с радостью пожал ему руку. Это был Майкл.

– Как вы меня нашли? – удивился Рональд.

– Ты сам нас нашел, – ответил Майкл, садясь напротив. – Ты обратился в издательство, акции которого принадлежат агентству. Собственно, очень скоро большинство газет будут принадлежать нам.

– Но, вы находитесь в Штатах! Какое вам дело до французской газеты?

– Мы находимся везде, – засмеялся Майкл. – Теперь к делу. Он немного помолчал и заговорил:

– Хорошо выглядишь, прогулка в Европу пошла на пользу. Только тебе не к лицу борода. Сейчас намного лучше. Уже два дня ты похож на человека.

– Два дня? Откуда ты знаешь, как я выглядел два дня назад?

– Все эти полгода, с момента, как ты сбежал, тебя не выпускали из виду ни на минуту. Я же тебя предупреждал – найдут. Или тело, или тебя самого. Ты с кем играешь?

Рональд промолчал, оставив этот вопрос без ответа.

– Заставил меня сделать долгий перелет. Ронни, у меня масса дел, я не могу тратить на тебя столько времени. Ну, раз уж я к тебе прилетел, держи подарок, – и он бросил на стол конверт.

– Опять фотографии? Снова будешь шантажировать? С кем я на этот раз?

– А ты посмотри, – улыбнулся Майкл.

Рональд раскрыл конверт и вынул пачку фотографий. Он долго их разглядывал, не в силах оторваться, потом про-

шептал:

– Спасибо, Майк. Ты настоящий друг.

– Конечно, Ронни! А как малышка выросла?! Три дня назад я был у них в гостях. Дороти уехала из твоего ужасного дома, мы сняли ей отличную квартиру в центре города. Платим хорошие деньги, так что дочь великого писателя Рональда Дойла ни в чем не нуждается.

– Спасибо, Майк... Великий писатель? Снова будешь просить меня писать?

– Сейчас не об этом. Скажи, зачем ты обратился в газету и что за интервью ты собирался давать?

– Мне нужны деньги, – соврал Рональд.

– Врешь, ты зарабатываешь достаточно и на жизнь тебе хватает. Так что ты собирался рассказать?

– Почему бы вам меня не убить? – спросил Дойл.

– Вот и меня об этом же спрашивают коллеги. Что я им должен ответить? Что ты мой друг? Смешно! Такими категориями деловые люди уже давно не мыслят. Так, что же мы им ответим?... Не знаешь. Ронни. У меня мало времени, я не могу с тобой долго нянчиться, скоро самолет. Ну как, дочь в порядке? Все хорошо?

– Да, Майкл, – и Рональд снова взял в руки фотографии.

– Я прилетел сказать тебе две вещи. Первая – если ты снова пойдешь в какую-нибудь газету...

– А разве ты меня отпустишь?

– А что я должен привязать тебя к кровати в номере

отеля? Ронни, повторяю, если ты пойдешь в какую-нибудь газету – не представляешь, что они сделают с твоим ребенком. И я не шучу. Тогда уже ничем не смогу ей помочь. Ты меня понял?

– Вы подонки.

И второе. Держи, – и Майкл протянул крошечный сверток.

– Что это?

– Еще один подарок уже не от меня, а от агентства. Открой. Только аккуратно, не нажимай... Это капсула. Если через три дня ты не позвонишь мне (надеюсь, телефон не забыл) и не скажешь, что будешь продолжать работать на нас, тебе нужно будет просто положить ее в рот и раскусить. Делается это очень просто. Не волнуйся, ты ничего не почувствуешь, через две минуты все закончится...

Майкл говорил спокойным деловым тоном, словно рассказывал о новой зубной пасте, которая прекрасно отбеливает зубы.

– Кстати, если ты будешь с нами сотрудничать, можешь не возвращаться и писать здесь. Или в любой точке мира, где только пожелаешь. Такое условие для тебя оговорил я. Мы друзья, Ронни, поэтому я не могу не думать о тебе. И еще одна небольшая дружеская просьба. Если ты все же надумаешь съесть эту дрянь, пожалуйста, выбери публичное место – там, где будет много народу. Тебе это ничего не стоит. Скажем, недалеко от Лувра есть замеча-

тельный парк, где можно прокатиться на карусели, выпить газированной воды, она там очень вкусная, только сегодня утром был там, а потом сесть на скамеечку и... Пусть тысячи людей засвидетельствуют добровольную кончину великого писателя. Во всяком случае, так будет лучше, чем это сделает кто-нибудь другой в темной подворотне. Ну а не сможешь – тебе помогут, не волнуйся. Все, Ронни, у меня мало времени, поехал, ровно через три дня жду твоего звонка. Дороти привет передать?... Извини. Кстати, если будешь с нами работать, я отправлю ее с малышкой в Париж, ты сможешь видеть свою дочь, когда пожелаешь, ну и все остальное конечно же сделаю для тебя. Все, Ронни, прощай, дружище, рад был тебя увидеть! Ровно через три дня! – бросил он на прощанье, взял саквояж и вышел из номера, в котором кроме Рональда Дойла не было никого. Но где-то находился человек, который за ним следил. Он был всегда рядом. “Тебя не выпускали из виду ни на минуту”, – вспомнил он.

Ровно через три дня Рональд Дойл разыскал парк в самом центре Парижа. Он долго бродил по его дорожкам, потом подошел к киоску и зачем-то выпил газированной воды. Она действительно оказалась очень вкусной. Подошел к карусели и долго наблюдал за людьми, которые на ней катались. Дети в восторге с замиранием сердца кричали. С какой-то мамочки слетела соломенная шляпка и Рональд, подхватив

ее на лету, дождался, когда карусель остановится, вернул ее женщине. Наконец, он медленно побрел к скамейке, которая виднелась неподалеку. Место было публичным, как и просил его Майкл. Напоследок он не хотел отказать другу в такой мелочи – ему это ничего не стоило. Потом достал крошечный сверток, развернул и уставился на капсулу. Две минуты и все будет кончено, – вспомнил он. Его жизни оставались какие-то две минуты. Уже закрыл глаза и хотел положить ее в рот, но в ужасе отдернул руку. Стало жутко. Беспомощно огляделся. Неподалеку шли какие-то люди, ничего подозрительного он не заметил, но знал, что за ним наблюдают, иначе и быть не могло. Он спрятал капсулу в карман и вынул книгу, ту самую, с которой никогда не расставался. Почему – он не знал, но она всегда была с ним. Когда-то эта книга лежала рядом с подушкой семнадцатилетней девочки, которая из-за него умерла. Он раскрыл ее, но тут же захлопнул. Теперь умрет он, а книга-убийца окажется рядом с ним, но сначала...

Он снова открыл книгу, и вдруг начал вырывать листы. Как когда-то давно он писал ее, страницу за страницей, теперь безжалостно уничтожал. Бумаги собралась уже большая кипа, и тогда он бросил ее в урну, стоящую у скамейки. Достал спички и поджег. Потом долго следил за тем, как разгорается пламя и молил Бога о том, чтобы тот сохранил ему жизнь. Он просил Его уничтожить эту книгу, словно таким образом мог сжечь все остальные, которых

было миллионы по всему свету. Он мечтал оказаться в месте, где никто ее не читал, где ничего не слышали о писателе Рональде Дойле. Ведь это так просто сделать шаг в сторону, потом еще и еще, стереть из жизни лишь один позорный факт, а все остальное оставить так, как есть. В этом месте будет светить солнце, будет кружиться карусель, раздаваться веселый детский гомон, только не будет проклятой книги. Он все смотрел на огонь, и белые языки пламени, словно гипнотизировали. В этот момент Рональд Дойл не соображал ничего. Потом встал со скамейки и медленно пошел прочь. Он шел по какому-то наитию, ничего не понимая. Ноги его двигались сами собой. Так какое-то время он брел по дорожке парка, потом ступил на мягкую траву. Вот показались кусты и редкие деревья, а он все двигался, не ведая куда. Вдруг за одним деревом резко повернул направо, за следующим налево. Все напоминало какой-то удивительный ритуал. А когда перед ним возникли два высоких дерева (они словно выросли в это мгновение, их не было здесь раньше, он помнил это точно), Рональд Дойл, не раздумывая, шагнул между ними и... исчез. Исчез навсегда.

31

Какое-то время они молчали. Наконец Франк заговорил:
– Так Рональд Дойл попал в параллельный мир. В свой Париж... Красивый финал. Рональд Дойл, человек-вулкан,

низвергающий толщи лавы, в которой меркнет история. Она плещет через края, сжигая все на своем пути.

– Это не история. Ваша история переписана не один раз. Это правда.

– Только, кому она нужна?

– Вам!

Мы закончили? – спросил Франк. – Хороший финал! – Он отложил ручку и посмотрел на Дойла, который сидел задумчиво и молчаливо.

– Закончили? Нет. Не совсем.

– Продолжим завтра?

– Сегодня. Сейчас, – жестко ответил старик.

– Можно спросить – на этих фотографиях ваша дочь? – и Франк показал на стену.

– Да, – коротко ответил тот.

– А откуда у вас ее взрослые фотографии? Вы с ней виделись?

– Больше ни разу в жизни. Спустя много лет я встречался с одним человеком из агентства, который мне их дал. Зовут его Блэйк. А моей девочки больше нет. Год назад она ушла из жизни. И Дороти давно нет, и Майкла. Он зачем-то покончил с собой на старости лет. Отравился. Никого нет. Осталось только проклятое агентство и я.

– Неужели какая-то книга могла иметь такие последствия? А агентство, оно было здесь в вашем мире?

– Да. Оно так же начинало свою деятельность, и главным

направлением была культура – в этом смысл. Но...

– Без вашего романа они ничего не смогли?

– Эта книга имела какую-то дьявольскую силу. Она стала толчком всему. Это направление было для агентства экспериментом. Они сами не ожидали такого успеха. Только за первый год в том мире мою книгу купили и прочитали более семидесяти миллионов идиотов. Впрочем, идиотами они стали потом. А здесь без нее у этих ребят все рассыпалось и сошло на нет. Все умерло. Удивительно, но это правда. Блэйнк, находясь здесь, сумел это узнать. Больше в моем мире агентства нет.

– Удивительно. Какая-то книга...

– Талантливая книга, дьявол ее побери.

– Зачем вы потом вышли из своего убежища?

– Не хотел жить. Тебе этого не понять. Но меня они почему-то не тронули. Я тридцать лет не выходил отсюда, но в восьмидесятые снова ступил на вашу землю, прочитал газеты, посмотрел, как вы живете. Потом девяностые, двухтысячные. Я был в ужасе от того что происходит.

– Вы преувеличиваете. Кстати, почему ваш Париж так отстал? Вы этого хотели? Почему здесь нет компьютеров, нет современных телефонов. Вы отброшены на полвека назад! Где научный прогресс? Где все открытия человечества за последние десятилетия? Вы даже не дали объединиться Европе!

– Ваш прогресс продвигали военные – ты это не понима-

есть? Только благодаря им появлялись новые технологии, которые людям не нужны. Новое вооружение, космос, спутники-шпионы, компьютеры. Все во благо победы. А это порождение спецслужб – Интернет? Теперь к каждому в постель может заглянуть кто угодно, услышать тебя, даже увидеть, прочитать переписку, снять деньги с твоего кошелька, загнать в толпу социальных сетей, вывести на площади, устроить революции, поджоги. В этом ваш прогресс? Здесь даже климат другой. Здесь не было с тех пор ни одной войны – ни в Корее, ни во Вьетнаме, ни в Афганистане, никто не вешал Саддама, не убивал Каддафи, не бомбил Югославию...

– Так вот почему мой отец до сих пор жив, – пробормотал Франк.

– Ваш отец?

– Он не получил тяжелого ранения в Югославии, потому что там не было войны, и не скончался от его последствий год назад. Так вот почему в вашем Париже я не встретил свою жену. Ее мать лечила моего отца. Там в клинике мы и познакомились с Жоан. А здесь отец не пострадал и остался в Провансе, где и живет до сих пор... И все какая-то книга...

Какое-то время они молчали.

– Вы вышли из своего Парижа, но почему с вами не покончили?

– Не знаю, я этого хотел. После того, что я увидел, в моей жизни больше не было смысла. Они меня сразу же разыска-

ли – в парке висят камеры. Нашли и предупредили, если заговорю, пострадает моя дочь. Я молчал. Год назад моей дочери не стало, а потом явились вы... А знаете что, Луи, поедемте в одно место. Сегодня хорошая погода, пройдемся, там и поговорим. Вот, возьмите деньги.

– У меня еще остались. И зачем столько?

– Даю – берите. Купите газированную воду. Там она очень вкусная.

Очень скоро они приехали в парк. Пока Франк ходил за газированной водой, старик медленной походкой направился к своей скамейке...

Рональд Дойл сидел на скамеечке в парке и лениво нежил-ся в лучах полуденного солнца, которое щедро палило, согревая его дряблое лицо и, покрытые тонкими черными жилами, морщинистые руки. Была поздняя осень. Желтая листва уже готовилась сбросить это шелестящее покрывало, отдавая дань наступающей зиме и смене времени года. Скоро до этих мест ненадолго доберется стужа, редкие снежинки закружатся веселым хороводом, укрывая все белым мягким покрывалом, но пока было очень тепло, старик, словно ловил каждое мгновение давно ушедшего лета и последние крохи тепла. Он сидел и о чем-то думал, глядя по сторонам. Взгляд его был отрешенным, потухшим. Казалось, вжавшись в скамейку, он останется здесь навсегда и будет трепетно ловить свежий воздух, пока не превратится в статую, большую и ве-

личественную, невозмутимо вззирающую по сторонам. Ее будет обдывать ветрами, поливать холодным дождем, леденить равнодушным морозом, и она замрет навеки бескровным изваянием. Но все это произойдет потом...

Франк подошел, протянув ему бумажный стаканчик, и Дойл с жадностью его опорожнил.

– Все. Мою историю вы дописали, – устало произнес он. – Интервью закончено.

– Что же дальше?

– Теперь мы сделаем одну простую вещь. Сядьте, не мажьте... Книга еще не дописана. Всем наплевать на какого-то старика, который жил полвека назад и теперь готов отправиться на тот свет, – и он посмотрел на солнце. – Я вам, Луи, больше не нужен. Я никому больше не нужен. Теперь вы без моей помощи возьмете эти главы и вставите их в большую книгу, которую напишете о том, что случилось с вами. А вот на вас им не наплевать. Вы дитя их времени – вам поверят. Теперь поняли, почему это должны сделать вы, а не я?

– Вы издеваетесь? – засмеялся Франк.

– Слушай и не перебивай, – горячился Дойл, он торопился, а голос его начинал нервно срываться. – Ты напишешь книгу о том, что с тобой произошло с момента, как ты меня нашел. Ты должен писать примитив. Главы не должны быть более 3–4 страниц, иначе читать тебя не будут. Люди разучились читать. Этих тупых скотов приучили к тому, чтобы их внимание не переутомлялось, поэтому делать это нужно

короткими предложениями. Никакого второго плана.

– Что такое второй план?

– Посмотришь в своем любимом Интернете, разберешься. Хотя, здесь нет Интернета... Это, когда говорят одно, а подразумевают другое. Человек намного сложнее, а сегодня пишут примитив. Все должно быть на поверхности. И главное – действие должно быть непрерывным, сопряженным с яркими дешевыми эффектами и событиями. Это их стиль. Литература для скотов, какими их и выращивали в последнее время. Для дебилов и дебилок!

– Дебилы?!

– Не перебивай. Ты должен донести до них правду на их диком языке – другого они не понимают. Язык Достоевского, Фолкнера, Тургенева давно забыт.

– Что же дальше?

Дойл едва сидел на скамейке, лицо его внезапно побледнело, глаза вылезали из орбит. Казалось, что он задыхается.

– Вам плохо? – закричал Франк.

– Нет! Мне хорошо. Мне очень хорошо, – и Дойл через силу улыбнулся, но в этой улыбке было что-то зловещее.

– Что дальше? – он вынул из кармана лист бумаги, сложенный вдвое, – позвонишь этому человеку. Это Блэйк, кстати, он сын Майкла. Того самого. Он служил у них до сентября 2001 года, занимал высокий пост. Потом сбежал, разыскал меня, с тех пор живет в моем Париже.

– Почему сбежал?

– Он не говорит. Он знает какую-то дьявольскую информацию, но ее он не откроет никому.

– Зачем мне нужно ему звонить?

– Он тебе поможет.

– В чем?

– А ты не понял?... Ты не понял, что должен проникнуть в их логово. Понимаешь, Луи?... Ты должен посмотреть им в глаза, а потом написать об этом в своей книге. Только тогда тебе поверят!

– Вы сошли с ума?

– Ты хочешь увидеть своих детей, чертов Франк?! Или как там тебя? Ты должен закончить этот адский круг и только тогда у тебя появится шанс отмыться, вернуться в свой Париж, а иначе останешься здесь навсегда! Ты готов? Ты сделаешь это? Не молчи! – уже рычал Дойл.

– А вы? Что будете делать вы? Рональд Дойл, вы обещали помочь! Обещали быть рядом! Вы пойдете со мной?

– Я? – он улыбнулся и вдруг, раскачиваясь из стороны в сторону, зловеще захохотал. – Я!

И тут Франк увидел его глаза. Они светились дьявольским огнем и смотрели куда-то вдаль. Смотрели туда, куда заглянуть в этой жизни удастся не каждому. Никому! И тут Франк понял все.

– Нет! – заорал он. – Вы обманули меня! Это подло! Вы не можете так поступить!

– Могу! – уже шипел тот.

– Вы трус!

– Наконец! Дождлся! – шептал Дойл, больше не обращая на него внимания.

– Вы подлец! Свалили на меня свои грехи и подло хотите сбежать. Вы жили так всю свою жизнь. Что вы сделали? Умереть сейчас, бросить меня одного – это подлость! Вы хотите обмануть Бога! Пойдите! Подождите! Куда же вы?!..

Но изо рта старика уже слышалось шипение, он в последний раз улыбнулся нечеловеческой улыбкой, закатил глаза и выдохнул:

– ВСЕ!

Через мгновение, как мешок с картошкой, он с грохотом повалился на скамейку.

– Вы подлец, Рональд Дойл, – в бессилии прошептал Франк.

32

Он бросился к телефонной будке, видневшейся неподалеку, и набрал номер, который был написан на листе бумаги, оставленной Дойлом. Тут же услышал по-военному четкий, отрывистый голос:

– Слушаю вас?

– Это месье Блэйк?

– Да, Луи, что с мистером Дойлом?

– Вы знаете меня?

– Да. Повторяю свой вопрос, что с ним?

– Он...

– Понятно. Пульс есть?

– Пульс?...

– Понятно. Где вы находитесь?

– В парке, недалеко от...

– Понятно. Ждите там и никуда не уходите. Еду.

Франк не стал подходить к Дойлу и проверять пульс. Он был абсолютно уверен, что душа навсегда покинула тело, которое безвольно покоилось на скамейке. Только не знал одного, куда она направилась, и где ее ждут. Через пятнадцать минут на дорожке парка появились две машины. На первой виднелся красный крест. Они остановились неподалеку, из скорой помощи вышли два человека и подошли к Дойлу. Из второй машины тоже вышел человек и направился к старику. По-видимому, это и был Блэйк. После необходимых манипуляций люди в белых халатах достали черный мешок, но Блэйк жестом их остановил. Какое-то время он молча смотрел на Дойла, потом закрыл ему глаза и дал знак врачам. Те положили тело старика в пакет, застегнули его и на носилках понесли в машину. Через мгновение уехали. Тогда Блэйк обернулся, заметил Франка и четкой походкой направился к нему.

Это был мужчина лет шестидесяти пяти. Он был крепко сложен, большой подбородок подчеркивал волевой характер, а взгляд у него был спокойный и уверенный. По этому

взгляду невозможно было понять, о чем он думает и что чувствует в эту минуту.

– Здравствуйте, Луи, – произнес он.

– Месье Блэйк? – спросил Франк.

– Да! – коротко ответил тот. – Пойдемте, – и он зашагал по дорожке парка в дальнюю его часть. Франк молча поплелся следом. Блэйк зачем-то подошел к знакомому киоску и купил два стаканчика газированной воды. Один протянул Франку.

– Старик любил эту апельсиновую воду, – произнес он, – помянем Рональда Дойла. Он поднял стакан, посмотрел куда-то вдаль и залпом его опорожнил. Франк сделал тоже самое. Он не понимал, к чему этот нелепый ритуал, но подчинился. Видимо Блэйк любил старика.

– Пойдемте, – снова приказал Блэйк и уверенным шагом направился к знакомой скамейке. Они сели и Блэйк сразу же заговорил. Голос его был отрывистым и четким:

– Дойл говорил мне о вас, Луи. Он просил помочь. Какие ваши дальнейшие действия?

– Я не знаю, – робко произнес Франк.

– Разве вы не собираетесь туда?

– Нет! – вздрогнул Франк.

– Значит, вы остаетесь здесь?

– Нет, – нахмурился он.

– Молодой человек, изъяснитесь точнее.

– Я ничего не знаю.

– Вы не хотите говорить или не нуждаетесь в моей помощи? Или у вас есть план, о котором мистер Дойл ничего не знал?

– Это у мистера Дойла был план, о котором я узнал всего полчаса назад. Я пока не готов...

– Понятно, – четко воскликнул Блэйк. – Тогда у меня к вам есть несколько вопросов.

– Ко мне? – удивился Франк.

– Да к вам, месье Луи... Я знаю, что у вас есть второе имя – Франк. Как вы это объясните?

Франк был удивлен, он ничего не понимал.

– Дойлу почему-то нравилось меня так называть.

– Почему?

– Я не знаю.

– А миссис Жоан тоже нравится вас так называть?

– Вы следили за мной?

– Конечно! Это моя работа. Вы не ответили.

– Да. Ей почему-то нравится...

– И вам не кажется это странным?

– Не знаю.

– То есть, вы позволяете каждому называть вас так, как ему вздумается? Вас это устраивает?

– Получается так.

– И вы хотите, чтобы я в это поверил?

– Чего вы от меня хотите?

– Хочу знать, кто вы такой на самом деле, и как к вам

обращаться? Луи? Франк?

– Франк.

– Так. Значит, теперь Франк. Хорошо.

– Называйте, как хотите! – не выдержал Франк. – Мне все равно! Назовите хоть Сержем, хоть жирафом.

– Жирафом? Хорошо. Сколько еще у вас имен?

– Послушайте. Что вы ко мне привязались?

– Сидеть! – рявкнул он. – Я не закончил. Зачем вы хотели у себя в Париже взорвать Стеклянную Пирамиду?

– Вы издеваетесь?

– Я знаю все! У тех властей к вам есть серьезные вопросы. Вас разыскивали, но вы умело от них ушли. Потом познакомились со стариком и решили с его помощью сбежать сюда. На кого вы работаете? Отвечайте быстро!

– На газету. Я журналист и брал у Рональда Дойла интервью.

– Вас уволили из газеты. Вас разоблачила жена. Хватит врать, месье Франк. Месье Луи! Месье жираф! Или как вас там?

Франк изумленно на него смотрел. Потом закричал:

– Я ничего вам больше не скажу... Вы будете меня пытаться? Будете избивать, применять сексуальные домогательства – у вас есть такие специалисты? Заставлять многие часы стоять на коленях, травить собаками? А, может быть, слушать оглушающую музыку? Еще есть пытка водой! Можно применить стробоскопический свет! Что вы еще умеете?

– Вам знакома инструкция по ведению допроса спецслужбами? Хорошо! Продолжайте!

– Эту инструкцию недавно напечатали во всех газетах...

– Почему вы не спите с Жоан? Это красивая девушка, тем более, ваша жена в том Париже? Она любит вас.

Франк долго молчал, потом тихо пробормотал:

– Вы думаете, любит?

– Уверен.

– Я не хочу портить ей жизнь... Это не ваше дело, черт возьми! Вы параноик?

Теперь Блэйк, немного наклонив голову, на него внимательно смотрел, прищурился. В этом взгляде больше не было напора или жесткости. Это не был колющий взгляд, которым он сверлил его во время недавнего допроса. Наконец он спокойно произнес:

– Я профессионал, Франк. Все, я закончил, достаточно. Я снимаю с вас все обвинения.

– Так быстро?... Почему? – обиженно спросил он.

– Повторяю, я профессионал. И не обижайтесь, я не могу верить первому встречному, кто приходит сюда. Этот мир должен быть надежно защищен. Нам не нужны гости.

– Я понял – вы и есть тот Страж Порога.

– Фантазии старика. Я не понимаю этого. А чего не понимаю – в то не верю... К делу. Дойл рассказывал мне о вашем плане – написать книгу и издать ее там.

– Это его план.

– Согласен, план странный. Узнаю старика Дойла. Что может сделать какая-то книга?

– А что натворила его книга? Или вы не верите в ее успех?

– Не верю? Мой отец посвятил ей жизнь. Она изменила ход истории, я видел это. Но что можете вы? Кто вы такой?

– Я?

– Ладно. Это ваше дело. Старику я многим обязан, он позвал меня сюда, спас мою семью, дал нам это убежище, поэтому я выполню его последнюю просьбу. Меня смущает одно. Вы действительно хотите попасть в агентство?

– Не знаю. Наверное, я должен сделать это. Иначе все не имеет смысла.

– Я замечал, что старик в последнее время немного безумен, но хотел задать вам один вопрос – вы сумасшедший?

– Скажите, будь вы на моем месте, зная, что ваша семья осталась там, что только важная информация, которая будет раскрыта, поможет вас обелить, вызволить отсюда, вы сделали бы это?

– Конечно! – не задумываясь, ответил Блэйк. – Но учтите, я военный человек. Я готов ко всему.

– Конечно, – пробормотал Франк. – Конечно же, вы пошли бы, – и с болью и сомнением в голосе воскликнул: – Я должен это сделать!.. Вы сможете мне помочь? В меня стреляли, когда я лишь попробовал отсюда выйти.

– Это мои проблемы, месье Франк. Да, я помогу вам вернуться и попасть в агентство, но уже там вы будете одни. Вы

готовы?

Франк промолчал.

– Вы можете остаться здесь и жить в безопасности. Подумайте, месье Франк.

– Вам нравится в этом Париже? Вам здесь хорошо? Вашей семье, жене, детям?

Блэйк задумался. Он молчал, глядя на карусель, которая кружилась неподалеку. Там сидели взрослые и дети, они с радостью предавались этому развлечению, лица светились беспечными улыбками, слышны были восторженные голоса, смех. И не верилось, что могло произойти нечто ужасное в мире, который находился за двумя деревьями всего лишь в сотне метрах от этого удивительного спокойного места.

– Я многие годы посвятил агентству, руководил многими операциями, свято верил в успех благородного дела, – неторопливо заговорил он. – Семьдесят лет назад люди пережили страшную войну, тогда все думали, что повторения не будет, что это невозможно, что урок усвоен навсегда. Европа быстро восстановилась. Казалось, живи и радуйся. Вы не видите, что люди сегодня живут все хуже и хуже. А где-то сидит кучка параноиков, которая сосредоточила в своих руках все деньги мира, банки, природные богатства, средства массовой информации, они имеют контроль почти над всеми правительствами стран. А если кто-то поднимет голову, тот становится неуютным, тогда под любыми надуманными предложениями начинаются войны, перевороты. Эти люди устраива-

ют финансовые кризисы, контролируют все и вся.

– Это все ваша проклятая Америка! Это из-за нее в мире творится хаос. Ваши американцы...

– Только идиот может ненавидеть целую нацию, – гневно перебил его Блэйк. – Никогда никому этого не говорите, Франк. Американцы – замечательные люди, это приветливый, немного провинциальный народ, уставший от трудностей, от постоянной борьбы за кусок хлеба или пиццы, за свой миллион. Не важно – за что. Они такие же, как все. У них была непростая история. А то, что происходит сегодня, не имеет к Америке никакого отношения. Иногда мне даже кажется, что осиное гнездо вовсе не там. То место, откуда я бежал, было лишь, как сегодня говорится, филиалом. Подобных институтов разбросано по всему миру достаточно. Думаю, они есть везде. Агентство набрало силу и теперь это гигантский монстр. Его хозяин – персона, а скорее всего, это группа людей, у которых нет ни гражданства, ни религии, и ничего, кроме денег. А Америка используется, как плацдарм. Именно там полвека назад начинали ставить те дьявольские эксперименты. Именно из нее сегодня делают супердержаву – мирового агрессора, который хочет разорвать мир в клочья. Чем это закончится? Отвечать придется народу. Американцы здесь не причем. Просто люди... нация...

Он снова замолчал.

– Вы слишком любите свою страну, – пробормотал Франк. – Почему бы вам не поехать в свою Америку в этом

мире?

– Потому что есть чертова дыра Рональда Дойла, которая находится здесь, в этом парке. И пока я жив, буду, как цепной пес, ее охранять, чтобы ни одна крыса не проникла сюда.

– Понятно. Это ваша миссия.

– Если вам так угодно.

– Скажите, месье Блэйк, сейчас в нескольких государствах идут войны, почти каждый год происходят перевороты, цветные революции, но все это далеко отсюда. Возможно ли подобное во Франции или в других странах Европы? Вы работали в агентстве, вы должны это знать.

– Да!

– В самом центре Европы?

– Где угодно. В любой точке мира. Они не пожалеют даже Америку. Им нужен хаос.

– Зачем?

– Этого я не знаю. Я лишь руководил отделом, выполнял задания, приказы.

– В такое невозможно поверить.

– Понятие “далеко отсюда” – неправомерно. Наша планета – живой организм, который живет по законам природы. И, если у вас на пальце царапина, нельзя закрывать глаза, нужно залить ее йодом, иначе зараза попадет в кровь и распространится по всему телу. Потом общее заражение, гангрена и конец. Нельзя иметь больной левую руку и думать, что это не имеет отношение к правой. Все взаимосвязано, все долж-

но быть в гармонии, а не наоборот.

– Но Франция!.. Сердце Европы!

– Европу уже подожгли. Обложили со всех сторон. Пожар полыхает и на востоке и на юге. «Если загорелся дом соседа, не думай что твоя хата с краю – хотя бы потому что пожар может перекинуться на твой дом». Знаете, кто это сказал?

– Насколько я помню – Теодор Рузвельт.

– Вы образованный молодой человек. Тогда вспомните еще одну историю, которая произошла во Франции полвека назад. 2 мая 1968 года в Латинском квартале, где находятся институты, факультеты Парижского университета, общежития – начинается студенческий мятеж. Студенты требуют какую-то ерунду – открыть то ли факультет, то ли столовку... В общем, не важно – что. Им отказывают. Спустя пару недель в стране начинается хаос. Десять миллионов протестующих, забастовки, демонстрации. “Де Голля – в архив!”, “Прощай де Голль”. Все уже забыли о каких-то студентах. Потом месяцы противостояния и борьбы. 27 апреля 1969 года Де Голль признал поражение и ушел в отставку. Никто и не знал, откуда и кем финансировался этот хаос. Вот вам центр Европы. Ничего не напоминает? Это была одна из первых цветных революций. Только цвета она тогда еще не имела. А Де Голль сделал лишь две ошибки – вышел из НАТО и привез в Америку корабль, набитый долларами, потребовав вернуть его стране золото Франции. Законное право? Этого ему не простили.

– Рональд Дойл рассказывал мне о вас. Он говорил, что в 2001 году вы ушли из агентства, только не сказал почему. Лишь намекнул, что у вас есть какая-то информация. Сейчас я допишу книгу. Хотите, я помещу там ваше интервью?

– Нет.

– Вы не будете рассказывать об 11 сентября?

– Это чудовищно. Люди должны во что-то верить. Есть события, о которых нужно забыть и не вспоминать никогда. Вырвать эту страницу из истории. Нет, не буду.

– Как хотите.

Блэйк внимательно на него посмотрел.

– Значит, вы все-таки решили туда идти? Уверены? Наступит момент, когда назад дороги не будет.

– Да, месье Блэйк, уверен. А почему вы спрашиваете? Вы думаете, что я на это не способен? Кстати, как вы поняли, что я не являюсь засланным шпионом?

Блэйк улыбнулся.

– Вы меня извините, Франк, но у вас трясутся руки от самых простых идиотских вопросов. Вы не готовы к такой работе. Я не знаю, как вы справитесь со своей задачей. Может, передумаете?

– Нет.

– Хорошо. Рональд говорил, что вам понадобится сколько-то времени, чтобы дописать досье..., то есть донесение..., тьфу, то есть книгу. О каком сроке идет речь?

– Мне нужна неделя.

– Неделя. Окей! За это время я сделаю вам новые документы и подготовлю операцию. Работайте, месье.

– Хорошо, – и они крепко пожали друг другу руки. Блэйк встал, желая уйти, вдруг спросил:

– На какое имя делать паспорт – на Франка или на Жиранфа?

– На Луи, – улыбнулся Франк.

– Я знаю, кем вы теперь станете, – улыбнулся Блэйк, – внуком Рональда Дойла. И тогда все двери для вас будут открыты.

– Вы уверены, что о нем еще помнят в агентстве?

– Там его боготворят!

33

Он стоял на пороге своей квартиры... ее квартиры и переминался с ноги на ногу.

– Луи?! Здравствуйте! Проходите, что вы тут стоите? – и Жоан посмотрела на дорожную сумку, которую Франк держал в руках. Он успел заскочить за ней в дом Дойла, взял рукопись, такси отпускать не стал и тут же приехал сюда.

– Здравствуйте, Жоан. Я пришел сказать, что мое интервью окончено и скоро я должен буду возвращаться назад.

– Вы пришли попрощаться? Это очень мило с вашей стороны.

– Не совсем... Мне нужно подготовить материал, на это

уйдет неделя, и тогда я уеду. А пока я поживу в отеле. Приехал, чтобы сказать вам это.

– А где вы жили все это время? – удивилась она.

– У писателя.

– Он вас выгнал?

– Нет. Он... Я сам ушел.

– Живите у меня, – просто сказала она.

– Это не очень удобно.

– Удобно. Чувствуйте себя, как дома. Только у меня нет компьютера – я не успела договориться с центром космических исследований, и с военными тоже не успела, – а в глазах ее сверкнули веселые огоньки.

– Я итак вам уже надоел своими внезапными визитами и выходками.

– Оставайтесь. Тем более что сегодня вы похожи на человека. Вижу, что вы не попали под снегопад, хотя на улице пятнадцать градусов тепла и весь Париж завалило снегом. Вы не взорвали Стекланную Пирамиду, которая пока не построена на площади у Лувра. Нет? Сегодня вы ее не взрывали?

– Нет.

– В вас не стреляли?

– Нет.

– И воинственный Прованс под вашим началом не объявил никому войну? Вы не бомбили Югославию или какое-нибудь другое неудобное государство?

– Не бомбил.

– День прошел на редкость спокойно, Луи. Я бы даже сказала, скучно и серо.

– Да уж.

– Тогда, последний вопрос – вы не съели всех моих животных в зоопарке?

– Нет... Не всех.

– И даже не объелись отвратительными бургерами с листьями салата, котлетой, огурчиком и что там кладется еще? Вижу, ваше лицо не перепачкано майонезом.

– Все припомнили?

– Да, – с невинным детским удовольствием улыбнулась она.

– Признаться, сегодня я даже не успел позавтракать.

– А вот это похоже на правду, по вам заметно. Проходите, Луи, я рада, что вы пришли.

– Я вас не стесню?

– Нет.

Через полчаса он закончил обедать и теперь сидел, о чем-то размышляя. Напряжение спало, и он смог расслабиться после ужасного дня. В этот момент ему показалось, что находится у себя дома и никуда не уходил. Не было того кошмара, который продолжался целый месяц. Ничего не случилось. Ему было хорошо и удивительно спокойно. Через мгновение на кухню влетят дети, устроят свалку, начнут друг с дружкой

кой возиться, кричать. Жоан успокоит их, усадит за стол, накормит. Потом все оденутся и куда-нибудь пойдут. День выдался очень теплым и можно будет немного погулять. А потом наступит вечер. Они вернутся домой. Потом ночь. Наконец он обнимет Жоан. Как давно он не был с ней рядом, как он соскучился по ней... Но пришел в себя и понял, что это лишь мираж, сказка. Ужас ждал его впереди, и деваться было некуда. А, может быть, остаться здесь навсегда? Рядом женщина, которую он любит. А она? Не гонит, значит, и он ей интересен. А дети? А та Жоан? А его Париж? Что будет с ними?... Нет. Он должен туда идти. Сможет ли? Получится ли?

Франк очнулся от своих мыслей, снова обратив внимание на Жоан. Пока он ел, она внимательно с удовольствием на него смотрела, наконец, он заметил этот взгляд. О чем она думала, он не знал, но сейчас это было не важно. Вдруг спросил:

– Жоан.

– Да?

– Представьте себе, что где-то есть некая организация, гигантская корпорация, которая абсолютно засекречена.

– Та-а-ак, – очнулась она.

– А редакция мне поручила туда проникнуть и сделать репортаж.

– Понимаю.

– Меня доставляют в это место, и я остаюсь один. Мои

провожаемые уходят, они больше ничем не могут помочь. Передо мной огромное круглое здание с множеством входов. Остается перелезть через забор, скорее всего, разрезать кусачками колючую проволоку и пройти на территорию. Потом забраться в само здание. Как? Не важно – как. Все это ерунда. А теперь главное. Там сидят страшные люди. Они владеют многими секретами, устраивают перевороты и войны по всему миру, это абсолютно секретная организация, которую до сих пор не смог разоблачить никто. Но я должен туда проникнуть и увидеть все собственными глазами. Мне поручила редакция, понимаете? Должен! Жоан, как вы считаете, на ваш сторонний взгляд, я справлюсь с этим?

Он выпалил все это на едином дыхании, замолчал, вдруг заметил изумление в ее глазах.

– Простите меня, – очнулся он. – Вы думаете, что я сумасшедший, – прошептал Франк.

– Нет, Луи. Я так не думаю.

– Неправда.

– Я хотела...

– Не продолжайте. Еще раз простите меня.

– Луи, вы спросили, я отвечу на ваш вопрос. Вы не сумасшедший, – повторила она. – Вы странный, удивительный человек. Таких почти не бывает. Обычно люди спокойно равнодушно шагают по жизни, радуются или грустят, выполняют свои нехитрые обязанности. Вы другой. Как вам это объяснить? Вы не равнодушный. Вы не проходите мимо. На

вас лежит какая-то печать. Наверное, таких называют героями. Одни выполняют свою работу, другие – миссию. Вы все время должны кого-то спасать. Может быть, целый мир. Иначе вы не можете. И даже если спасти некого, вы все равно найдете и спасете.

– То есть, ненормальный, – усмехнулся Франк.

– Дон Кихот был ненормальным?

– Нет.

– Это я и хотела сказать.

– Но раньше я таким не был.

– Не знаю, что было раньше, но вы такой.

– Значит, вы думаете, что я должен туда идти?

– Куда? – удивленно спросила она. Потом просто ответила, – да. И чтобы вы ни делали – у вас все получится, Луи.

34

Всю неделю он работал. Он начал писать книгу с того момента, когда на проклятой скамейке встретил проклятого Дойла. Потом перечитывал, рвал бумагу и начинал все с самого начала. Он никогда столько не писал, и сейчас, понимая, какая на нем лежит ответственность, истязал себя этим ужасным творчеством. Так продолжалось два дня, а результата никакого. Наконец, вспомнил слова Дойла: “Пиши короткими предложениями. Ты должен писать примитив. Иначе читать тебя не будут”. Тогда он взял чистый лист бумаги и

без особых литературных изысков начал пересказывать, слушавшуюся с ним историю. Скорее всего, Доул был прав, – думал он, вспоминая, какого пошиба современную литературу приходилось читать за последнее время. Действительно – примитив, убожество. Зато популярное убожество, известное на весь мир. К его удивлению дальше все пошло легко и просто.

По вечерам Жоан возвращалась домой, они обедали и шли куда-нибудь гулять. Жоан была рядом, она спасала его от сумасшедшей работы, и ему было с этой женщиной удивительно хорошо. Однажды он ее спросил:

– Жоан, можно я позвоню?

– Конечно, Луи. Зачем вы спрашиваете, вон телефон.

– Нет, не так. Мне нужна ваша помощь. Я наберу номер, но говорить не стану, а вам дам трубку. Мне нужно просто услышать голос одного человека. Вы ему что-нибудь скажете, а я послушаю по параллельному аппарату. Вы поможете мне?

Жоан несколько не удивилась, видимо уже привыкла к его выходкам и сразу же ответила:

– Конечно, Луи, – на мгновение задумалась и спросила, – как зовут вашего человека?

– Клод.

Франк набрал номер и протянул ей трубку.

– Это, месье Клод? – спросила она. Франк хотел уйти в другую комнату ко второму аппарату, но она его жестом

остановила.

– Месье Клод, извините за беспокойство. Вам звонят из телефонной компании, мы проверяем качество связи. Не могли бы вы что-нибудь рассказать или прочитать абзац из какой-нибудь газеты?... Франс Суар? Конечно, подойдет. Вы готовы? Я слушаю вас, – и она протянула трубку Франку. Потом отошла в сторону и с изумлением наблюдала за тем, как менялось выражение лица Франка. В какой-то момент у него на глазах навернулись слезы. Он стоял и слушал несколько минут, потом посмотрел на нее и растерянно протянул трубку, которую она мгновенно взяла.

– Да, месье Клод... Я вас очень хорошо слышала. Спасибо. Всего доброго, месье Клод, – и положила трубку. Спрашивать его она ни о чем не стала.

Прошла неделя. Франк не успевал, а времени оставалось совсем немного. Через сутки он навсегда покинет этот удивительный Париж и отправится в агентство, а не дописано еще было несколько глав. Всю ночь он просидел за рукописью. Утром Жоан проснулась, накормила его завтраком и уехала на работу, а он снова сел к столу, продолжая работать. Уже едва соображал, голова шла кругом, наконец, закончил. Оставалась одна глава – последняя, и тогда книга будет готова. А глава эта будет об агентстве. И тут его охватил ужас. Только теперь он понял, что все только начинается...

Был полдень. Яркое солнце светило в окно. Ничто в этом

городе не напоминало о скорой зиме, о холоде, о чертовом агентстве, куда он скоро отправится. Франк смотрел в окно и наблюдал за людьми, спокойно шагающими по тротуарам. Смотрел на солнце, на деревья, которые колыхались на легком ветру, отбрасывая длинные тени. И не верилось, что может быть иначе. Как спокойно было в этом Париже, как удивительно хорошо. Может быть, остаться здесь? – в последний раз мелькнуло в голове. НЕТ! Он упал на диван и провалился в глубокий сон.

Сколько проспал – он не помнил. Проснулся, услышав какие-то звуки, открыл глаза и понял, что уже вечер. В комнате было темно, а на столе тускло горела лампа. Вдруг увидел Жоан. Она сидела за столом и читала рукопись, а по щекам ее текли слезы. Она была удивительно красива. Он не стал ничего говорить, продолжая ее разглядывать. И вдруг возникло непреодолимое желание – подойти, обнять, крепко держать ее и больше не выпускать никогда. Наконец, она заметила, что он проснулся и воскликнула:

– Простите, Франк. Я без спроса взяла это. Простите меня.

– Вы прочитали до конца?

– Да... Какой ужас.

– Вы верите этому?

– Да.

Какое-то время оба молчали, потом она тихо спросила:

– Когда?

– Сегодня ночью. В четыре часа за мной заедет Блэйк.

– Вы окончательно решили туда идти?

– Да, – ответил он. Жоан встала, сделала несколько шагов по комнате, вдруг подошла к нему. Она взяла его за руку.

– Пойдемте, – и увлекла его за собой. Через мгновение они оказались в спальне. Она положила ему руки на плечи. Франк оцепенел.

– Обнимите меня, – услышал он.

– Я не могу. Так нельзя.

– Я так хочу. Идите ко мне, – настойчиво произнесла она.

Крепче вцепилась в него и привлекла к себе, поцеловала. Больше Франк не помнил ничего. Нет, помнил – руки, которые он так любил когда-то, эти волосы на подушке, и еще эти глаза. Они мерцали в серебряном отблеске Луны, и больше думать он не мог ни о чем. И не хотел...

– Зачем мы это сделали? – тихо произнес он. Они лежали на скомканной простыне и смотрели на занавеску, которая от легкого ветерка колыхалась в оконном проеме. Жоан долго молчала. Потом ответила:

– Я хотела, чтобы вы знали – ваша Жоан любит вас... Когда-то давно в старину мужчины уходили на войну. Их жены были с ними рядом. И как бы потом не было тяжело, они должны были вернуться, потому что всегда помнили эту ночь – последнюю. Им было за что держаться.

– Но я Франк, а не Луи. И моя Жоан осталась в том Париже. Если она прочитает эту книгу...

– ...то поймет меня. Я и есть сегодня твоя Жоан. Ты испытываешь угрызения совести?

– Почему-то нет. Так странно.

– Я должна была это сделать, я хотела этого. Я люблю тебя, Франк. С первой минуты, как я увидела тебя, поняла это. Господи, если бы ты знал, как долго я тебя ждала.

– Что ты будешь делать потом? Завтра.

– Не знаю. Теперь мне все равно... Как это странно – параллельный мир. Как такое можно понять и объяснить?

– Наверное, это когда мир в какой-то момент раскалывается на две части, одна из них уходит в сторону и существует по каким-то своим законам. По новым законам. Но происходит это с чьей-то помощью, по чьей-то воле.

– Получается, что я живу в мире, который создал Рональд Дойл, – задумчиво прошептала она.

– Наверное, это так. По-своему он гений, не каждому дано создать целый мир.

– Но каждый может хотя бы попробовать. Твой писатель повернул ход истории, потом нашел дорогу сюда. Ты это делаешь – сегодня ты пойдешь туда и попытаешься что-то изменить. Я тоже хочу свой маленький Париж.

Франк промолчал.

– Я хочу быть с тобой. Я так долго тебя искала, наконец нашла и снова теряю... А кому мы тогда звонили? Месье Клод – твой отец?

– Да.

– Оставь свой адрес в Провансе. Пожалуйста, он мне очень нужен. Я найду тебя снова уже там. Ты ведь меня не будешь ревновать?

– Как Серж? Буду. Как ревновал бы к своему отражению в зеркале. Там тоже настоящий мир, параллельный, настоящие живые люди, но эти люди – мы... А что ты скажешь Луи?

– Расскажу эту историю.

– Он подумает, что ты сумасшедшая.

– Ничего. Я терпела весь этот месяц одного сумасшедшего, понимала его, верила, любила. Теперь пусть терпят меня. Нет, не терпят – любят, – и она провела рукой по его волосам.

– Он будет любить тебя, я знаю это точно. Он ждал тебя все эти годы, поэтому до сих пор один... Ты больше не просишь меня остаться?

– Я прочитала твою книгу. Ты все равно туда пойдешь... Уже пора? – спросила она, заметив, что он посмотрел на часы.

– Да.

– Я провожу?

– Нет.

– Хотя бы до подъезда.

– Нет.

– До свидания, мой хороший. Мой Франк.

– До свидания, Жоан. Найди Луи. Он уже много лет ждет тебя... Спи, Жоан. А завтра ты проснешься и поймешь, что все это был сон. Просто сон.

Ровно в четыре часа он вышел из дома. В эту же минуту к подъезду подъехала машина. Франк обернулся, бросив прощальный взгляд на окна своей квартиры, и в темном проеме увидел Жоан. Она смотрела на него. Больше он не мог ее видеть, как не мог видеть и свой дом, это было выше его сил. Англичанам легче, – вспомнил он, сел в машину, и та резко сорвалась с места. За рулем находился незнакомый человек, который за всю дорогу не проронил ни слова. Очень скоро они подъехали к парку. Блэйк ждал его на знакомой скамейке.

– Вы готовы? – спросил он.

– Да. А почему вы, месье Блэйк, выбрали такое странное время – ночь?

– Потому что днем здесь гуляют дети, черт возьми, – ответил тот.

– Ну и что?

– А вы не понимаете?... Вот ваш паспорт. Зовут вас Дойл. Чарльз Дойл. Теперь вы внук великого писателя. Там вас встретит один человек, с которым я многие годы работал. Он дослужился до глубокой старости и ушел в отставку. Сведет он вас с одним высокопоставленным сотрудником, который по сей день там служит. Он и проведет вас в агентство. Обо мне, как понимаете, ничего говорить ему не нужно. Леген-

да – вы, внук знаменитого писателя, решили принести пользу обществу и работать в агентстве. Дальше все будет зависеть от вас. Надеюсь, английский вы знаете хорошо.

– Конечно.

– Дайте мне ваш прежний паспорт.

– У меня только права.

– Давайте... Теперь телефонный аппарат.

– Зачем? Это подарок жены.

– Вы хотите, чтобы каждый знал, где вы находитесь?

Франк вынул из кармана телефон и отдал Блэйку.

– Вопросы есть?

– Меня там знают. У них есть мои фотографии, что помещает им меня разоблачить?

– Вами занимался отдел, с которым вы не будете иметь контакта. Агентство – огромная организация, где работают тысячи, у них множество офисов, вас не могут знать все. Людям, с которыми вы будете общаться, до вас нет никакого дела. Для них вы Чарльз Доул – внук великого писателя. Никому и в голову не придет вас проверять. Еще возьмите это.

– Что это? – и Франк с удивлением посмотрел на маленький пакетик, который тот ему протянул.

– Откройте и посмотрите... Осторожно, не нажимайте. Это капсула. Если понадобится, нужно положить ее в рот и раскусить. Делается это очень просто. Вы ничего не почувствуете, через две минуты все закончится...

Франк, ничего не ответив, положил капсулу в карман.

– Все, Франк. Вы готовы?

– Да.

Блэйк махнул рукой, и из глубины парка появились какие-то люди. Их было человек десять. Блэйк с Франком приблизились к ним и на полпути остановились.

– Дальше я не пойду. Вас проводят. Он дал знак и люди, ждавшие его команды, прошли знакомым маршрутом – повернули направо, потом налево и скрылись между двумя высокими деревьями. Франк хотел идти за ними.

– Стоять, – рявкнул Блэйк, взяв его за рукав. Прошло две минуты и из темного проема между деревьями появились два человека.

– Чисто! – крикнул один из них.

– Ранен? – крикнул ему Блэйк.

– Ерунда. Плечо, – ответил тот. – Могло быть хуже – с погодой повезло.

– В машину, – скомандовал ему Блэйк, – все Чарльз Дойл, идите! Удачи!

И Франк, не оглядываясь и петляя, направился к высоким деревьям, где его ждали. Через мгновение эти двое скрылись в темноте.

Сделав всего лишь шаг, Франк попал под жуткий ливень. Теперь он понял фразу – “с погодой повезло” – видимость была ужасная, дождь лил стеной. Неподалеку увидел двух людей, которые лежали на мокрой траве без движения.

– У нас ровно две минуты. Пока им не пришла помощь, нужно успеть добежать до выхода, – услышал он голос провожатого. – Быстрее!

Франк бежал, что было сил. Уже задыхался, а до выхода оставалось еще очень далеко.

– Почему нельзя было подогнать машину ближе?

– Еще быстрее, – перекрикивал шум ветра и ливня его провожатый, – потому что в парке камеры. Засекут машину, через два квартала догонят.

Франк продолжал нестись. Только теперь он понял, каким огромным был этот парк. Вот уже показались массивные чугунные ворота, он вылетел на дорогу, через мгновение прыгнул в какую-то машину, которая тут же сорвалась с места и быстро набрала скорость, еще немного, и они уже мчались по улицам Парижа, а издалека слышались звуки выстрелов. Видимо, люди Блэйка, которые прикрывали его побег, в эту минуту уходили от погони, спасаясь в своем убежище. Но Франка это больше не касалось. Он вырвался из того странного Парижа, он был жив и не пострадал. Пока все шло хорошо.

Как это странно – бежать от людей, к которым завтра придешь сам, – подумал он. Только теперь заметил, что водитель, который мастерски управлял машиной, был пожилым человеком. На вид ему было лет семьдесят. Вдруг Франк спросил:

– Вы не боитесь, что потом они найдут вас?

– Старине Блэйку я обязан жизнью, – ответил тот. – Я не мог ему не помочь.

– А теперь он вас подставляет?

– Не совсем. Завтра, пока вы будете на своей экскурсии, я выпью стаканчик газировки, прокачусь на карусели и пойду к нему в гости. Он давно меня звал к себе, говорил, что там чертовски хорошо. А здесь у меня никого не осталось.

Он немного подумал и спросил, – там действительно хорошо?

– Для человека, которого в этом мире больше ничто не держит, да. Слишком хорошо... Что же будет с тем, кто меня проведет в агентство?

– Мне наплевать. За ним должок, и он обещал помочь, остальное меня не касается. Впрочем, этот выкрутится. Он занимает высокий пост, к тому же, там такой бардак, постоянные утечки информации, сейчас только ленивый не знает, что агентство существует. Оно так разрослось, что скоро не сможет оставаться в тени. Да и зачем что-то скрывать – еще немного и все закончится.

– Закончится?... Как?

– Победой демократии! – и старик громко захохотал.

– Скоро? – вздрогнул Франк.

– Очень скоро. Мой вам совет, юноша, если вы в дружбе с Блэйком, берите свою семью и бегите отсюда. Больше здесь делать нечего. А ваша прогулка в агентство ни к чему не приведет.

– Спасибо за совет, – пробормотал Франк.

– Приехали, – сказал тот, остановив машину. – Вот ключи от номера, он оплачен на сутки. Вот деньги. Переночуете в этом отеле. С вами свяжется некий Роджер Донован. Милейший обаятельный человек. Кстати, большой шутник. Он и будет вашим экскурсоводом. Все, удачи, может быть, когда-нибудь еще увидимся.

– Может быть, – пробормотал Франк.

Остаток ночи он провел в полудреме. Постоянно просыпался, хотелось вскочить, куда-то бежать, снова пытался заснуть, но все было тщетно. Тогда открыл глаза и уставился в потолок.

Герой. Какой он герой? И почему он должен спасти целый мир? Как его спасти? Он один. Совершенно один, и даже проклятый Дойл его бросил. А если завтра его раскроют? Он не умеет вести себя в подобных ситуациях – так говорил Блэйк, а он знает в таких делах толк. Что же делать? Капсула?... Бежать. Куда? К Блэйку. И остаться там навсегда? Герой!.. А дети, а Жоан? Скоро все закончится, – вспомнил он слова провожатого. И тут он понял, как давно не видел своих детей, мысленно заглянул в глаза дочери, сыну, потом Жоан. Он больше не мог без них. Может быть, увести их к Блэйку? А как он все объяснит жене – она решит, что он сумасшедший. Допустим, он сумеет ее убедить – познакомит с Блэйком, ему она поверит точно. А Париж? А Прованс, где

прошло его детство? А дом, где осталась его мать? Нет! Он должен ехать туда. А что дальше?...

Но думать сейчас об этом не хотелось. Всему свое время. Главное, как говорил старый Дойл, посмотреть им в глаза. Все это мгновенно промелькнула у него в голове, и Франк провалился в глубокий сон...

36

Очень скоро его разбудил телефонный звонок. Он вскочил и снял трубку.

– Господин Чарльз? – услышал он.

– Да.

– Ровно в 14.00 я за вами заеду, спускайтесь в холл. Возьмите все самое необходимое. До встречи!

Оставалось пятнадцать минут. Необходимое? Что ему было необходимо? Франк взял дорожную сумку, а больше у него ничего и не было. Хотел уже идти, вдруг полез в карман и достал заветную капсулу. Вынул ее из чехла и долго внимательно разглядывал. Потом снова положил в карман и вышел из номера. Самое необходимое у него было, – подумал Франк.

В холле его ждал человек. Он молча дал знак, они вышли из гостиницы, сели в машину и тронулись в путь.

– Вы Роджер Донован? – после продолжительной паузы спросил Франк.

– Я везу вас к Роджеру Доновану, – ответил тот. Больше за всю дорогу он не проронил ни слова. Пока они ехали, Франк зачем-то несколько раз сунул руку в карман, проверяя – на месте ли капсула. Та спокойно лежала в кармане пиджака. Через час они приехали. Это был маленький аэродром, где не нужно было проходить досмотра и регистрации. Его подвезли прямо к трапу небольшого самолета, который стоял на взлетной полосе, и Франк поднялся в салон. Это был грузовой военный борт, в котором перевозили какие-то коробки, и где было всего пару рядов пассажирских сидений, которые никто не занимал. Кроме пилотов в самолете не было никого. – Вы готовы? – спросил его человек в военном кителе, появившийся из кабины пилотов.

– Вы Роджер Донован? – после продолжительной паузы спросил Франк.

– Я везу вас к Роджеру Доновану, – ответил тот и дверца за ним закрылась. Франк огляделся. Здесь даже не было иллюминаторов. Как в металлическом гробу, – подумал он. Самолет тронулся с места, легко оторвался от земли и быстро набрал высоту. Франк зачем-то снова несколько раз сунул руку в карман, проверяя – на месте ли капсула. Та спокойно лежала в кармане пиджака. Какое-то время он мучил себя сомнениями, воспоминаниями и не заметил, как уснул. За последние сутки он спал часа два, не больше, и безумно устал. Сколько проспал, он не помнил. Вдруг очнулся, почувствовав, что самолет трянуло. Турбулентность – понял

Франк. Он не любил летать. Он боялся высоты и с трудом переносил эту качку. Самолет продолжало раскачивать в разные стороны, он, то проваливался вниз, то подскакивал наверх. Так продолжалось какое-то время. Вдруг из кабины показался знакомый пилот.

– Мы летим в Америку? – спросил Франк.

– Мы летим в ад, – ответил тот. Франк заметил, что за спиной у него парашют. Зачем? Он не успел задать этот вопрос, как военный протянул ему такой же и крикнул:

– Надевайте!

– Простите? – изумился Франк.

– Быстро, мистер Дойл.

– Что случилось? – воскликнул он.

– Нас атаковали, горит двигатель.

– Кто атаковал? Где мы находимся? – закричал он. Вдруг почувствовал, что самолет резко теряет высоту.

– Но я...

– Быстро, я сказал.

– Я не умею...

Военный бросился к нему и пристегнул лямки парашюта на его груди.

– Но я не умею на нем...

И тут в салон ворвался пронзительный шум – пилот открыл дверь.

– Когда я скажу – прыгайте как можно дальше от борта. Досчитаете до двадцати и дерните это кольцо.

– Но я не могу!

– Тогда оставайтесь здесь!

– Здесь? Хорошо!

– Придурок!.. Сможете! Иначе разобьетесь!

– А сумка. Моя сумка?! – и Франк в ужасе вспомнил, что там осталась рукопись.

– К черту сумку, мистер Дойл. Она вам больше не понадобится. Возьмите!

– Что это? – крикнул Франк, увидев пистолет. – Зачем?

– На всякий случай, – пилот сунул пистолет в кобуру, которая висела на одной из лямок парашюта, и застегнул ее.

– Но я не умею...

– Не забудьте снять с предохранителя! – крикнул тот. – Пошли!

– Куда?

– Туда! – уже орал он.

– Но я не могу-у-у!!!

И тут Франк почувствовал сильный толчок в спину. Через мгновение он вылетел из самолета и провалился в пустоту.

Ветер свистел в ушах, он нещадно лупил его по всему телу, выдувал мозги, и душу, и всю его жизнь. Такого он не испытывал никогда. Вдруг почувствовал, что кубарем летит вниз и кружится. Но так парашют может не раскрыться – нужно вытянуться! – понял он. Нужно остановить это вращение. Нужно сосчитать до двадцати. Нужно дернуть за кольцо. Какое кольцо? Где оно? Как за него дергать? Уже два-

дцать!!! А-а-а!

Сильный удар. Его словно подхватили под мышки, стянули крепким ремнем за талию, и тут он увидел, как огромный купол над головой закрывает ему солнце. Он жив! Слава богу, пока он жив, он летит! Куда? В ад! – вспомнил Франк и увидел еще один парашют, который раскачивался неподалеку. Под ним висел пилот самолета, того самого, где оставалась сумка с рукописью. Самолета, который очень скоро врежется в землю и сгорит. Какой кошмар. Но думать сейчас об этом не имело смысла...

Франк не помнил, сколько продолжался полет. Какое-то время он безвольно висел на прочных ремнях с закрытыми глазами, наконец заставил себя их открыть. Перед ним расстилались бескрайние поля и холмы, а вдалеке виднелась кромка моря. Или океана. Он не представлял себе, в каком направлении они летят и где приземлятся. Снова посмотрел на пилота. Тот подавал какие-то знаки, но Франк его не слышал и не понимал, а земля стремительно приближалась. Оставались еще несколько сотен метров, и он коснется зеленой травы, которая покрывала небольшую возвышенность. Туда их и сносило. Вдруг Франк с ужасом почувствовал, как рядом раздаются какие-то звуки. Он вновь посмотрел на пилота и увидел, что тот держит в руке маленький автомат и стреляет. Перевел взгляд на землю и заметил людей, которые быстро поднимались на холм, ведя прицельный огонь. Они стреляли в них. Сейчас в него попадут, и безвольное про-

стреленное тело приземлится в незнакомом месте на чужой земле. А Жоан никогда не узнает, как он погиб. Он никогда больше ее не увидит и детей не увидит. Никого! Пистолет! У него есть пистолет. Хотел выхватить его из кобуры, но волю парализовало, а выстрелы раздавались все ближе.

Он грохнулся на землю, а сверху его накрыло парашютом. На какое-то время потерял сознание. Не помнил, сколько находился в забытьи, вдруг рядом услышал грохот выстрелов и очнулся. Чьи-то руки срывали с него лямки, его освобождали от плена большого парашюта, в котором он тонул целиком. Наконец увидел лицо знакомого пилота.

– Где ваш пистолет? – закричал тот, – доставайте.

Он выхватил из кобуры оружие и заметил неподалеку людей, которые приближались к ним.

– Стреляйте! – крикнул пилот, выпуская по противнику короткую очередь. Франк тоже наставил пистолет на человека, который был метрах в ста, и нажал на курок. Ничего не услышав, снова нажал.

– Сними с предохранителя, придурок, – услышал он голос пилота. Он не знал, где предохранитель, он никогда не держал в руке пистолет. Пилот вырвал из его рук оружие, перевел какой-то рычаг и вернул назад.

– Стреляй! – снова услышал он. Франк опять закрыл глаза, вытянул руку и нажал на курок, в ладонь ему больно ударило, руку едва не вывернуло наизнанку. Потом открыл глаза и увидел человека, который стоял, покачиваясь на коле-

нях, а на лбу у него виднелось красное пятно.

– Молодец! – услышал он голос пилота. Тот снова дал короткую очередь, и два бойца, которые были совсем близко, упали навзничь. Но присмотрелся – людей внизу на склоне холма уже было очень много – несколько десятков. Теперь они не бежали, а, пригибаясь, короткими перебежками и ползком поднимались все выше, приближаясь к ним, а со всех сторон слышался невероятный грохот.

– Обложили, – услышал Франк. Вдруг заметил, как пилот вскрикнул, тело его обмякло и безвольно упало на траву. Теперь он оставался один на один с толпой врагов, которые приближались. Еще минута, еще какие-то секунды и наступит конец. А если он попадет в плен? Если его будут пытаться? И кто эти люди? Где он находится? Чего от них ждать? Все мгновенно промелькнуло в голове. Пулю в лоб. У него есть пистолет. Поднести его к виску и выстрелить. Он не может сдаться просто так! И почему он должен гибнуть за какое-то агентство? Проклятье. А люди в одеждах спецназа приближались.

Вдруг Франк увидел, как несколько бойцов, которые были уже совсем близко, словно подкошенные, упали навзничь, а остальные залегли в траве. Он оглянулся, ничего не понимая. И тут прямо над головой увидел вертолет, а мощная струя воздуха ударила с небес. Из боевой машины торчали дула автоматов и поливали окрестности огнем. Они убивали его врагов, они спасали его жизнь! Уже видел глаза его пресле-

дователей, которые в жутких страданиях умирали неподалеку – для вертолета на этом холме они были, как на ладони. Наконец, вертушка приземлилась на вершине холма, а оттуда высунулся человек в камуфляже, который что-то кричал и махал ему рукой. Больше Франк не думал ни о чем. Он стремительно вскочил, бросился к открытой двери, через мгновение оказался в салоне, и вертушка взмыла в вышину. Он спасен! Кошмар был позади...

Пришел в себя и огляделся, заметив нескольких человек в одеждах десантников. Они сидели, сжимая автоматы, и молча на него смотрели. Один из них был без оружия, был старше остальных, и на нем виднелась офицерская форма.

– Вы Роджер Донован? – после продолжительной паузы спросил его Франк. Тот немного помолчал и коротко ответил:

– Я везу вас к Роджеру Доновану, – больше он не произнес ни слова.

Полет продолжался минут двадцать. Франк не смотрел в окно, он боялся высоты и все еще не мог прийти в себя. Знал только одно – он спасен. Эти люди ему не причинят вреда, они чудесным образом помогли ему выжить, а теперь молчали. Наверное, бойцы спецназа всегда такие – сильные молчаливые парни. Впрочем, он и сам говорить сейчас не мог. А глаза убитых все возникали в его памяти, особенно человека, в которого он стрелял. И снова явственно увидел черную дыру у него на лбу.

– Он только что убил человека, – подумал Франк...

– Молодец! – звучало в ушах последнее восклицание пилота, который остался лежать бездыханно на холме, обдуваемом со всех сторон ветрами. Он помнил, как тот упал на спину, а в месте, где должно биться сердце, растекалось огромное бурое пятно.

– Молодец! Молодец! Молодец! – билось в его висках.

Наконец они приземлились. Франк вместе с остальными соскочил с борта и упал прямо на землю. Его стошнило. Но скоро пришел в себя. К нему подошел незнакомый человек.

– Мистер Чарльз Дойл? – спросил тот.

– Да! – в полубморочном состоянии ответил он.

– Пойдемте.

Франк огляделся, заметив, что приземлились они в пустынном месте. Неподалеку виднелась какая-то техника – машины, пару вертолетов и здание с вышкой, которое по видимому было аэропортом. Рядом стоял небольшой ангар. Туда они и направились. Человек открыл дверь, и они зашли в просторное пустое помещение.

– С прибытием, – воскликнул тот и уставился на Франка.

– Вы Роджер Донован? – после продолжительной паузы спросил его Франк. Тот немного помолчал и коротко ответил:

– Нет.

Пауза затянулась. Наконец человек заговорил:

– Откуда террористам стал известен маршрут нашего сле-

дования?

– Не понял?

– Не понял?... И мы не поняли, кто им дал время и маршрут полета! Они сбили наш самолет.

– Но я...

– Потом нас встретил отряд их бойцов. Мы едва успели выслатить вертолет. Мы потеряли нашего пилота! Отвечайте, Чарльз Дойл. Или кто вы есть на самом деле! Быстро отвечайте, черт возьми!

Франк в ужасе смотрел на этого человека.

– Я не понимаю, – пробормотал он.

– Сейчас придут ребята из спецотдела, вы знаете, что ждет вас потом, но прежде я хочу услышать, кто вы такой и на кого работаете? Пилот, который погиб по вашей вине, был моим другом. Быстро говори – кто ты! Чарльз? Ты по-английски говоришь хуже, чем я на французском. Из какой ты организации? Ты будешь говорить?

Франк сунул руку в карман пиджака и с ужасом понял, что капсулы нет. После того ужасного приземления из его карманов исчезло все. Нет, паспорт, который был застегнут на молнию во внутреннем кармане, сохранился, но что толку. Его не съешь. Значит, все не закончится через пару минут. Все только начинается.

– Что ты ищешь? У тебя есть оружие?

– Нет, – и вспомнил, что пистолет он отдал людям в вертолете.

– Нет? – и грубо начал его обыскивать. Потом схватил за шиворот и потащил к дальней стене ангара.

– Ты будешь говорить, – рычал тот. – Пока ребята из отдела не начали резать тебя на лоскуты, ты скажешь мне все.

Он накиннул ему на шею веревку, крепко связал руки, потом отошел в сторону и взял брандспойт, к которому был присоединен шланг.

– Знаешь, что это такое? Хочешь попробовать, как эта штука работает? – и он повернул рычаг, направив свое оружие на стену. С грохотом брызнула толстая струя, ангар затрясся и задрожал.

– Сначала я тебе переломаю ребра, потом положу на спину и пройду по позвоночнику. Разлетится в дребезги – не соберешь. А потом засуну эту штуку в рот, ты раздуешься и лопнешь, как мыльный пузырь. А кишки твои вылезут наружу. Говори! Отвечай, на кого работаешь!

– Не знаю.

– Говори!

– Не могу.

– Говори!

– Ничего не знаю!

– Ну, получай! – и он пустил мощную струю ему прямо в лицо. Франк закрыл глаза, прощаясь с жизнью. Ничего не почувствовав, открыл их. Струя прошла мимо головы и ударила в стену ангара за его спиной. Вдруг раздался страшный грохот. Больше он ничего не слышал и не понимал. Снова

закрыл глаза. Почувствовал, что кто-то снимает с его шеи веревку, развязывает руки, куда-то тащит.

И тут яркий солнечный свет ударил в глаза, он в ужасе их открывает и видит перед собой толпу людей. Они с радостью на него смотрят, что-то кричат, аплодируют. Аплодируют ему!

– Bravo! Чарльз Дойл! Bravo!

Его обступают со всех сторон, жмут руки, тискают, толкают, похлопывают по плечу, снова кричат:

– Чарльз Дойл! Герой! Внук великого Рональда Дойла с нами! Bravo!

Его окружали милейшие люди. Одеты они были в пестрые одежды, в костюмы и платья, на ком-то были футболки и джинсы, и никакой военной формы и отличий. Лица их светились радостными улыбками. Они искренне радовались за него, и Франку стало рядом с ними хорошо и спокойно, даже весело. После всего пережитого он уже любил этих людей, а они восторгались им. В этот момент он был самым идиотским образом счастлив.

– Ну все, хватит, дайте парню отдышаться, – слышит он чей-то голос и видит перед собой улыбающееся лицо добродушного тучного человека маленького роста. Все отступают на несколько шагов, и Франк постепенно приходит в себя.

– Ну, здравствуй, Чарли! Я горжусь тобой, сынок! – восклицает незнакомец и обнимает его.

– Вы Роджер Донован? – спрашивает он.

– Да! Я Роджер Донован. Добро пожаловать на борт! Добро пожаловать в нашу большую семью! С почином тебя, Чарли! Ты герой. Такие, как ты, нам нужны.

Герой – снова мелькнуло у него в голове.

– Ну все, ребята, работаем! – кричит толстяк, – спасаем планету! По местам!

Он поворачивается к Франку:

– Прошу в святая святых, дружище, – и берет его под руку. Вдруг Франк в толпе замечает лицо знакомого пилота, на гимнастерке у которого большое бурое пятно. Тот подходит, жмет ему руку, улыбается.

– С почином, – говорит он.

– А самолет? Он упал? – спрашивает Франк.

– Вон тот? – и показывает ему на небольшой грузовой борт, который беспечно стоит за ангаром.

– Ваш багаж, – протягивает ему сумку какая-то женщина, – долетел в целости и сохранности, – улыбается она.

– Спасибо, – только и смог вымолвить Франк.

– Ну все, пойдемте, – восклицает Роджер, увлекая его за собой. – После такой прогулки нужно передохнуть. Смелее. Чувствуйте себя, как дома. Сегодня вы были свидетелем наших учений и даже доблестно в них участвовали, поздравляю, – воскликнул он.

– Спасибо, – пробормотал Франк и вспомнил слова провожатого в Париже: “Роджер Донован. Милейший человек. Большой шутник”.

Пока они шли по обширной лужайке, Франк оглядывался по сторонам. Вдалеке был виден высокий забор, который опоясывал огромную территорию. Он был прозрачным, сделанным из прочной сетки. Такую кусачками не перережешь, – подумал Франк, заметив охрану у пункта пропуска. Место напоминало военный объект.

– Серьезная охрана, – воскликнул он.

– Конечно, Чарли! Серьезнее не бывает, – отозвался Роджер.

– А вот и наше гнездышко, – с удовольствием воскликнул он, махнув рукой в сторону, где за небольшим холмом открывалась удивительная панорама. Франк посмотрел туда и замер. Перед ними находилось большое круглое здание, накрытое сверху прозрачным куполом. Оно напоминало цирк, а, может быть, стадион или огромный космический корабль.

– Впечатляет? – воскликнул Роджер.

– Так его себе и представлял, – заморожено прошептал Франк.

– У нас много подобных офисов в различных точках мира, и все они построены по единому проекту. Давняя традиция. Если кто-нибудь поедет в другой филиал – будет чувствовать себя, как дома.

– Наверное, в этом здании множество дверей и выходов?

– А зачем они нужны?

– Ну, как... Такое большое здание.

– Вход у нас только один. И выход тоже, – засмеялся Роджер. – Чем меньше дверей, тем надежнее и крепче засов. Пойдемте, Чарли, – и увлек Франка за собой...

– Добро пожаловать в нашу скромную обитель! Не будем терять времени, заглянем в ресторан, там и поговорим.

Очень скоро они оказались в просторном помещении, заставленном столами и стойками, где на тарелках лежали готовые блюда.

– Оцените наше меню! – весело воскликнул Роджер.

– Я не голоден, – скромно отозвался Франк, – разве что бургер и чашечку кофе.

– Бургер? – и лохматые брови Роджера удивленно поднялись. – Таковую дрянь вы здесь не найдете. У нас есть только полноценная еда, экологически чистая, без всякой генетики. Мы следим за здоровьем сотрудников. Хорошая, безупречная еда! Не стесняйтесь, Чарли. – С этими словами Роджер начал увлеченно заставлять поднос тарелками. Очевидно, аппетит у него был отменный. Франк последовал его примеру, вспомнив, что со вчерашнего дня ничего не ел.

– А где платить? – спросил он.

– Нигде. Все оплачено. Все за счет агентства.

Наконец они сели за столик.

– Для меня это большая честь жать руку самому Чарльзу Дойлу, внуку великого писателя Рональда Дойла! – восклик-

нул Роджер, беря в руки громадного цыпленка.

– Я когда-то читал его книгу. Это шедевр! Она изменила всю мою жизнь...

Пока они обедали, он все время говорил, о чем-то рассказывал. Франк иногда поглядывал на посетителей ресторана и недоумевал. Это были милейшие люди, они дружелюбно друг с другом общались, спорили, смеялись. Иногда, проходя мимо их столика, вежливо здоровались, перекидываясь парой фраз с Роджером. Тот им радостно кивал. Пожимали руку Франку. Казалось, его здесь знали все и были ему рады. В какой-то момент ему показалось, что находится он не на секретном объекте, а в фойе театра, где скоро прозвенит третий звонок, люди пройдут в зал, займут места, достанут программки и будут слушать музыку, смотреть оперу или балет. Здесь витала атмосфера праздника и благополучного безмятежного дня.

Наконец Роджер произнес:

– Я покажу вам филиал, которым руковожу лично. Мой коллега и старинный друг говорил, что вы хотели, так сказать, пройти по стопам деда и служить в нашей организации. Еще он сказал, что вы имеете образование журналиста. В каком направлении вам хотелось бы работать? Если по специальности – у нас мощный информационный отдел.

– Если можно, мистер Роджер, я хотел бы познакомиться и с другими отделами. Может быть, я смогу быть полезным в чем-то еще. Если, конечно, это допускается правилами.

– Правила пишем мы, а чем меньше бюрократии, тем больше толку. У нас работают люди всевозможных специальностей и дарований. И часто бывает так, что сотрудник, работающий в одной области, неожиданным образом проявляет себя в другом, новом для него, деле, и такое приветствуется. Главное – инициатива, работать на идею, проявлять сноровку и талант. А я не сомневаюсь, что талантами внук самого Рональда Дойла не обделен. Что же, для вас сегодня день открытых дверей!

Наконец, они закончили обедать и поднялись на второй этаж. Перед Франком предстал длинный светлый коридор с множеством дверей, на которых виднелись таблички. Он хотел эти надписи прочесть, но Роджер, открыв первую же дверь, провел его в просторный кабинет.

– Прошу любить и жаловать! Чарльз Дойл! – представил он его, а люди, сидевшие за столами, их было человек десять, с радостью его приветствовали. Здесь были в основном женщины. И снова эти улыбки и приветливые лица. Милейшие люди! – опять подумал он.

– Это исторический отдел, а милые женщины – наши ученые крысы, которые занимаются научными изысканиями.

– Спасибо за крыс! – засмеялась молодая красивая женщина, сидящая неподалеку.

– Не за что, дорогая Делис, – улыбнулся Роджер. – Чарли, я намеренно начал знакомство именно с этого отдела. История – это главное. Делис, – обратился он ей, – скажи нам

несколько слов. Просвети. Чарли хочет работать у нас, но он еще не знает, где сидят самые симпатичные женщины.

Делис подняла на него красивые глаза, задумалась и произнесла:

– Мистер Чарльз... Как вам сказать проще? – потом перевела взгляд на шефа и возмущенно воскликнула, – Роджер, задача невыполнима, в нескольких словах такое объяснить невозможно!

– Понятно. Женщины в этом отделе решительно выступают против быстрого секса, – и все засмеялись. – А ты все-таки попробуй.

– Хорошо, мистер Роджер, если вы так настаиваете, – вспыхнула она и покраснела, но от этого стала еще красивее. Подумала немного и медленно заговорила, а голос у нее был нежный и певучий:

– История – это стержень, на котором строится общество, это ствол дерева, генетический код нации, и если его структуру немного изменить... можно будет повлиять на будущее. Общество будет жить совсем по-другому... Если в нескольких словах, мистер Роджер, это все, – и замолчала.

– Ну, спасибо, – хитро прищурился Роджер, – Делис! Я хочу еще!

– Еще? – улыбнулась она. – Хорошо, – и она перевела взгляд на Франка. – Мистер Чарльз, вы не хотите меня о чем-нибудь спросить?

– Да... Конечно... Я спрошу. Если кто-нибудь захочет

внести эти изменения, как он донесет их до общества? Люди сегодня не будут читать скучные брошюры.

Теперь она с интересом на него смотрела.

– Не станут – вы правы. Но для этого есть СМИ, есть школьные учебники, кинематограф. Вы не задумывались, почему сегодня многие думают, что во второй мировой победили войска союзников во главе с Америкой, а японские города наоборот бомбили русские? Вспомните, какие фильмы снимались за последние десятилетия. Говорят, проиграв войну, ее можно с успехом выиграть в кинотеатрах.

– Это хорошо или плохо?

– Мы не даем оценок, мистер Чарльз, мы защищаем права человека и боремся за демократию во всем мире. Перед нами ставят задачу, а мы, в свою очередь, правильный диагноз, даем свои рекомендации – так получается результат. А кино – конечно, если оно сделано талантливо, мощный инструмент. Один замечательный английский кинорежиссер сказал: «Важно, чтобы история писалась нами. Тот, кто пишет историю, контролирует настоящее».

Она внимательно на него посмотрела и произнесла:

– Это то, что касается истории... А если мистер Чарльз захочет узнать, в каком отделе работают самые красивые женщины или что-нибудь о быстром сексе – он сможет меня об этом спросить позже. Я обязательно отвечу на все его вопросы, – и она улыбнулась.

– Вот так! – воскликнул Роджер. – Спасибо, Делис. Мы

еще зайдем! – и они вышли из комнаты.

– Какая женщина! Прелесть! Эх, сбросить бы годков двадцать! Какие глаза! А вы ей понравились!

– Красивая девушка, – согласился Франк, разглядывая табличку на двери, где было написано:

«Новая история. Теории пропаганды. Снос памятников.»

Но Роджер уже тащил его за собой:

– Пойдемте-ка сюда! История историей, а сейчас я вам покажу кое-что погорячей, – и подвел его к большим прозрачным дверям, где их взорам предстала удивительная картина. Сквозь стекло Франк увидел огромное пространство, которое уходило куда-то вниз. Сверху это помещение было накрыто прозрачным куполом и напоминало большую аудиторию или манеж в цирке, а, может быть, арену стадиона. Под самым куполом Франк увидел длинную надпись: «Агентство демократических преобразований и свобод». По краям поднимались ряды кресел, а в самом низу на большой открытой площадке стояло множество столов. Их были десятки, если не сотни. Некоторые были сдвинуты и отгорожены от других прозрачными перегородками, а за ними сидели люди. Все напоминало муравейник или огромный пластиковый лабиринт. Людей здесь было очень много.

– За мной! – скомандовал Роджер и быстро начал спускаться по ступенькам. – Сюда! Сюда! – торопил он. Франк едва за ним поспевал. Наконец, они оказались в небольшом аквариуме, огороженном со всех сторон пластиковыми пере-

городками, где сидели несколько человек. Здесь были только мужчины.

– Прошу любить и жаловать! Чарльз Дойл! – повторил Роджер, как и в историческом отделе. Мужчины вежливо ему кивнули. На столе у одного стоял флажок, на котором виднелась надпись: “Разработка и анализ операций”.

– Место, где вам точно не дадут скучать! – воскликнул он. – Здесь нет красивых женщин, но это не их дело. Грег, приветствую! Как Тони? – воскликнул он, посмотрев на мужчину лет тридцати, который сидел в углу и сосредоточенно о чем-то думал. Тот оторвался от своих мыслей и тихо произнес:

– Никак... Нет больше Тони.

Роджер стал серьезен:

– Извини, дружище. Я не знал. Прими мои самые глубочайшие... Все будет хорошо. Жизнь продолжается. Жизнь идет вперед, – говоря эти слова, он подошел и потрепал его по плечу.

– Итак, к делу! Грег, познакомь нас с твоей последней разработкой. Вполне возможно, Чарльз захочет работать в твоём отделе. Что там у тебя сегодня?

Грег испытывающее посмотрел на Франка, потом пожал ему руку и произнес:

– Для нас это большая честь.

На пластиковой стене рядом висела карта, на которой было множество флажков.

– Ну, что же, – задумался он. – Взгляните сюда, Чарли. Можно я буду вас так называть? – начал Грег. Он успел очнуться от своих грустных мыслей и немного оживился. Франк с сожалением на него смотрел. Это был худой, высокий человек с длинными пальцами музыканта. Было заметно, что он крайне чувствителен и у него ранимая душа. К тому же у него случилось горе, с которым он едва справлялся, и это было заметно. Какое приятное лицо, – подумал Франк. – Интеллигентное и умное. Какие прелестные люди! – посмотрел он на остальных.

– Конечно, – произнес он вслух. – Как вам будет угодно. Тогда Грег заговорил:

– Это план города, в котором происходят акции протеста. Жители не хотят подчиняться демократическому режиму, которому мы помогли прийти к власти в их стране. Но, это лирика – к делу. Итак. Вот в этой точке разбит палаточный лагерь протестантов. Для простоты дальше будем называть их террористами. Наши действия, Чарли? – вдруг спросил он.

– Разогнать, – не задумываясь, ответил Франк.

– Правильно. Отлично, – похвалил тот. – Но есть маленькая поправка. Нужно сделать это так, чтобы запомнилось надолго. Теперь предлагаемый нами вариант. Ровно в 12.00 сюда подходят приверженцы демократического режима. Для простоты будем называть их патриотами. Их немного. Они вооружены битами, коктейлями Молотова. Знаете, что это

такое?

– Да.

– Цепями. Можно дать им в руки еще кое-какие игрушки. Но никакого оружия, даже холодного – все должно происходить по законам демократии. Итак. В авангарде выступают молодые патриоты – лучше всего футбольные ультрас. Это наиболее подготовленная публика. Тем более что вечером состоится матч, и они начнут собираться заранее – их легко будет организовать... Дальше, как обычно – сжигаем несколько палаток, остальные сносим. Немного побегаем по лагерю, помашем битами, покричим патриотические лозунги, поснимаем на камеру. Террористов здесь немного – человек пятьсот, не больше. Они не ожидали нападения днем, поэтому мы быстро очищаем площадь и... Что, дальше, Чарли?

– ... и дело сделано.

– Не совсем. Теперь начинается самое интересное. Все должно пойти по плану с точностью до минуты. Смотрите сюда, – и он снова ткнул ручкой в карту. – Мы выставляем полицию вдоль этой улицы и не даем беглым террористам уйти в сторону и рассеяться по городу. Мы гоним их вперед. В какой-то момент на этом углу заслон полиции расстучается, и патриоты незаметно уходят со сцены в переулок. Их больше нет. Террористы по инерции продолжают движение, они не знают, что их перестали преследовать. Несколько наших людей в толпе кричат, что нужно скрыться в адми-

нистративном здании управления, где слабая охрана, можно будет перекрыть двери на этажи и дожждаться подкрепления. Таким образом, толпа организованно добегает сюда. Вот флажок. Кто-то должен им подсказать, что задняя дверь служебного входа открыта и все бросаются к ней. Заходят внутрь. Все – клетка захлопнулась. А в этом здании их поджидают уже другие патриоты, у которых есть стрелковое оружие и, что главное, средства хим. атаки. Это очень хорошее горючее, которое погасить невозможно. Тут и начинается самое интересное. Обезумевшие террористы мечутся по зданию, забегают на крышу, прячутся в подвалах, но везде их настигает... справедливая кара. На следующий день найдут их обугленные тела. И не нужно сжигать все здание – это затратно и долго, достаточно брызнуть горючей смесью в террориста и поджечь. Теперь, если посмотреть с улицы, можно будет увидеть, что в здании пожар, из окон выбрасываются террористы, а люди на улице в благородном гневе их добивают из пистолетов. Полиция не вмешивается. Ее здесь просто нет, как нет и пожарных. Об этом мы позаботились заранее. Только террористы и патриоты, карающие их за преступления перед демократическим режимом...

Грег немного помолчал и спросил:

– Ну как?

– Неплохо. Только не понятно, зачем начинать операцию ровно в 12.00.

– Молодец, Чарли! Заметили! Хороший глаз! А затем,

что в этом здании находится еще один человек... Человечек. Молодая женщина. А в руках у нее грудной младенец. Мы заранее подготовили эту, так сказать, презентацию. Она не была на площади, она не имеет отношения к протесту, собственно, находится она в декретном отпуске. Но из управления позвонили и сказали, что ей хотят выплатить премию, за которой она должна явиться к 12.30. Раньше она не может – утром идет в поликлинику, после 14.00 тоже не может – кормит младенца, потом укладывает его спать, а когда он проснется, снова кормит, потом гуляет. А позже уже нам будет не до операции. Фанаты отправятся на свой стадион, их ждут спортивные баталии, а террористов на площади протеста станет намного больше. Днем они изволят ходить на работу.

– А зачем вообще нужна эта женщина с младенцем?

– Вот. Хороший вопрос. Теперь представьте себе. В 12.30 она оказалась в этом здании, а через мгновение туда вваливается толпа террористов. Их начинают уничтожать. Доходит очередь и до нее. Она недоумеваает, пугается. У нее из рук вырывают ребенка и поливают горячей жидкостью. Женщина обезумела, она пытается сопротивляться, а главное... кричать! Она орет так, что разрываются барабанные перепонки. Ее завывания слышны на многие километры. Вы представляете ужас тех, кто стоит на улице. Потом она бросается к окнам, зовет на помощь, снова кричит. А, главное – ее снимают на камеры. Потом эта картинка пройдет по всем

телеканалам мира. Ее будут показывать много раз не один месяц. Понимаешь, Чарли? – в запале закричал Грег.

– А что потом?

– Как, что? Вспышка зажигалки и маленький пожар в комнате на этом этаже. Представляешь, сколько еще люди будут помнить эти крики?... Теперь все! Можно считать, что операция закончена... Вопросы есть?

– Вы уничтожаете террористов, но женщина не была на той площади, за что ее сжигать?

– Это некорректный вопрос, Чарли. Такими категориями ты не должен мыслить. Но я отвечу... Отвечу... Она сочувствующая, она жительница этого города, значит террористка. И ее ребенок тоже. Еще вопросы?

– Сколько в этом городе проживает граждан?

– Два миллиона.

– И все террористы?

– Да! Если они против демократического режима, а, значит, и прав граждан, все до единого.

– И дети?

– Конечно, даже те, которые еще не родились. Даже кошки и собаки. Абсолютно все!

– Этот эпизод будет транслироваться на многие страны мира. Что люди подумают о ваших патриотах, о справедливом гневе, о режиме, который вы поддерживаете? Согласитесь, эта операция провальная!

– Каков! – не выдержал Роджер и засмеялся.

– Нет, Чарли. Не провальная, – все больше заводился Грег. – А скажем мы им то, что террористы сожгли себя сами. Самосожжение ради порочной идеи. Это они сожгли несчастную мамашу с грудным младенцем!

– Разве этому поверят?

– Именно этому и поверят. Вспомните: «Чем чудовищнее ложь, тем охотнее в неё поверят», – сказал один умный человек.

– Геббельс?

– Совершенно верно. Уж он-то знал толк в таких делах. А вы образованный человек, Чарли, я очень рад!

– Спасибо... И все-таки я не верю, – пробормотал Франк.

– Скажу больше, Чарли, этот план уже не раз претворяли в жизнь в других регионах. Каков результат – спросите вы? Люди каждый раз требовали после подобных акций посадить в тюрьму выживших террористов. А вы говорите – не верится. Еще вопросы есть?

– Да! Последний вопрос, Грег, – и Франк немного помолчал. – Кто сможет поднести спичку и поджечь младенца? Кем для этого нужно быть? Вы сказали, что там будет молодежь, просто молодежь.

– Это хороший вопрос, Чарли. Это правильный вопрос. Вы смотрите в корень. Вы правы – это сделать нелегко. Именно поэтому мы снабжаем наших патриотов транквилизаторами.

– Наркотики?

– Конечно. Мы же не звери, Чарли, мы думаем о наших партнерах. Попробуйте-ка такое сделать. Вы бы смогли? Я нет...

Грег устало опустил на стул. Было заметно, что он расстроен. По-видимому, он снова вспомнил о своем Тони.

– Спасибо, дружище! – перехватил слово Роджер, – еще раз прими мои соболезнования, – они вышли из этого бокса, и пошли дальше по пластиковому лабиринту.

– Ранимая тонкая душа, умница, талант. Люблю этого парня, – тихо сказал Роджер. – Работает четко, безотказно. Недавно он с точностью до секунды спланировал крушение пассажирского Аэробуса. Прошло безупречно. Комар носа не подточит.

– А кто такой Тони? – не выдержал Франк, – его сын?

– Хорек.

– Хорек?

– Да. Его любимый хорек, – тяжело вздохнул Роджер. – Тот болел целую неделю, и все знали и видели, как Грег мучается. А теперь ужасный трагический конец... Жалко парня.

– Да, жалко, – пробормотал Франк.

– Ну как вам его отдел? – очнулся толстяк. – Хотели бы там работать?

– Не уверен, ... получится ли?

– Да, вы правы. Здесь нужен верный глаз и точный расчет, а главное, абсолютная вера в исключительность миссии на-

шего благородного дела. Демократия должна победить! Вы согласны?

– Конечно!

– Пойдемте дальше, Чарли.

И они продолжили преодолевать огромный лабиринт, поворачивая снова и снова, огибая пластиковые стены. Наконец подошли к одной двери.

– Сразу скажу – здесь работает удивительная женщина. Она одна заткнет за пояс множество мужчин, которые возмутятся за подобное. У нее особый нюх, чутье. Не каждому такое по плечу. Это один из наиболее ценных наших сотрудников... Сотрудниц, – поправился он. – Ну, проходите, – и Роджер толкнул прозрачную дверь. Франк заметил несколько человек, которые дружелюбно на него уставились.

– Прошу любить и жаловать! Чарльз Дойл! – снова услышал он знакомую реплику и вежливо улыбнулся.

– Ну, проходи, дружок! – эти слова принадлежали женщине необъятных размеров лет пятидесяти. Остальные здесь были мужчины, и Франк понял, что Роджер только что говорил о ней. “Не каждому такое по плечу”, – вспомнил он. А плечи у нее были такими, что сомневаться в ее способностях в голову не приходило.

– Мадлен! Введи нас в курс дела, расскажи, чем ты сейчас занимаешься, – попросил Роджер. Она прищурила глаза и с удовольствием посмотрела на Франка. Потом произнесла:

– Чарли – какое красивое имя... Чарлик..., вдруг спроси-

ла, – хочешь печеньку?

– Печеньку? – не понял он и заметил, что на столе перед ней находилась вазочка, доверху наполненная сладостями.

– Нет, спасибо.

– Напрасно. Очень вкусно, – и она с нежностью пухлыми пальчиками поднесла ко рту угощение.

– Мадлен! Когда ты начнешь думать о себе? – воскликнул Роджер. – Прекрати сейчас же. Тебе нельзя.

– Можно! – выпучила она глаза, потом улыбнулась и проворчала, – у меня вредная работа.

– Нет, нельзя! Убери это сейчас же.

– Достал! – проворчала она низким грудным голосом и отодвинула вазочку на несколько сантиметров.

– Совсем убери, чтобы я ее не видел!

– Ну, Роджер, ну деспот, на себя посмотри! – и она переставила ее на тумбочку. Сейчас она напоминала обиженного бегемотика.

– Так, юноша, к делу! – воскликнула она. – Что вам рассказать?

– Свою последнюю сказку, Мадлен, – сказал Роджер.

Она встала и подошла к стене, где висела карта, потом начала говорить:

– Вот регион, Чарли, который мы кошмарим уже не один год, – голос ее был хриплым и свистящим, видимо она много курила.

– Говори на нормальном языке, дорогая. Не порть мне

парня.

– Хорошо, вот регион, где мы проводим демократические преобразования и... гнобим этих уродов уже не один год.

– Бесплезно, – прошептал Роджер, улыбнувшись.

– Что? – повернулась она.

– Ничего, ничего продолжай.

Она перевела взгляд на Франка, немного помолчала.

– Сказку? Хорошо, будет вам сказка, – и задумалась. Между делом потянулась к вазочке с печеньем, но отдернула руку. Потом нежным певчим голосом начала говорить:

– Когда я пятнадцать лет назад приехала в эту страну, моему взору предстал... Так хорошо?

– Хорошо, хорошо, продолжай, – засмеялся Роджер.

– ...предстал провинциальный народец небольшой мирной страны, где слово война не слышали уже более чем полвека. По городам лениво ходили обыкновенные людишки, светило солнышко, пели птички. Вдали от городов на зеленых полях и холмах паслись коровки и молодые бычки. Стояли маленькие дома, покрытые каким-то д... чем-то покрытые. И я не знала, как подступиться и с чего начать.

С этими словами она автоматически выхватила печенье из вазочки и ловко забросила его в рот. Раздался хруст, но Роджер промолчал.

– Этим людям было совершенно наплевать на то, кто их сосед, какому он молится богу, какой он национальности, за какую голосует партию. Они не выходили на площади, не вы-

ступали, не сжигали полицейские машины, просто тупо себе жили и все. Короче, полный отстой. Я вернулась в агентство и начала думать. Зашла к нашим историкам и узнала, что в таком виде еще сто лет назад этой страны не существовало. Ее не было вообще. Многие века ее постоянно разделяли, дробили, долбали, потом собирали по частям, кому-то дарили, снова отбирали, и тогда я поняла – национальный вопрос! Если одна часть населения поймет, что они люди Икс, а другие Игрек – станет веселее, жизнь станет намного лучше. Потом Икс нужно будет сказать, что все их беды от Игреков и станет еще веселее. Игреки молятся не тому богу, говорят не на том языке! Это из-за них страна живет в бедности и унижении! Пора поднимать национальный вопрос, вспомнить, что такое национальная гордость, идея! И понеслось!

Мадлен снова в запале запихнула в рот какую-то ватрушку и с набитым ртом горячо продолжила, дирижируя пухлой рукой:

– Мы вложили хорошие деньги, написали их малолетним засранцам новые учебники, привезли им новое кино, дали очкарикам нужные книжки. Открыли массу фондов, послали волонтерами целую армию придурков в рясах, сектантов, прорицателей, целителей, колдунов и прочую хрень, дьявол их побери. Люди стали выходить на площади, начали протестовать. Прозреть! Наконец, сбросили своего тирана, а на его место поставили достойного человека, которого мы рекомендовали. Казалось бы все? Нет! Это было только начало!

Теперь она снова и снова в сердцах засовывала растопыренную пятерню в вазочку, а потом подносила ее ко рту, в запале продолжая говорить, а глаза ее горели:

– Бей Игреков! Они не любят своего президента, они снова хотят раздолбать на части страну. Хотят отделиться?! Тут и началось настоящее веселье, Чарли! Игреки террористы! Мочи Игреков! Бычки, что невинно паслись на полях с коровками вместе, в ужасе, оставляя за собой кучи навоза, бегут в леса! Почему? Потому что в них стреляют из гранатов и гаубиц. Иногда в гости залетают баллистические ракеты! Крыши, которые недавно были покрыты каким-то д... не важно, чем,... сдувает взрывной волной. Стены падают. Мамки с голозадыми вырожденками прячутся в подвалах. А по полям и холмам, покрытым зеленой травой, идут танки! А в небе, рядом с белыми тучками и аистами,... или фламинго... или хрен знает, что у них там водится,... летят самолеты. И бомбят. Мочи Игреков, мочи террористов!

Мадлен все больше заводилась:

– Пора великую нацию поднять с колен! Пора уничтожить национального врага! Бей предателей, чтобы другим неповадно было, чтобы запомнили на века. Круши! Они должны забыть свой язык, должны молиться другим богам. Сноси их церкви, школы, заводы. Здесь будет пустыня...

Вдруг в пластиковую стену из соседнего бокса кто-то громко постучал и послышались выкрики:

– Мадлен! Можно немного тише! Ты здесь не одна!

Она замерла, выпучив глаза.

– Да, не одна... Не одна... Нас много..., – пробормотала она. Остановилась, отдышалась:

– Нет, не пустыня. Там просто должна постоянно идти война, и чем дальше, тем ожесточеннее. Эти люди и через столетие не должны о ней забыть... Все, устала, больше не могу, достала эта ерунда, – и смахнула остатки печений в мусорную корзину. Возникла небольшая пауза.

– А зачем? – вдруг спросил Франк.

– Что, Чарли? – не поняла она.

– Зачем эта война?

– А хрен ее знает – это их дела, – и кивнула на Роджера.

Потом задумалась:

– Ты не представляешь, Чарлик, какое это счастье видеть плоды своих деяний. Знать, что в месте, где пока тупо живет целая нация, не ведая и не думая ни о чем, скоро будет выжженная земля! Это красота! Искусство! Это музыка, дьявол ее подери! Я смотрю на тех людей и не понимаю, как можно было столько десятилетий не знать, что такое демократия и права граждан... Жалко их. Мы должны были им помочь... А еще, по секрету тебе скажу, что ни хрена они не террористы, да и агентству они не нужны. Сами виноваты! Ребята просто оказались не в том месте и не в то время. А вот их соседи нас интересуют очень, поэтому и пришлось на их границе подпалить бочок, чтобы знали свое место... Все, пошла обедать! Засиделась тут с вами! С утра во рту крошки

не было.

У дверей остановилась, улыбнулась и сказала:

– Роджер, дорогой, спасибо тебе за заботу. Ты умница. Я слушаюсь тебя, сегодня за весь день съела всего две печеньки... А твой Чарлик ничего, хороший мальчик. Заходите, расскажу вам еще много сказок, не стесняйтесь, – и скрылась в дверях. А издалека уже слышался ее зычный хриплый голос и стуки о пластик:

– Эй, Сесиль! Кончай ерундой заниматься. Жрать пойдем! Я голодна, как сто чертей. Пойдем, малышка!..

– Ну, Чарли! Не устали? – услышал он бодрый голос Роджера, когда они вышли из комнаты. – Продолжим. У нас еще много дел.

– Скоро закончится рабочий день? – спросил Франк.

– Ну, нет. У нас рабочий день не заканчивается никогда. Здесь мы и живем, и работаем, женимся и разводимся, так сказать, плодимся. Иногда кажется, что в это месте мы рождаемся и умираем. Это наш большой дом, а все мы огромная счастливая семья. Пойдемте, Чарли! – тащил он его за собой.

– Прошу любить и жаловать! Чарльз Дойл! – повторял он снова и снова, заходя в разные комнаты. У Франка уже кружилась голова, а перед ним появлялись все новые люди, одеты они были в пестрые одежды, на ком-то были просто рубахи и джинсы, женщины щеголяли изящными нарядами. А главное, все они были очень радушны и отзывчивы, все знали Рональда Дойла и были рады видеть его внука в своих ря-

дах. Словом, милейшие люди.

Наконец обход удивительной арены был закончен, и Роджер пригласил его на верхний ряд небольшого амфитеатра, чтобы взглянуть на все отсюда с высоты.

– Что это вам напоминает? – загадочно спросил он, улыбаясь и показывая вниз.

– Космический корабль, – почему-то ответил Франк.

– Корабль? Красивое сравнение, мне в голову не приходило. А мне иногда кажется, что это огромная карусель. Здесь находятся все наши отделы стратегического и тактического планирования, секции быстрого реагирования. А иногда, когда мировые кризисы становятся глобальными, а проблемы объединяются, мы нажимаем на кнопку, перегородки исчезают, и остаются эти люди. Сотни, тысячи! А этот огромный зал превращается в гигантскую аудиторию, где все о чем-то говорят, спорят и выносят единое решение. На стенах мелькают большие экраны, где видны графики, биржевые сводки, фотографии со спутников. Вся необходимая информация стекается сюда. В такой момент эти люди превращаются в единый цельный организм, в мозг, которым думает вся планета. И если долго смотреть отсюда, кажется, что этот манеж начинает кружиться. Зрелище завораживает. Карусель! Иначе и не назовешь. А иногда мне кажется, что вся наша планета – огромная карусель, она тоже вращается вокруг своей оси, а на лошадках и осликах сидят люди. Тысячи, миллиарды людей, они кружатся, не ведая, что этот аттракцион все-

гда можно превратить в тир.

– В тир?

– Да. В тир с двигающимися расстрельными мишенями. Только об этом они догадываться не должны – в этом смысл...

Он немного помолчал, переведя дух.

– Пойдемте, Чарли, наверх, туда, откуда мы начали вашу, так сказать, экскурсию, – и через мгновение они снова оказались в длинном коридоре, который опоясывал гигантскую арену.

– Здесь, Чарли, находятся наши маленькие институты. Здесь разрабатываются долгосрочные стратегии, а потом вся информация сливается туда, где мы только что были. Пойдемте. Если будет желание – зайдём в любую из этих комнат.

Наконец Франк смог прочесть таблички, который были на дверях. Вот отдел, где сидели красивые женщины и занимались историей. Роджер продолжал что-то говорить, но Франк его уже не слышал, читая все подряд:

«Религии, секты, содомия.»

“Курсы валют, биржи, фин. кризисы”.

“Нефть, газ, золото”.

“Национальные конфликты”.

“Региональные споры”.

“Экология, еда, климат”.

“Землетрясения, наводнения, цунами”.

Вдруг Франк увидел табличку с лаконичным названием –

“Эбола”.

– Вы занимаетесь и этим вопросом?

– Не только занимаемся, но и абсолютно контролируем.

Понимаете меня?

– У вас есть вакцина?

– Уже лет двадцать как.

Франк продолжил читать названия на дверях, потом спросил:

– Ваш коллега говорил, что агентство начало свою деятельность, как учреждение культуры. Где можно найти отделы литературы или кино?

– Их здесь нет.

– Почему?

– Я понимаю ваш интерес, Чарли. Вы внук великого писателя, но ситуация изменилась. И если когда-то ваш дед был одним из первых наших сотрудников, теперь... Как вам это объяснить?... Нет нужды заниматься этими вопросами. Книги больше не нужны. Люди перестали их читать. А для тех, кто еще тратит на это свое время, на поток поставлена новая литература – ужастики, эротика, мыльные детективы и любовные слезливые сериалы, боевая фантастика, мистика и прочая дрянь. Понятие – современный роман исчерпало себя. Скажу проще – литературы с большой буквы сегодня нет, а если случаются исключения, они превращаются в выкидыши. Такие книги никто не напечатает, да и читать их никто не станет. В кино происходит то же самое. Все те же

жанры, искусство для тинэйджеров. А огромные киностудии миллиарды тратят на эту забаву. Только такие фильмы могут и должны сегодня получать всевозможные премии и становиться хитами сезона. Поэтому искусство, кино, литература – все это давно находится под контролем, и больше нас не волнует. Прошлый век. Не расстраивайтесь, Чарльз, я могу предложить вам работу в информационном отделе. Сейчас, когда идет информационная война, нам крайне нужны такие специалисты. Люди верят не истине, а новостям – вы знаете это сами. Информационный отдел в нашем филиале большой. Подумайте. Я вас не тороплю.

– Спасибо, – ответил Франк, – и спросил:

– И все-таки, если кто-то захочет издать книгу. Гениальную книгу. Сделать ее бестселлером, что для этого нужно?

– Ничего.

– Почему?

– Это невозможно. Во-первых, она должна пройти цензуру, поскольку издательства и мировое книгопечатание находится под нашим контролем, а значит такая книга должна подпасть под рубрики, о которых я вам только что говорил. Но бестселлеры не пишутся на языке ужасов или эротики. Во-вторых. А во-вторых уже не будет.

– Но если сегодня появится Достоевский, Фолкнер или Бернард Шоу...

– О них не узнает никто. В таких писателей просто никто не вложит деньги. Общество в них больше не нуждается.

– А сколько для этого нужно денег?

– Чарли! – и Роджер засмеялся, – это пустой разговор. Думаю, сотни миллионов, если не миллиард. А люди, у которых есть такие деньги, никогда не будут тратиться на подобную ерунду.

– А на что они тратятся?

– Например, на спорт. Гольф, футбол, автогонки. Вы же знаете, какие там крутятся суммы. Хватит нагружать мозги. Люди должны не думать, а получать от жизни удовольствие...

– То есть, гениальная книга, которая появится сегодня, обречена?

– Да!.. А вот и наш региональный отдел. Ему отведено целое крыло, – воскликнул Роджер, уходя от бессмысленной темы. Франк снова обратил внимание на таблички. Названия были короткими и лаконичными:

“Куба”, “Северная Корея”, “Вьетнам”, “Китай”, “Индия”, “Россия”...

Потом шли страны западной Европы. У двери с надписью “Франция” он остановился.

– Франция тоже в поле зрения вашего агентства? – спросил он, и голос его дрогнул.

– Дорогой, Чарльз. Я понимаю, что вы живете в этой, безусловно, прекрасной стране. Я тоже ее очень люблю. Париж! Ах, Париж! Мой вам совет, будьте гражданином мира, тогда вам будет легко и просто. Люди, которых вы видели сего-

дня, тоже имеют родину, национальность, вероисповедание и прочее. Скажу одно – на сегодняшний день для них религия одна – права граждан, а родина – демократия. И если вы научитесь так относиться к этим простым понятиям, будет легче жить и работать у нас. Вы же помните книгу великого Рональда Дойла, вашего гениального деда? Об этом он ее и писал. Человек должен быть свободен от всех предрассудков. Вы согласны?

– Конечно, мистер Донован. Безусловно, – пробормотал Франк.

Они прошли до конца коридора, где уже видна была лестница, ведущая к выходу. Вдруг Франк обратил внимание на последнюю табличку, которая скромно висела на двери. На ней было написано – «Anthropos phago»

– О! А это эксклюзивное направление, которое пока находится на стадии разработки. Вы знаете, что это такое?

– Антропофагия? Конечно. И пока нет результатов?

– Я бы так не сказал... Более ста лет об этом просто не вспоминали. Люди забыли. Но в отдельных регионах на планете, где сейчас голод, болезни и страшная нищета, наши специалисты провели серию экспериментов. Так сказать, на уровне семинаров, разъяснили несчастным некоторые правила выживания, и кое-что у них получилось. Как они говорят...

– А нельзя посмотреть, кто здесь работает?

– Конечно!.. Если вам это интересно, – удивленно пробормотал

мотал Роджер.

Он толкнул дверь, которая оказалась закрытой.

– Странно, никого нет. Видимо эти ребята обедают.

– Обедают, – повторил Франк, – интересно, что они едят?

Роджер уставился на него, вдруг громко захохотал.

– А у вас прекрасное чувство юмора, юноша! – и снова залился веселым смехом. – Сажу по секрету – по моему разумению это просто гадость, Чарли. Мерзость – иначе и не назовешь! Это отвратительно. Во всяком случае, в ресторане с этими людьми за один стол я не сяду. А вы?

– Тогда зачем этот отдел находится в вашем ведомстве?

– Вы же понимаете, есть люди, которые осуществляют общее руководство, спускают сверху директивы. А мы... Что мы. Мы только солдаты. Солдаты демократии!

– Руководство? Интересно было бы поговорить с этими господами. Кто они?

Роджер улыбнулся и посмотрел на него.

– Этого вам не скажет никто и никогда. Я бы сам хотел с ними поболтать... Вы не голодны, не хотите поужинать?

– Нет, спасибо, мистер Роджер.

– Что же, пройдемся? Подышим свежим воздухом.

Очень скоро они оказались на улице и пошли неторопливым шагом по дорожке вокруг здания. Все окна светились. Франк заметил, что солнце уже спустилось к горизонту, вокруг загорелись яркие фонари, и очень скоро начнется удивительный вечер в этом удивительном месте, которое скорее

всего не засыпает никогда. Так было и в старые времена, – вспомнил он.

– Ну что, на сегодня достаточно? – после долгой паузы воскликнул Роджер. – У вас был непростой день, не правда ли, Чарльз Дойл?

– Да, мистер, Роджер Донован. Незабываемый.

– Понимаю... Я понимаю, что информации много и вам нужно ее переварить, поэтому с ответом не тороплю. Вам нужно подумать. Скажу одно – для нас большая честь, если вы будете работать в нашем агентстве. В этом есть какой-то символический сакральный смысл. Вы не удивлены, что я был столь откровенен?

– Не знаю. Пожалуй, да.

– И будете совершенно правы. Если бы вы решили прийти к нам с улицы, вас ждала бы многомесячная проверка. Но, во-первых, человек, который вас рекомендовал, раньше занимал мой пост, а потом поставил на это место меня. Впрочем – это во-вторых. А во-первых для меня то, что вы Чарльз Дойл, внук Рональда Дойла – сотрудника номер один, с которого наше агентство и начиналось. Он не только стоял у истоков, но и во многом определил стратегию развития. Кажется странным? Но этот так. А вы знаете, как проверяют людей, приходящих на работу к нам? Главным тестом является отношение к книге вашего деда, ее понимание. Для нас это своего рода Библия. Это молитвенник, где написаны все постулаты и заповеди. По ним и должно человечество жить.

И правильно сделал ваш великий дед, что больше ничего не написал. Знаю, его уговаривали, просили, настаивали, но он настоял на своем. Так и должен поступать великий человек. Главное – вовремя остановиться.

Какое-то время они шли по дорожке и молчали.

– Куда вы хотите сегодня поехать? – спросил Роджер. – У нас есть прекрасная гостиница. Прямо на территории. Вы можете там жить, сколько понадобится для принятия решения.

– Я должен вернуться домой, – ответил Франк.

– В Париж?

– Да. Мне нужно время.

– Понимаю. Значит завтра на самолет.

– Нет!

– Что? – засмеялся Роджер.

– Я не полечу!

– Почему?

– Не полечу. А можно добраться до дороги, сесть на автобус или на поезд? Где я нахожусь?

– Вы не знаете, где находитесь?

– Нет.

– На острове, который находится на другом полушарии земли! До вашего Парижа отсюда двадцать тысяч километров! – и засмеялся.

– Вы серьезно? – в ужасе закричал Франк, – но что же делать?

– Лететь, мистер Чарльз! Лететь! Завтра будет борт! Заодно посмотрите морские учения. Можете даже поучаствовать.

– Нет!!!

– Тогда плывите, океан в двух милях отсюда.

– Кошмар. Но что же делать? – растерянно повторил Франк. А Роджер продолжал заливаться веселым смехом. Наконец успокоился.

– Простите меня, Чарли. Люди считают меня большим шутником, а я иногда не могу удержаться. Вы действительно находитесь на острове, но очень большом. Вы в Европе. Отсюда вы сможете на поезде доехать до вашего Парижа... часов за шесть... Только зачем? Проведите время у нас, отдохните, подумайте, здесь прекрасная рыбалка, куда вам торопиться?

– Я должен посоветоваться...

– С кем?!!! Вы в своем уме или тоже шутите?

– Нет, не шучу. С дедушкой.

– Простите... Конечно, Чарли... Чарльз Дойл. Вы просто обязаны это сделать. Как он? Где сейчас живет?... Ах, простите, понимаю, вопрос некорректный. Великий писатель всю свою жизнь скрывает место пребывания, оставаясь отшельником. Извините за бестактность. Что же – я буду ждать вашего звонка, – и он протянул Франку визитку. – Или свяжемся через моего старого друга, не важно – как вам будет удобно. Вы хотите покинуть нас прямо сегодня?

– Да, мистер Роджер.

– Хорошо.

У большой проходной собралась толпа. Пока они шли, Роджер Донован успел сделать звонок, и очень скоро появилась машина. Франку вынесли из здания его сумку, которая все это время находилась в камере хранения, и пришло время прощаться. Роджер долго и крепко жал ему руку. Остальные стояли в некотором отдалении на ступенях проходной и с радостью на него смотрели. Если бы взять камеру и сфотографировать, – подумал Франк, – получился бы замечательный снимок. Это были милейшие люди. Одеты они были в пестрые одежды, в костюмы и платья, на ком-то были футболки и джинсы, женщины щеголяли изящными нарядами, и никакой военной формы и отличий. Лица их светились улыбками. Они искренне радовались встрече с внуком великого писателя, с внуком сотрудника номер один и восторгались им. Вон стоит Мадлен. Она уже успела поужинать, и была в прекрасном расположении духа. Сейчас она вернется на свое место и придумает какую-нибудь сказку. А вот Грег. Он немного грустен, но сегодня его можно понять – у него умер любимый хорек, что не мешает ему с точностью до секунды рассчитать следующую операцию, может быть сбить еще один пассажирский самолет или сжечь младенца. Где-то здесь наверняка стоят люди, работающие в отделе с надписью на двери “Anthropos phago”. Он находится ближе всего к просторному залу с табличкой “Ресторан”, где подают

замечательную, настоящую еду. Интересно, что будет, если эти таблички поменять местами? А вон и прекрасные глаза Делис. Они подернуты поволокой. Она с грустью смотрит на него. Ей нравится этот молодой человек, внук самого Рональда Дойла. Скорее бы он вернулся и пришел к ней в отдел. Они вместе будут изучать историю, будут писать ее и немножко переписывать. Ведь история – это главное. А потом, на досуге они смогут провести время вместе, и она с удовольствием ответит на все его вопросы. Здесь они могут вместе жить, плодиться и размножаться, любить, рождаться и умирать. Ведь все они – одна большая и счастливая семья. Сейчас все эти люди вернутся на свои рабочие места, и все завертится, все начнет кружиться в безумном вихре. Мониторы буду сверкать веселыми лампочками, графиками кризисных синусоид, сбитыми аэробусами, снимками со спутников-шпионов. И вся планета, как огромная карусель, тоже будет вращаться вокруг своей оси. А на лошадках и осликах будут сидеть люди. Тысячи, миллиарды, они будут двигаться вперед с радостными улыбками, не ведая, что этот аттракцион всегда можно превратить в тир. В тир с двигающимися расстрельными мишенями. Только об этом они догадываться не будут – в этом смысл. Франк в последний раз оглянувшись, бросив прощальный взгляд на людей, на здание, которое ярко светилось в темноте, и помахал на прощанье рукой.

Он дописал эту последнюю главу, дьявол ее побери, как сказал бы Рональд Дойл. Вчера Франка довели до города, но садиться в поезд он не стал. Не было сил идти на вокзал. Он зашел в ближайший отель и через несколько минут спал мертвецким сном. Проснувшись, не стал никуда выходить, позавтракал в номере, потом достал рукопись, зарядил ручку чернилами, которые прихватил у Дойла, и сел к столу. Он до сих пор почему-то писал ею. Через несколько часов закончил. Он закончил книгу! Он посмотрел им в глаза! Осталось придумать название. Теперь в душе, после всего случившегося, занимала место пустота.

Франк взял дорожную сумку и вышел из отеля. Растерянно озираясь по сторонам, не знал, что ему делать дальше. Он даже не знал, где находится – в каком городе, в какой стране. Остров. Большой остров... Так медленно побрел по незнакомой улице, размышляя:

Книга написана. Что дальше? Отнести ее в любое издательство? Бесполезно – ее никто не напечатает. Рональд Дойл когда-то уже зашел в одно издательство, желая дать интервью. Чем это закончилось? Маленькой капсулой в кармане. У него даже не было ее, как не было миллиарда, чтобы самому напечатать ее, издать, рассеять по всему миру, и заставить людей ее прочитать. Миллиард! Что же делать? Раз-

местить в Интернете на множестве сайтов, и пусть она живет своей жизнью. Потом вернуться к Жоан, все ей объяснить, и увести детей и ее к Блейку. Другого выхода у него не было. Почему бы нет? Он уже хотел, чтобы его дети жили в том Париже, ходили по его улицам. Пусть там нет планшетников и сотовых телефонов, компьютеров, нет Стеклоанной Пирамиды на площади у Лувра. Но и агентства с длинным названием тоже нет. Зато есть карусель, на которой они смогут кататься. А главное, ничего страшного в том мире с ними не произойдет...

Его мысли отвлекли чьи-то слова.

– Мистер, помогите! Пожалуйста!

Он заметил, что рядом остановилась машина, а из окна на него смотрела женщина. Она была чем-то расстроена.

– Что случилось? – спросил он.

– Меня преследуют хулиганы. Вы не могли бы сесть ко мне в машину и проехать до ближайшего отделения полиции. Пожалуйста, мистер.

– Конечно, – ответил он, заметив, что у нее правый руль, и двигалась она по встречной полосе. Остров! – мелькнуло у него в голове. Он сел рядом с ней на переднем сидении, и женщина надавила на педаль. Заметил, что у нее красивое, испуганное лицо.

– Еще раз простите меня за беспокойство...

Это последнее, что он услышал. Через мгновение почувствовал, как чья-то рука крепко схватила его за шею, а дру-

гая рука поднесла к лицу мокрый платок, от которого исходил едкий запах. Больше он не помнил ничего...

Очнулся в незнакомой комнате. Здесь стояла кровать, умывальник, столик и тумбочка. Больше не было ничего. Под потолком виднелось небольшое окно, на котором была решетка. Голова продолжала кружиться, чувствовал он себя ужасно. Долго приходил в себя. Решетка? Значит это не номер в отеле, – подумал он. Подошел к двери и постучал. Дверь открыли, а на пороге появился мужчина крупного телосложения.

– Что? – коротко спросил он.

– Где я нахожусь? Что все это значит? – закричал Франк.

– Сиди и жди, – коротко ответил тот.

– Вы не имеете право меня задерживать. Кто вы такие?

– Не твое дело.

– Выпустите меня.

– Не было распоряжений.

– Чьих распоряжений?

– Не твое дело. Сиди и жди.

– Сколько?

Дверь захлопнулась. Через какое-то время он снова начал стучать, но никто не подходил. Тогда Франк начал кричать:

– Мистер Роджер! Мистер Донован! Я знаю, что это вы.

Выпустите меня. Хватит шутить! Мистер Донован! Откройте...

Теперь Франк понял все. Мистер Донован – большой шутник! Слава богу – с ним ничего не сделают. Опять глупые шутки...

Наконец появился тот же мужчина.

– Позовите мистера Донована, – только и успел произнести он, как тот, переступив порог, ударил его в грудь. Франк повалился на пол. Сколько он лежал в беспамятности – не помнил, очнулся, когда свет в окошке померк, а над головой загорелась лампочка – наступил вечер, – понял он. А еще понял, что на этот раз с ним не шутили. Наконец дверь открылась, и знакомый мужчина поставил на столик поднос с едой.

– Жратва, – коротко бросил он и скрылся. Франк немедленно постучал в дверь.

– Хочешь еще? – и собрался переступить порог.

– Нет, не хочу... Не хочу. Мне нужен туалет. Просто туалет.

– В углу, – буркнул тот и исчез. Франк заметил в дальней стене маленькую дверь и нашел то, что искал. Потом, судя по времени на его часах, наступила ночь...

Утром проснулся от знакомого восклицания: – Жратва.

За весь день он эту фразу слышал еще два раза. Больше ему ничего не объясняли, ни о чем не спрашивали, не допрашивали, не пытали, и он продолжал смиренно ждать. Впрочем, допрашивать его было не нужно. Его сумка исчезла, а там находилась рукопись, где была исчерпывающая инфор-

мация. Оставалось ждать. Сколько? Чего?

Ровно в 20.00 появился знакомый мужчина.

– Пойдемте, – коротко бросил он. Франк встал с кровати, и ему стало страшно.

– Куда? – зачем-то спросил он.

– Туда, – ухмыльнулся мужчина.

– Я не могу, не хочу...

– Пошли, – буркнул тот и переступил порог.

39

Они долго шли длинным коридором, наконец поднялись по ступенькам вверх. Снова коридор. Какие-то комнаты. Свет был приглушен, но Франк заметил, что на стенах были развешены картины, а в углах стояли статуэтки. Это место напоминало музей или старинный замок. Полы были каменные, и стук ног глухо раздавался в темноте. Наконец достигли конца коридора, преодолев анфиладу из десятка комнат, и остановились у закрытой двери.

– Проходи, – сказал мужчина, открыв дверь и подтолкнув его вперед.

Франк огляделся. Это была большая зала, в которой тоже стоял полумрак. Окна были занавешены плотными гардинами, ярко горел камин, люстра, свисающая с потолка, отражаясь языками пламени, зловеще мерцала. Первое, что он почувствовал – это затхлый запах. Здесь пахло пылью. На-

верное, окна здесь никогда не открывали. Еще заметил, что вдали в самом центре стоял огромный стол, на котором ярко светилась лампа, а за ним сидел человек. Нет, не человек – тень. Лица его не было видно, поскольку яркий свет от лампы был направлен на стол, заваленный бумагами. Расстояние было большим, и Франк больше разглядеть ничего не смог.

– Подойдите ближе, – услышал он глухой, утробный голос. Франк сделал несколько шагов, но снова ничего не увидел. Комната была гигантских размеров.

– Еще, – услышал он и приблизился. Вдруг рука человека немного повернула лампу, и Франк отшатнулся. Такого ужаса в своей жизни он не испытывал никогда.

– Этого не может быть! – вырвалось у него. А человек зашелся низким, кашляющим смехом. Казалось, этот звук исходил из могилы, он отдавался от стен, от потолка, словно от крышки гроба, и Франк похолодел.

– Добро пожаловать в ад, – прошептал человек. – Сядьте! – вдруг громко скомандовал он, и Франк, заметив небольшое кресло стоящее рядом, едва на него не упал.

– Кто вы? – прошептал он.

– А ты не знаешь?

– Дойл!.. Рональд Дойл! Но это невозможно! Он скончался. Он умер несколько дней назад.

– Умер ублюдок, знаю, я прочитал твою сказку. Туда ему и дорога, – воскликнул старик. Он немного помолчал.

– Это была лишь слепая копия! Убогое повторение, тень,

след от моего башмака, ничтожный клон, – зло воскликнул он.

– Я не понимаю...

– Могу объяснить. Все это время ты думал, что имеешь дело с великим писателем. Ты хотел взять у него интервью. У этого ничтожества! Когда на той скамейке нужно было принять верное решение, он испугался, он сжег книгу – дело всей его жизни, а потом пополз в кусты. Трус. Ничтожный клон. Он даже тебя подставил из трусости, не желая идти до конца.

– Кто же вы?

– Я и есть великий писатель Рональд Дойл, человек, написавший книгу “Когда ты свободен”. Это я не струсил и не стал жрать убогую таблетку, а встал со скамейки и отправился в самое пекло. Это я позвонил Майклу и вернулся назад. Вернулся в свой дом, к семье, не бросив их на произвол судьбы... Хотя, тогда чертовски ошибался... Но не это сейчас важно. Потом доказывал, убеждал, работал на агентство и приносил пользу великому делу.

– Работали?... Разве вы еще что-то написали?

– Книги только теория, а я оказался хорошим практиком. Многие сценарии той культурной революции, той великой чертовой карусели придуманы мной. Это я Рональд Дойл, а не то ничтожество. Я написал книгу, которая изменила ход истории, а поэтому агентство сегодня принадлежит мне.

– Вы хозяин агентства? Разве такое возможно? Вы писа-

тель, но не политик.

– Ты не знаешь людей, которые были актерами или драматургами, а потом стали президентами? Это агентство мое по праву, я его заслужил, я пережил всех его хозяев и поднялся так высоко. А тот... просто ничтожество... Ну, да ладно... Пусть гниет...

Он немного помолчал.

– Теперь с тобой. Один наглец решил чужими руками написать обо мне книгу, другой отправил тебя в мое агентство, в святая святых, а третий решил перевернуть все с ног на голову, очернив меня. За кого ты себя принимаешь? Кто ты такой?... Захотел поговорить с человеком, который крутит эту веселую карусель? Взять интервью у самого Рональда Дойла? Слушаю тебя?

Франк долго молчал. Он вжался в спинку и крепко сжимал подлокотники кресла. Он сходил с ума. Теперь он знал точно, что назад дороги нет. “Вы останетесь там один, и вам никто не поможет”, – вспомнил он слова Блэйка.

– Не тряситесь, пока наш разговор не закончится, с вами ничего не сделают. Вы имеете право на свое интервью. Последнее. Вы же так этого хотели, не правда ли? – и Дойл усмехнулся.

– Откуда вы обо мне узнали? – вырвалось у него.

– Мне доложили, что в агентство пожаловал мой внук. Малыш Блэйк все правильно рассчитал, только он не знал, что существую я, думал тот клон – единственная версия Ро-

нальда Дойла, как и не знал, что у меня нет внука. Эта наркоманка и пьяница не родила никого.

– Вы о своей дочери?

– У меня нет дочери и никогда не было, – пробормотал Дойл. Только теперь Франк смог оглядеть комнату – глаза его привыкли к полумраку и резкому свету настольной лампы. Повсюду были расставлены статуэтки, старинная мебель, на стенах висели картины. И пыль... Она была повсюду. Но не это его сейчас волновало. За спиной Дойла виднелась стена, которая была увешана полками, а на них стояли книги. Их было очень много, и если приглядеться, можно было заметить, что название у всех было одно. Это была единственная книга писателя Рональда Дойла. Она сотни раз переиздавалась, была переведена на многие языки, и вся эта гигантская библиотека находилась здесь. Вдруг Франк по привычке перевел взгляд налево, где у того Дойла в том Париже на стене находились фотографии дочери. Заметил множество рамок. Их были десятки, но все они зияли пустыми глазницами. Ни одной фотографии там не было. Напоминало иконостас, только без икон.

– Но почему? – вдруг воскликнул он.

– Потому, – ответил Дойл, проследив за его взглядом.

– Не хотите отвечать?

– Отвечу. Вы же берете у меня интервью. Это не моя дочь. Та шалава родила ее от Майкла. В далекие пятидесятые она частенько навещалась в город и встречалась с ним. Там и

нагуляла.

– Откуда вы это знаете?

– Майкл сам мне в этом признался лет двадцать назад, когда был слишком пьян. Потом все отрицал, но было поздно. Я дал поручение медикам, и те расставили все по своим местам.

– Поэтому вы его убили?

Дойл какое-то время молчал.

– Не я. Он сам. Я лишь предложил ему маленькую капсулу, и он не смог мне отказать. Мы же были друзья! – и он зловеще захохотал, – потом добавил, – Майкл достаточно выпил моей крови. Захлебнулся, мерзавец.

– Дороти вы тоже убили?

– Зачем же? Забрал у нее все, что ей не принадлежало, и на старости лет выкинул на улицу. Она мне никто.

– А дочь? Ее дочь?

– Говорят, спилась. Долгое время принимала наркотики. Дурная кровь. Не моя... Мне все равно, черт возьми, меня не интересуют эти порочные женщины, – громко и четко выкрикнул он. – Что вы еще хотите узнать, месье Франк?

– Меня вы тоже убьете?

Дойл улыбнулся, его глаза отражали отблески огня, идущие из камина, и напоминали две свечи, стоящие у кладбищенской плиты. У Франка проступил на спине пот. Сейчас решалась его судьба.

– А вы как думаете?... Страшно?... Вы зашли слишком

далеко... Не бойтесь – это совсем не больно. Вы кое-что потеряли, – и он показал на маленькую капсулу, которая лежала на столе. – Две минуты и все будет закончено... Страшно. Я понимаю... Вам всего тридцать. Вы никогда больше не увидите своих детей, жену. Они будут всю оставшуюся жизнь думать, что вы террорист. Будут стыдиться вас. Вы испортили им жизнь, месье Франк...

Он долго молчал...

А знаете,... у вас есть другой выход, месье журналист. Хотите работать у меня? – вдруг спросил Дойл.

– У вас? – опешил Франк.

– Да. Сделаете карьеру, заработаете деньги. А в той жизни вы никому не нужны – согласитесь. Даю вам последний шанс. Я не зверь.

– Да, вы не зверь, – пробормотал Франк.

– За кого вы меня принимаете, черт возьми? – засмеялся Дойл. – За всю свою жизнь я и мухи не обидел. Я писатель, и вы знаете это. Вы тоже писатель. У вас, как и у меня, написана книга. Единственная и последняя. Кстати, вы талантливый человек, месье Франк. Мне такие люди нужны.

– Я не буду на вас писать, – неуверенно воскликнул Франк.

– Писать больше ничего не нужно, это бессмысленно. Идите в агентство, вас обучат, потом дадут отдел, станете человеком. Что-то смущает? Вы же видели – у меня работают милейшие люди. По рукам?

– Нет, – прошептал Франк.

– Не понял?

– Нет, – повторил он.

– Да, вы просто безумец! Кем вы себя возомнили? Что вы можете и на что надеетесь? Если бы вы ушли отсюда, что вас ждало бы там?

– Я просто хочу вернуть свою жизнь, которую вы у меня отобрали.

– Зачем? Что вы будете там делать? Кому вы нужны? Вы знаете, что вашу книгу никто не прочитает. Вас не возьмут на прежнюю работу. Вы даже не знаете, что происходит с вашей женой за время вашего отсутствия. Может быть, она давно нашла себе другого.

– Откуда вам это известно? Этого не может быть.

– Бывает всякое, – проворчал Доил.

– Не судите по себе.

– А вы наглец!

– Зачем я вам нужен?

– Мне жалко вас, Франк. Просто хочу помочь. Вы родились не в то время.

– Ваш двойник тоже хотел мне помочь.

– Я не желаю больше ничего слышать о том ничтожестве! – заорал он и осекся. Потом эти двое долго молчали.

– Кажется, я начинаю понимать, – наконец пробормотал Франк. – Пригласив меня к себе в агентство, вы хотите оправдать свою жизнь. Не так ли?

– Мне не нужно ни перед кем оправдываться!

– Можно просьбу, мистер Дойл?

– Да.

– Мы можем говорить друг другу только правду?

Тот улыбнулся.

– Вы не ответили.

– Последнее желание? Хорошо.

– Помните ваш давнишний разговор с Майклом? Тогда ему было всего 32 года. Вы ему сказали: «Так или иначе, придет твое время, ты станешь старым и ненужным. Что ты будешь делать, о чем будешь думать? Как будешь уходить туда, после того, что натворил? За все придется отвечать.»

Помните? Что вы скажете на это? Или ваше время еще не пришло?

– Иди ты к черту со своим допотопным мышлением! – засмеялся Дойл. – Это я ненужный? Кто тебе это сказал? Кто ты и кто я? Что сделал ты в своей жизни? Написал книжку под диктовку, которую никто не прочитает? Что у тебя есть еще? А чего добился я?! Прожил за свой век две жизни!

– Первую вы тоже прожили под диктовку. А вторая – ради чего она? Зачем вам это агентство? Чего вы добиваетесь? Зачем эти ложные идеи? Они порочны, и вы знаете об этом. Это вы говорили, что есть другой закон, – и он поднял палец кверху.

– А ты не понимаешь? – все больше заводился Дойл.

– Нет.

– Это бизнес. Просто бизнес.

– И всего-то? И это ваши принципы? – Франк был потрясен. Он широко открытыми глазами с изумлением смотрел на старика, словно видел его впервые, и Дойл заметил этот взгляд.

– Всего-то? Да, мой клон Рональд был прав, когда называл тебя идиотом! – уже кричал Дойл. – Ты не можешь понять, что такое власть?! Это контроль практически за всеми государствами на планете. Мы контролируем цены на нефть, на золото, на пшеницу, черт возьми. На любое дерьмо! Контролируем курсы всех национальных валют. Мы можем устроить кризис военный, экономический, какой угодно в любой точке на планете. Это триллионы долларов! Всего-то? Мальчишка! Щенок! Всего-то! Ты в своей жизни видел хотя бы один миллион. А миллиард?...

И тут Франк захохотал. Он смеялся и остановиться уже не мог. Его трясло, слезы катились из глаз. Он раскачивался из стороны в сторону, желая что-то сказать, махал рукой, хватался за грудь. Его уже трясло. Это была истерика...

Неожиданно пришел в себя и горячо воскликнул:

– Все эти рассказы о правах человека, о демократии, о свободе личности, о священных целях, о миссии, черт возьми, блеф? Все это только ради денег? Какое убожество! Великий писатель! Гений! Обыкновенный толстосум! Какой печальный финал!

– Убожество? – уже рычал Дойл. – Так было всегда! Во

все времена! Так было на протяжении тысячелетий. Только раньше никто не мог контролировать всю планету, а мы сможем. И очень скоро. Осталось разобраться всего с несколькими государствами и мы победим. Осталась ерунда!

– А что потом?

– Что? – и он осекся.

– Сколько у вас денег?

– Не твое дело... Триллионы! Больше, чем у любой развитой европейской страны!

– Сколько вам лет, Рональд Дойл? Что будет потом?... Я все понял, – вдруг прошептал Франк. – Я понял. Вас тоже не хотят Туда забирать. Вам страшно. Вы тоже пытаетесь обмануть Бога, но у вас ничего не получается. Вы не устали? А вы знаете, как он хотел умереть, как был счастлив, когда отправлялся туда. Хотите, я вам расскажу?

Франк вскочил, продолжая говорить.

– Я был с ним рядом. Он умер у меня на руках. В тот день он надел на себя самый приличный костюм, галстук. Казалось, это был лучший день в его жизни! Задуматься только – день, когда человек получает право умереть – лучший. Это как нужно было жить? Какой кошмар. Какое убожество! Мечтать о смерти, десятилетиями ждать ее, молить Бога и не находить...

Вдруг Франк замолчал, в ужасе глядя на Дойла. Казалось, тот задыхался, старик начал стучать кулаком по столу, другой рукой хватаясь за грудь.

– Да! – наконец через силу застонал Дойл, как раненый зверь. – Меня тоже не хотят видеть Там. Меня не берут Туда, дьявол тебя побери. Будь ты проклят, мальчишка. Что ты можешь понять?... Если бы кто знал, сколько я сделал и как устал... Сколько я боролся, через что прошел...

Вдруг Дойл стал совершенно спокоен. Он взял со стола капсулу и начал крутить ее в руке. Долго молчал так, потом снова заговорил:

– А ты жестокий человек, месье Франк. Нельзя говорить людям такие вещи. Ты закончил? Что же – теперь скажу я... А, знаешь что? Я не буду тебя лишать жизни. Это было бы слишком просто! Банально! Какая-то пилюля, две минуты и все! Живи. Но там ты не сможешь ничего. Беда твоя в том, что ты талантливый человек, а, значит, не сможешь просто так сидеть, выполняя бессмысленные обязанности. Талант – это не только дар свыше, это крест, это проклятье. Ты почувствовал, что он у тебя есть, как вампир чувствует запах крови, и деваться от этого некуда. Всю свою жизнь ты будешь мучиться, как и я. Будешь хотеть исполнить свою дурацкую миссию, только тебе не дадут. А по-настоящему жить будут лишь те, кто работают у меня. Остальные чернь, рабы, мясо на бойне. Только нашим богам ты должен молиться. А не сможешь – похоронишь себя заживо. И не дай тебе бог прожить такую долгую жизнь, как я. И выход у тебя будет только один,... нет два – сойти с ума или покончить с собой – третьего не дано. И пока живо наше дело – тебе не будет места

в этом мире. Ты даже не сможешь родить ребенка, потому что ты мужчина...

Дойл замолчал. Было видно, как он устал. Но собрался с силами и снова заговорил:

– А я. Что я? Буду продолжать жить. Если меня там видеть не желают, если не пришелся ко двору, значит, останусь здесь. Придумаю что-нибудь, начну третью жизнь... Все, месье Франк. Как ты понимаешь, рукопись остается у меня. Надумаешь ее восстановить – знаешь сам, у тебя жена, дети. Надумаешь увести семью к Блэйку – я тебя предупредил, отвечать за это придется тебе. То, что произойдет с ними в том парке, будет на твоей совести. Живи в этом счастливом мире. Радуйся. Скоро здесь наступит настоящее веселье.

Дойл замолчал, он безвольно сидел, уставившись прямо в стол. За его спиной в свете отблесков огня камина мерцали пестрые обложки книг, на другой стене висели рамки. Их было великое множество, они были разных размеров и форм, инкрустированные серебром и золотом, бриллиантами, только ни одной фотографии в них не было.

– Все, ты мне надоел. Ступай прочь, и чтобы я больше тебя не видел...

Франк оцепенело замер.

– Я сказал, вон из моего дома! Иди в свою никчемную жизнь! Ты свободен!

Франк сделал несколько шагов к двери.

– Карусель, – вдруг услышал он за спиной.

– Что? – пробормотал он.

– Ничего. Ступай, – устало выдохнул Рональд Дойл...

40

Франк вернулся во Францию. Он поселился в недорогом отеле в пригороде Парижа. Денег, которые ему дал знакомый Блэйка, хватило бы на несколько месяцев, а дальше... Что ему делать дальше он не знал. Он не писал книгу, восстанавливая ее по памяти, не искал работу, он не мог вернуться к матери в Прованс, поскольку не хотел ее волновать, как не хотел находиться рядом с Жоан и детьми, боясь им навредить, зная, что за ним следят. В этом он был абсолютно уверен. К такому положению уже привык и теперь смиренно ждал. Ждал, сам не зная чего. Он даже не хотел пройти между двумя высокими деревьями в парке и попасть в другой Париж. Ему нечего было делать там без своей семьи. Он купил телефон, взамен того, что отобрал у него Блэйк, иногда звонил домой. Жоан поднимала трубку, но, узнавая его голос, бросала ее. А потом и вовсе ее не снимала, глядя на определитель номера. Говорить с ним она не хотела. Теперь он был в черном списке. Несколько раз он приезжал на свою улицу и, прячась за остановкой автобуса, наблюдал за окнами своей квартиры, видел, как по утрам Жоан выводит детей, сажает их в машину, отвозит в школу, а вечером возвращается. Нет, он не следил за ней, но видел, что у нее нико-

го нет. Дойл подло обманул его. У Жоан были только дети. Ее дети, и его. Но приближаться к ним он не решался, боясь навлечь беду. Так продолжалось месяц.

Париж ярко осветился разноцветными гирляндами, засиял улыбками прохожих, замелькал предпраздничной суетой. Скоро Рождество, а потом Новый Год. Люди соберутся в шумные компании или просто семьями и будут отмечать праздники, которых ждали целый год. Прохожие на улицах тащили, перевязанные пестрыми ленточками, коробки, авоськи с продуктами. Очень скоро они приготовят угощения и все вместе усядутся к праздничному столу. И только он никуда не торопился, ничего не хотел, зная, что эти дни проведет один.

Однажды Франк проснулся в номере отеля и долго смотрел в потолок. Он вспомнил, что сегодня Сочельник. В этот день по традиции они с детьми каждый год ездили в парк и катались на карусели. Она горделиво сверкала праздничными лампочками, стояла нарядная, как невеста, зная, что сегодня в последний раз в этом году будет радовать парижан. А завтра снова закружится, начиная новый год, который принесет людям радость, и улыбки, и счастье. Принесет обязательно, потому что в такой день думать не хотелось ни о чем другом. Потом они забегали в какую-нибудь закусочную, ели сладости, запивая восхитительной апельсиновой газировкой, а после возвращались домой. Жоан уходила на кухню, откуда доносились удивительные запахи, а

они прыгали на большой диван и гадали. Сочельник, а значит то, что сегодня нагадаешь, в следующем году обязательно исполнится. И уже поздно вечером все садились к праздничному столу...

В номер постучала горничная. Он оторвался от своих мыслей и возмущенно воскликнул, открывая дверь:

– Мадам, еще только десять часов утра.

– Завтра Рождество, месье. Можно я уберусь сейчас? До вечера еще столько нужно успеть, – и улыбнулась.

– Хорошо, через десять минут я уйду завтракать, приходите.

– Спасибо, месье. А где вы будете отмечать Рождество? – почему-то спросила она.

– Здесь.

– Один?

– Я никому не нужен, мадам.

Она немного подумала и произнесла:

– Так не правильно. Еще только десять часов утра. Время есть, до вечера вы обязательно найдете себе замечательную компанию. У вас все будет хорошо... С наступающим, месье!

– И вас.

Он быстро собрался и подошел к двери, вдруг услышал звонок телефона. С недоумением достал его. За этот месяц ему никто не звонил, да и не мог позвонить. Он действительно никому не был нужен. Вдруг понял, что это Жоан. Это

был ее номер!

– Франк?

– Да.

– Франк, прости меня.

– И ты меня.

В трубке повисла тишина.

– Приезжай, – прошептала она.

– Конечно...

Он был озадачен.

– Что-то случилось?

– Я прочитала твою книгу.

– Книгу?!

И снова долгая пауза разлучила их. Он подумал, что сошел с ума. Потом закричал:

– Где ты ее взяла? Кто тебе ее дал? Это опасно! Эти люди...

– Купила в магазине, – просто ответила она.

– В каком? – ужаснулся он.

– Она продается во всех магазинах Парижа. А ты не знал?

– Нет!

– О тебе пишут во всех газетах.

– Не знал, – пробормотал он.

– Франк, прости меня, – снова тихо прошептала она.

– И ты меня...

– Ты в Париже? Ты приедешь. Ты скоро?

– Лечу, – вдруг замер, – ты ее прочитала?

– Да.

Он немного помолчал.

– Но, ... в том Париже у меня была...

– И что?

– Ты меня не ревнуешь?

– Глупый, я не могу тебя ревновать к самой себе. А хочешь...

– Что?

– ...хочешь, я брошу свой банк и пойду работать в зоопарк?

Он засмеялся.

– А хочешь, я выброшу из квартиры всю мебель и оставлю только дедушкин шкаф?

– Ты сумасшедшая! – уже хохотал он.

– Приезжай, Франк, мы тебя ждем!

– Да! – закричал он.

Франк вскочил и кинулся к двери. Столкнулся с горничной. Та с изумлением на него посмотрела. Он схватил ее за щеки, притянул к себе и чмокнул прямо в губы.

– Месье? – не поняла она.

– Ваше предсказание уже сбылось! Вы чудо!

– Не я, месье. Сегодня Сочельник. Сегодня предсказания сбываются все, даже самые невероятные. С наступающим!

– И вас!

Он уже летел по ступенькам вниз. Быстро рассчитался за

номер и кинулся на улицу, потом заскочил в первый попавшийся книжный магазин и замер у полки. Вдруг услышал:

– Месье!.. Это вы?... Дайте пожалуйста автограф!.. И мне!.. И мне!..

Его уже окружала толпа. Он неумело черкал на чьих-то страницах, потом бросил на прилавок деньги и заорал продавцу, перекрикивая толпу:

– Дайте мне книгу.

– Вашу? – улыбнулся тот.

– Конечно! – воскликнул он.

– Месье, денег не надо, для нас это большая честь. Возьмите, это подарок к Рождеству.

– Спасибо.

Он отбежал от магазина всего на несколько шагов и в нетерпении замер, книга жгла ему руки. Прямо посреди тротуара раскрыл ее и начал листать. Все походило на правду, ничего не было переиначено и переписано, изменено. Долго так стоял и листал. Потом добрался до конца, обнаружив еще одну главу. Ее он не писал. Он не мог ее написать, потому что все происходило в страшном замке, откуда он чудом вырвался на свободу. Кто-то слово в слово записал их разговор с Дойлом. Словно тогда их подслушивали или снимали на камеру. Неужели... Он снова открыл первую страницу. Там стояло название – “Чертова карусель”. Почему – чертова? Почему карусель? Так он книгу не называл. Он вообще никак ее не назвал. К тому времени он еще не успел при-

думать названия. “Чертова карусель”, – снова прочитал он. Потом долго с недоумением смотрел в самый низ титульной странички, где было написано, что тираж книги составляет... семьдесят миллионов экземпляров, дальше шел длинный список стран, на чьи языки она была переведена и где сейчас продавалась, а в самом начале шло предисловие, подписанное знакомым именем. Имя это было – Рональд Дойл.

41

И закружилась карусель в сумасшедшем вихре, в безумном безудержном порыве. Восторженные крики детей и взрослых слышны были в самых отдаленных уголках парка, они стелились по земле, взмывали ввышину, уже неслись над сиятельным Парижем, который торжественно мерцал иллюминацией, бесконечными вереницами гирлянд, и готовился встретить незабываемый праздник, который почти наступил. А эти четверо сходили с ума. Они снова и снова заскакивали на лошадок и слоников, на ослов и жирафов, потом карусель останавливалась, и они бежали за билетами.

– Почему нельзя сразу купить много билетов и не слезать с карусели? – наконец не выдержал он.

– Нельзя! – серьезно ответила Жоан, и он понял, что другого ответа и быть не могло. Нельзя и все!

Сейчас Жоан напоминала ему ребенка. Она сидела на лошадке, крепко обхватив ее за шею, а глаза ее светились от

счастья. Оборачивалась, махала им рукой и вновь на белом скакуне уносилась прочь. Он плелся следом на несуразном ослике, а дети, забравшись в большой паровоз, преодолевая встречный ветер, уверенно пробивали себе дорогу. Вдруг Франк неподалеку увидел знакомую фигуру и, когда круг закончился, сказал Жоан:

– Я ненадолго отойду.

– Куда?

– Куплю газированной воды.

– Хорошо, милый – мы будем ждать тебя здесь.

И снова знакомая скамейка, а на ней Блэйк.

– Что вы здесь делаете? – удивленно спросил Франк.

– Пришел вернуть вам это, – с этими словами он протянул телефон и водительское удостоверение. Франк взял документ и повертел его в руке.

– Вы возвращаете мне мою жизнь?

– Нет, месье Франк, вы сделали это сами.

Они немного помолчали. Потом Блэйк вынул газету.

– Что это? – не понял Франк.

– Прочитайте, – и показал на статью, где Франк увидел знакомое лицо. Фотография была крошечная черно-белая. А дальше мелким почерком шла короткая надпись – “На 87-ом году жизни скончался известный американский писатель Рональд Дойл”. Франк задумался, потом прошептал:

– Ему это удалось. Наконец его забрали. Он выполнил свою миссию.

– Миссию? Не знаю. Думаю, он снова обманул Бога. Откупился. Что же, это его судьба.

– Вы пришли сюда. Это не опасно?

– Сейчас им не до меня. После известных событий в агентстве произошли некоторые изменения. Они вынуждены изменить политику своей деятельности.

– Как?

– Не знаю. Сейчас это досье читают во многих странах мира...

– Досье?

– Извините... Вашу книгу. Теперь все снова зависит от людей. Только от людей. Тот редкий случай, когда это происходит. Обычно все решают за них. А воспользуются они правом жить по-другому или нет, покажет время. Только время.

Они снова помолчали. Вдруг Блэйк воскликнул:

– Вы ни о ком не хотите меня спросить?

– О ком?... Жоан? – вздрогнул он.

– Да.

– Что с ней?

– Вы забыли дать ей адрес Луи. Прованс – провинция большая.

– Откуда вы все знаете?

– Это моя работа.

– Да, забыл... Кошмар, – пробормотал Франк. – Что же делать?

– Ничего.

– Но вы могли ей помочь! Вы наверняка знаете, где живет Луи.

– Конечно.

– Почему же не сделали этого?

– Так было бы слишком просто. На следующий же день она отправилась на юг и объездила массу городов от Ниццы до Альпийских гор. Заходила во все редакции, во все газеты.

– И что?

– Нашла. Она сделала это.

– Что же Луи?

– Пойдемте, – и Блэйк встал со скамейки. Очень скоро они подошли к двум высоким деревьям и сделали еще несколько шагов.

– Посмотрите туда, – произнес Блэйк. И тут Франк увидел на карусели две знакомые фигуры. Это были Жоан и Луи. Франк замер. Он впервые в жизни видел свою абсолютную копию. Подойди ближе и посмотри этому мужчине в лицо, покажется, что смотришься в зеркало. Франк глядел, не отрываясь.

– Им хорошо вдвоем, – наконец пробормотал он.

– Да, – просто ответил Блэйк, – поэтому и не помог. Она все сделала сама. Зато теперь у нее есть свой маленький Париж.

Франк шагнул в сторону карусели, но Блэйк, взяв его за локоть, остановил:

– Думаю, не стоит им мешать, – произнес он.

– Да. Вы правы... Вы совершенно правы.

– Прощайте, месье Франк.

– Прощайте, мистер Блэйк. Бог даст – еще свидимся.

Тот немного помолчал, подумал, посмотрел на Франка и ответил:

– Не дай вам Бог. Живите в своем Париже. Путь и у вас все будет хорошо.

– Будет, все будет...

– Но помните одно. Если когда-нибудь вы опять услышите замечательные слова о толерантности, о свободе и правах граждан, значит агентство на умерло и все начинается с самого начала – болтовня, а потом войны и террор. Ну, это я так... Будем надеяться на лучшее. Прощайте!

Через минуту Франк вернулся к карусели, где его ждали Жоан и дети. Они с радостью его встречали, словно он исчезал на целую вечность.

– А где же вода? – удивилась Жоан.

– Что? – не понял он.

– Ты ходил за газировкой, папа! – воскликнул сын.

– Да, ходил, – пробормотал он.

– Ну и где она? – спросила дочь.

– Забыл... Ходил, чтобы ее купить, а потом забыл.

И все радостно засмеялись.

– Пойдемте, купим ее все вместе, – воскликнула Жоан. И они направились в дальний уголок парка. Вдруг Жоан тихо

спросила:

– У них все хорошо?

– Да, – ответил Франк, – все хорошо.

– А у нас?

– И у нас теперь тоже будет все хорошо.

– Ты в это веришь?

Он немного подумал, посмотрел на детей. Те гордо шагали впереди, о чем-то радостно говоря и размахивая руками. Потом оглянулся на карусель, которая беспечно кружилась, переливаясь в свете ярких фонарей, сверкая гирляндами и праздничной мишурой. Она была великолепна! Она была божественна! Тогда он заглянул в красивые глаза Жоан и твердо сказал:

– Да.